

АТЕИСТ

№ 1

1925 г.

308
19354

От редакции

С 1 мая 1925 г. мы возобновляем наш журнал „Атеист“.

Этот журнал наш находится в полной идеологической преемственности с теми двумя №№ журнала, кои мы выпустили в феврале и марте 1922 г.

Наша цель—научная борьба с религией, как с идеологической надстройкой, ненаучной и вредной для трудящихся масс.

Наша цель—борьба с организацией церковников, как с политической силой, использующей религиозные суеверия всяческих культов в своих угнетательских целях.

Наш журнал—посильная помощь активным атеистам и тем, кто таковыми быть хочет и быть обязан.

Слово наше к тем, кто хочет руководиться в общественной, семейной и личной жизни наукою и кто хочет быть чуждым веры в существование и вмешательство в жизнь природы и общества каких бы то ни было волшебных сил.

Наши враги: организаторы религиозной пропаганды, как льющие золото на это гнусное дело из касс своих черных бирж, так и поглощающие его—цеховые кудесники из молитвенных домов.

Для этих людей религия—механизм психического насилия над массами. Им религия—Управа полицейского благочиния, аппарат упрочения эксплуататорских общественных отношений.

Наши враги: „высокообразованная“, квалифицированная верхушка капитала,—та, нетрудовая часть интеллигенции, которая, питаясь в прошлом от этого порядка, не имеет в себе мужества и чести раз на всегда—безоговорочно—порвать со старым миром насилия и лжи, а также с его идеологией.

Мы знаем эту часть интеллигенции: бывшие присяжные поверенные, бывшие акцизные и иные надзиратели, „императорские“ артисты и художники, царское офицерство, педагоги со средневековою головою, религиозные врачи, благочестивые инженеры, и,—в особенности—„верующие“ профессора и академики, те, что заседают в приходских советах поповских объединений; гуляют с церковною тарелкою; мажутся лампадным маслом; обливаются целебной водичкой; целуют ленты торы; причащаются,—словом, всячески рекламируют „ныне и присно“ перед массами свое благочестие и раскаяние в былом вольнодумстве.

Эти лампадки, лампасники, мистики, теософы, „идеалисты“ — когда-то, в студенческие годы, что-то болтавшие о революции, — ныне порой занимают ответственные места на рабоче-крестьянской, советской, службе и, в то же время, не гнушаются... местечками в приходских советах. Эти последние для них, с одной стороны: путь к уловлению клиентов и к достижению коммерческих целей около церковных касс, елей, дровишек и свечей; с другой стороны, — звание члена какого-нибудь приходского совета — способ обеспечения доказательства их благонамеренности в глазах своих старых хозяев, на случай их столь чаемого восстановления.

Этот белый и желтый фронт извергает как за границей, так, к сожалению, даже у нас, в условиях советской общественности, — целые потоки религиозной лжи.

В Пруссии, например, издаются тома „Archiv für Religionswissenschaft“ (Архив по изучению религий).

Этот орган носит некоторый либеральный оттенок, объявляется „вневероисповедным“ и редактируется „цветом германской науки“: Ахелисом, Вюншем и т. п. идеологами прусской буржуазии и бюрократии.

Там же, в Германии издаются тома: „Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft“ и „Zeitschrift für alttestamentliche Wissenschaft“.

Эти журналы специально посвящены одним только вопросам и защите ветхого и нового завета.

В них подвизаются целые дружины Иисусовых полков, „высокоавторитетные“, „высокоуважаемые“ богословы, т. е. шарлатаны: пасторы Вейсы, Юлихеры, Гарнаки, эти сторожевые псы капитализма, экспортирующие на весь мир духовные цепи под маской борьбы за „высшие начала культуры, духа, чистого разума“ и т. д.

Перечислять подобные журналы и книги, выходящие по сей день, хотя бы только во Франции, в Англии или в Северо-Американских Соединенных Штатах, — классических странах ханжества, это значит: заполнить только одними названиями их весь наш первый № журнала „Атеист“.

Через все эти бумажные лавины „изучения“ и защиты религии всесветный капитализм, окапывается за распятие, кадило, кропило, ладанки, мощи, новоявленные иконы, за „таинства“, за мистическое пение, за проповедническое сокрытие классовой природы общества, за проповедь „непротивленчества“, неизбежности „Страшного Суда“, божественного черного террора для непокорных по воле мифических спасителей в потустороннем мире и т. п.

Наш журнал — наша посильная попытка противостоять этим методам одурачивания людей труда.

Соответственно этим заданиям наш журнал будет распадаться на отделы:

1. Политический, — посвященный разоблачению контрреволюционной и шангажной деятельности церковников.
2. Церковь и государство, история атеизма.
3. Историко-религиозный и культурно-исторический — статьи по вопросам истории религий и культуры, как в нашем, т. е. материалистическом освещении, так и в освещении идеологически чуждых нам, но дающих обширный фантический материал, исследователей, в том числе и иностранных, поскольку таковой их материал может быть использован в интересах воинствующего атеизма.

4. Методы антирелигиозной пропаганды.

5. Библиографический — сведения и отзывы о книгах и статьях в области религии и ее критики, выходящих у нас и за рубежом.

6. Театральный, — отображающий через театр и кино как книгу политическую пропаганду религии, так и борьбу с нею.

7. Крайняя антирелигиозного движения у нас и за рубежом. Новый быт.

8. Вопросы и ответы.

Редакционная коллегия ждет от всех, сочувствующих этим нашим заданиям, помощи — присылкою соответствующих научных материалов.

Добросовестную критику наших ошибок мы встретим с искренней признательностью.

1 мая 1925 г.

Святой Василий Грязнов—защита подмосковных акул текстильной промышленности

Буде святой Иоанн Златоуст, красноречивый стряпчий, сменивший адвокатскую тогу на шелковые волны монашеской рясы, крупный помещик и видный ханжа 4 столетия—консультировал царям о польности инсценировок мощей—в целях затемнения народного рас-судка.

Другой „преподобный святой“, Григорий богослов, того же 4 столетия, виднейший охранитель трона константинопольского императора,—так описывал своему соратнику по оружию,—блаженному Иерониму:

„... Надо побольше небылиц, чтобы... производить впечатле-ние на толпу. Чем меньше (!) толпа понимает, тем больше она вос-хищается. Наши отцы и учителя не всегда говорили то, что думали, а то, что влагали в уста обстоятельства и потребности“.

Для одурачивания трудового народа—в целях его экономиче-ского и политического угнетения—и Иоанн Златоуст, и Иоанн Богослов, и блаженный Иероним и сотни других, им подобных, оста-вили после себя богатое наследство специальных поповских мисти-фикаторских сценариев, так называемые обедни, литургии, кофдаки, троцари, прмосы и т. п. дела и песни, кои рекомендовалось проде-лывать возле многопудовых золотых и серебрянных рак с вообра-жаемыми „метленными“ мощами.

Коммерческие и политические расчеты подсказывали помещи-кам выгодность таких фетишей у больших торговых трактов, ярма-рочных мест, возникающих административных центров и т. п.

Наличность фетишей придавала—религиозное освящение.

В этих целях московские князья организовали инсценировку культа церковника Сергия Радонежского; император Петр Великий—организовал в С.-Петербурге культ мощей Александра Невского и т. д.

Эти религиозные эффекты должны были отвлекать темные народные массы от „внутренних нестроений“, от классовой борьбы.

Именно в этих целях Николай II Романов прославил, одни за другими, мощи Феодосия Углицкого, Серафима Саровского, княгини Анны Кашинской, Иосифа Белгородского, Питирима Тамбовского и Иоанна Тобольского.

Именно в этих целях отвлечения народного внимания от вку-тренних нестроений—собравшиеся в Москве в 1917—1918 гг. на По-местный Собор попы, монахи, помещики, купцы, царская бюрократ-тия, профессора богословия—инсценировали—на случай восстано-вления в России монархии,—под водительством т. н. патриарха Ти-хона,—культ астраханского митрополита Иосафа, сражавшегося со

Стенькою Разиным, с оставлением этих вещей „пока что“ под спудом.

Октябрьская революция вскрыла лабораторию инсценировки одного такого культа уже не праведника из светских или прасофорных помещиков, или идиотиков феодального периода („Василий блаженный“ и т. п.), а святого праведника—капиталиста, большого человека от индустриальной промышленности, что является совершенно новым образцом религиозного обожания.

Эта же Октябрьская Революция и помешала дальнейшему продвижению культа такого праведника капиталиста Василия Грязнова, основоположника благополучия подмосковных миллионеров-фабрикантов текстильной промышленности Богородского уезда Московской губернии: семейств Лабзиных, Грязновых, Елагиных и т. д.

Василий Грязнов родился в 1816 г., в пяти верстах от Павловского посада, Моск. губ., ранее вотчины Троицко-Сергиевской Лавры.

По утверждениям местных старожилов,—он был в молодости разбойником, громил на дороге, что ведет в село Гуслицы (соседнее село), и, к тому же, евнух.

По сведениям местного Отдела Управления за время разбойничества Грязнова на шоссе им было загублено не мало человеческих жизней.

Ведя разгульную, пьяную жизнь, он одновременно занимался чтением церковной литературы, что создало ему некоторую известность среди местных фабрикантов. Он знакомится с местным королем текстильной промышленности, фабрикантом Яковым Ивановичем Лабзиным.

Вскоре после этого знакомства, Я. И. Лабзин берет себе в жены красную сестру Грязнова, Акулину Ивановну Грязнову. С этих пор положение Грязнова упрочивается.

Я. И. Лабзин ездил по ярмаркам для закупок сырья и продажи своего товара. Грязнов весь отдался управлению фабрикой.

Торговые дела Я. И. Лабзина все более и более процветают.

—„Уже золото течет рекою“,—как описывают наследники состояние торговых дел Лабзина за этот период.

Благодарный Я. И. Лабзин делает Грязнова юридическим соучастником своего дела и учреждает торговый дом: „Яков Лабзин и Василий Грязнов“. К 1855 году у них состоят уже на службе 1222 рабочих, (не считая такого же количества рабочих кустарей, работающих для фирмы на дому.—Указатель б. Московских выставок русских мануфактурных изделий 1865 г.). По состоянию промышленности того времени, это фабрика являлась одною из самых больших фабрик России.

На их фабриках рабочее время фактически равнялось 15—16 часам.

Сохранились подлинные расчетные книжки с рабочими: Осипом Микифоровым, 1865 г., и Парисом Харитоновым, 1868 г. Их заработок равнялся 5 р. 50 к.—7 р. 70 к. ежемесячно *).

Согласно „общим правилам“, припечатанным в этих расчетных книжках и говорящим „об обязанностях и правах хозяина“, со ссылкой на закон,—„хозяин обязан обращаться с нанявшимся на его фабрику справедливо и кротко“.

*) См. дело Народного Комиссариата Юстиции, 1920 г., по Отделу Культур, об инсценировке культа фабриканта Василия Грязнова, с целью эксплуатации отсталых масс на почве религиозных суеверий.

„Нанявшиеся в работу фабричные обоюго пола—всякого возраста должны быть верными, послушными и почитательными хозяину и его семье и стараться добрыми поступками и поведением сохранить тишину и согласие“!!!

„За явное неповиновение фабричных и заводских людей владельцу или управляющему фабрикою, оказанное целую артелью или толпою, виновные подвергаются наказаниям, определяемым за востание против власти, — правительством! установленных“, и делается ссылка на ст. 1791 уложения о наказаниях самодержавного правительства.

Кроме этик, общих для всех рабочих того времени, правил, торговым дом Лабзина и Грязнова установил еще „особые правила“ на фабрике, для своих рабочих:

а) За опоздание на службу сверх 15 м. после звонка—вычет из заработной платы, как за весь день. В случае прогула целого дня—вычет за три дня.

б) В праздничные дни допускается фабричным и мастеровым, паросиам обоюго пола, отлучаться с фабрики, но если они помещаются в квартирах в самых зданиях оной, то должны возвращаться летом—не позднее десяти, а зимою—не позже восьми часов вечера, под опасением записки с них в сей тетради взыскания в пользу бедных и больных фабричных и рабочих, равняющегося той плате, которая причитается им за целый рабочий день.

в) Не совершеннолетние мальчики и девочки, на фабрике находящиеся и помещенные в зданиях ее, могут в праздничные дни отлучаться с фабрики не иначе, как по дозволенным запискам хозяина или конторы, и должны возвращаться утром не позже времени обеда, а вечером—как летом, так и зимою—не позже 6 часов.

г) Живущие в зданиях фабрики рабочие и мастеровые обоюго пола, без дозволения хозяина или конторы, не должны принимать к себе на посторонних знакомых и родных, ни для ночлега, ни на какое время, которое превышает краткость обыкновенного свидания, подвергаясь в противном случае взысканию, равняющемуся той плате, которая причитается им за три рабочих дня.

д) Рабочие и мастеровые обоюго пола и всякого возраста должны ходить по воскресным и праздничным дням в церковь. Виновные в неисполнении сего подвергаются денежному взысканию.

О чем Василий Грязнов, уходя от этого света, мечтал и „на том свете“.

Сохранилось подлинное завещание Вас. Ив. Грязнова, написанное им в 1868 г.

Составлено оно: „Во имя господа всемогущего, во святой троице ставимого, отца и сына и святого духа. Аминь“.

„Аз многогрешный раб христов, Василий Иванович Грязнов, купец первой гильдии, в здравом уме и твердой памяти, но размышляя о часе смертном, заблаговременно учинить сие духовное завещание в следующем: 1) Когда всевышнему творцу угодно будет пресечь дни мои, то завещаю братьям моим, Никифору и Ивану, а также ближайшему моему родственнику, Якову Лабзину, тело мое похоронить по христианскому обряду и делать об упокоении души моей должное поминовение 2) Прошу всех, знавших меня, друзей и родных, простить во всем, что против них худого сотворил,—словом

или делом,—ведением или неведением, ибо ни я и душе моей все прощено и никакого худого не имею. Относительно же доли приобретенного имущества моего,—я делал следующее завещание: так как все имущество мое заключается в торговом доме, открытом с разрешения начальства, в Павловском посаде, на основании договора, мною с Я. Лабзиным 1. II 1868 г. заключенного и заключенного в Москве у нотариуса Гайдукова, под фирмою „Я. Лабзина и В. Грязнова“, где я состою товарищем и участником в половине всего движимого и недвижимого имущества и капитала, торговому дому принадлежущего,—то из этого имущества три равные части после смерти моей должны принадлежать моим двум братьям и трем племянницам (Зине, Ольге и Наталье Лабзиным), а над оставшею четвертою частью, так же равною, я оставляю душеприказчиками братьев моих—и Николая Лабзина, кои могут распорядиться ею по своему усмотрению,—и если они пожелают после смерти продолжать общую торговлю, то должны иметь участие в принадлежавшей мне половине каждый в равной доле“.

Таким образом,—ни один рабочий, ни один бедный человек не был упомянут наследодателем Грязновым в сознании раскаяния в предсмертные минуты своей эксплуататорской жизни и все колоссальное имущество перешло в те же семейные угнетательские купеческие руки торгового дома Лабзиных и Грязнова.

Это духовное завещание Московским Сиротным судом, по прошению наследников, в 1869 г. было утверждено к исполнению—„по указу его императорского величества“.

Благочестие Грязнова.

Сам Грязнов был активный помощник известного сторонника крепостного права, Московского митрополита Филарета и исполнял, по его поручению, сыскные и жандармские обязанности по придушению как местных раскольников, порвавших с государственною религиею, так и людей, принимавших то или иное участие в революционных движениях—в полном разрыве с какою бы то ни было религиею.

Естественно:—по купеческим традициям, он же всячески помогал церковникам деньгами, строил церкви, содержал церковные хоры был церковным старостою.

Будучи активным монархистом, Грязнов в личной жизни своей был ханжа и не редко любил представляться благочестивым старцем; действуя в таком смысле на простых, доверчивых людей, и для обмана суеверных, простых душ построил себе, сзади своего дворца, простой деревянный сруб, келью.

Когда кто из рабочих терпел неправду,—он приходил к Грязнову, который обычно утешал так: „терпи, знаешь. Переноси все. Ни на кого не обижайся. Бог за все вознаградит впоследствии.“

У Грязнова основными нотами „проповеди“ было: необходимость здесь, на земле, терпеть, страдать, не роптать, не возмущаться; принимать политическое бесправие, экономическое угнетение, нищету, как испосланное небом, божьим промыслом,—а значит, якобы, неизбежное.—в представлении забитого человека. Посему Грязнов рекомендовала своим рабочим и окрестным крестьянам лишь молиться богу, надеяться и ждать справедливости после смерти, при втором пришествии мессии искупителя.

В. И. Грязнов устроил на территории дворца Лабзиных, за свой счет,—согласно совету и разрешению митрополита Филарета,—обще-

житие, куда и поместил известных ему 11 человек, в общинность коих входило рекламировать его среди окрестных деревень, как человека, якобы, святой жизни и святых помыслов. Этим 11 человекам Грязнов даже сочинил устав паразитической жизни.

Для каких политических целей капиталисты Лабзины основывали в Павловском Посаде монастырь.

Вскоре после смерти Грязнова Яков Лабзин, — в целях увековечения в населении памяти своего торгового компаньона, — строит в Павловском посаде храм и обращается к светским и духовным властям с ходатайством о разрешении при этом храме создать женскую обитель.

В 1885 г. на имя благочинного Богородского уезда Павла Доброклонского из московской духовной консистории посылается для объявления следующий указ:

„Яков Лабзин в прошении к его преосвященству прописал, что по смерти жены его, с совета ее брата, благочестивой жизни старца Василия Грязнова, который был его — Лабзина — искренним другом и советником, вознамерился он, Лабзин, построить храм во имя покрова пресвятыя богородицы, дабы в сем храме неопустительно возносились молитвы к богу об упокоении души усопшей его супруги и всех родных. В 1870 году, уже после смерти Василия Грязнова, вознамерился он, Яков Лабзин, осуществить свой план, приступить к построению храма, и в 1874 г. храм был устроен и освящен. Лабзин присовокупил, что имеет он при себе трех дочерей — Анну, Ольгу и Наталью, — коим желательно в новоустроенном доме поместить на жительство бедных, бесприютных девиц разных сословий, с тем, чтобы они, живя здесь, занимались рукоделiem и молитвой; недостаточность же их содержания намерен он, Лабзин пополнять своими собственными средствами. Потому Яков Лабзин и просит дозволить этии девицам, по примеру женских монастырей, во время церковного богослужения петь на клиросах. Предписано „Дозволить“.

Из обозрения архивного дела за 1884 г. б. правительствующего синода об учреждении данной женской обители видно, что на постройку церкви имени так наз. святого преподобного Василия Постника и построек при ней Лабзин истратил 210.000 р.

В деле имеются „правила“, составленные митрополитом Филаретом, „удобоприменимые“ и к данной Покровско-Васильевской общине.

Просветительная программа этой обители: закон божий, священная история, читать по-славянски и по-русски, церковное пение, рукоделие и в летнее время — огородничество. И все. — „Наблюдение за учебной частью поручается местному священнику; „После утренних молитв дети должны вычитывать одну главу из евангелия и одну главу из псалтыря с заупокойной молитвой об „упокоении Василия Грязнова“, (погребенного под сводами этого собора).

В правилах к этой общине имеются и „основания“ этого дела:

1) Житие монашеское должно быть благоустроено на неизблемом основании слова божия, при пособии наставления и примеров святых отцов: ибо только на сем основании здание духовной жизни и спасения воздвигается прочно и благонадежно, а что строится на песне помыслов и желаний человеческих, то не твердо и угрожает падением великим“.

3) Дающий обет целомудрия должен внимать слову христову: „могий вместити, да вместит“ (Матв. 19), и слову апостольскому.

„не оженившийся печется о господних, како угодити господеви“ (I кор. 6).

6) О благотворности послушания, о потребности духовного руководства, об опасном поношении жить по своей воле,—должно вразумлять себя словом премудрого Соломона: „им же несть управления—падают, аки листие; спасение же есть во мнозе совете,“ (притч. 11, 14).

7) От сих главных начал должны происходить, и, к ним быть применяемы, все правила и распоряжения, благоустроющие монастырское братство в совокупности и поведение каждого лица и братств, простирающиеся не только на жизнь духовную и нравственную, но и на состояние внешнего благочиния и хозяйства. . .

Далее идет целая серия указаний, как должно дрессировать взятых в монастырь бездомных пролетарских детей,—путем навыков культа, чтения „подвижнических“ писем Василия Великого, Иоанна Лествичника, материалов из „Добротолюбия“ и т. п., дабы путем определенной, выработанной за феодальный период истории, системы духовного угнетения трудящихся масс,—выбить из них всяческое проявление их личности, создать из них безропотное стадо, развратить и направить эти же пролетарские массы против пролетариата-же.

Из обозрения архивного дела за 1902 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1902 году синод, в полном согласии с директором департамента полиции камергером фон-Валем, постановляет: согласно ходатайству Лабзиных и монахини Алевтины,—указанную Покровско-Васильевскую женскую общину возвести на степень монастыря.

Из обозрения архивного дела за 1903 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1903 г. в виду отзыва московского митрополита Владимира о монахини Алевтине, как об „опытной в административном и хозяйственном отношениях“, синод постановляет: назначить ее настоятельницею этого монастыря, с возведением в сан игуменьи, а Ольгу Лабзину утвердить в звании попечительницы монастыря.

Что выболтал продажный писаня Грачев?

В связи с учреждением этой монастырской общины—Лабзины купили перо некоего „смиренного старца Михаила Грачева“ и выпустили за его подписью несколько „слов“ по случаю учреждения и открытия этой общины (см. брошюру, напечатанную в Москве в тип. Гербек, 1884 г.).

Эта брошюра характерна, как материал, документально разъясняющий тайные цели капиталистов Лабзиных при создании этой общины. Брошюра имеет заголовок: „и будет едино стадо и един пастырь“.

Начало брошюры—в обычных фарисейски-елейных тонах, свойственных всем культам: „Благоговея к промыслу божьему, таинственно и для нас непостижимо (?!) устрояющему многообразные и дивные пути ко спасению рода человеческого, и, питая глубоко-почтительное сочувствие к православному иночеству, из среды коего выходили в древности, выходят теперь и будут, по милости божей, выходить великие святители и молитвенники земли свято-русской, право правящие слово христовой истины и мудро правящие кормилом церкви православныя, я, простой русский человек, приемлю смелость

житие, куда и поместил известных ему 11 человек, в обязанности коих входило рекламировать его среди окрестных деревень, как человека, якобы, святой жизни и святых помыслов. Этим 11 человекам Грязнов даже сочинил устав паразитической жизни.

Для каких политических целей капиталисты Лабзины основывали в Павловском Посаде монастырь.

Вскоре после смерти Грязнова Яков Лабзин, — в целях увековечения в населении памяти своего торгового компаньона, — строит в Павловском посаде храм и обращается к светским и духовным властям с ходатайством о разрешении при этом храме создать женскую обитель.

В 1885 г. на имя благочинного Богородского уезда Павла Доброклонского из московской духовной консистории посылается для объявления следующий указ:

„Яков Лобзин в прошении к его преосвященству прописал, что по смерти жены его, с совета ее брата, благочестивой жизни старца Василия Грязнова, который был его — Лабзина — искренним другом и советником, вознамерился он, Лабзин, построить храм во имя покровы пресвятыя богородицы, дабы в сем храме неопустительно возносились молитвы к богу об упокоении души усопшей его супруги и всех родных. В 1870 году, уже после смерти Василия Грязнова, вознамерился он, Яков Лабзин, осуществить свой план, приступить к построению храма, и в 1874 г. храм был устроен и освящен. Лабзин присовокупил, что имеет он при себе трех дочерей — Анну, Ольгу и Наталью, — коим желательно в новоустроенном доме поместить на жительство бедных, бесприютных девиц разных сословий, с тем, чтобы они, живя здесь, занимались рукоделием и молитвой; недостаточность же их содержания намерен он, Лабзин пополнять своими собственными средствами. Пстому Яков Лабзин и просит дозволить эти девицам, по примеру женских монастырей, во время церковного богослужения петь на клиросах. Предписано „Дозволить“.

Из обозрения архивного дела за 1884 г. б. правительствующего синода об учреждении данной женской обители видно, что на постройку церкви имени так наз. святого преподобного Василия Постника и построек при ней Лабзин истратил 210.000 р.

В деле имеются „правила“, составленные митрополитом Филаретом, „удобоприменимые“ и к данной Покровско-Васильевской общине.

Просветительная программа этой обители: закон божий, священная история, читать по-славянски и по-русски, церковное пение, рукоделие и в летнее время — огородничество. И все. — „Наблюдение за учебной частью поручается местному священнику; „После утренних молитв дети должны вычитывать одну главу из евангелия и одну главу из псалтыря с зауспокойной молитвой об „упокоении Василия Грязнова“, (погребенного под сводами этого собора).

В правилах к этой общине имеются и „основания“ этого дела: 1) Житие монашеское должно быть благоустроено на неизбежном основании слова божия, при пособии наставления и примеров святых отцов: ибо только на сем основании здание духовной жизни и спасения воздвигается прочно и благонадежно, а что строится на песне помыслов и желаний человеческих, то не твердо и угрожает падением великим“.

3) Дающий обет целомудрия должен внимать слову христову: „могий вместити, да вместит“ (Матв. 19), и слову апостольскому.

„не оженившийся нечетен о господних, како угодити господеви“ (1 кор. 6).

6) О благотворности послушания, о потребности духовного руководства, об опасном помысленном жить по своей воле, — должно вразумлять себя словом премудрого Соломона: „им же несть управления—падают, аки листвие; спасение же есть во мнозе совете,“ (притч. 11, 14).

7) От сих главных начал должны происходить, и, к ним быть применяемы, все правила и распоряжения, благоустрояющие монастырское братство в совокупности и поведение каждого лица и братств, простирающиеся не только на жизнь духовную и нравственную, но и на состояние внешнего благочиния и хозяйства. . .

Далее идет целая серия указаний, как должно дрессировать взятых в монастырь бездомных пролетарских детей,—путем навыков культа, чтения „подвижнических“ писем Василия Великого, Иовинна Лествичника, материалов из „Добротолюбия“ и т. п., дабы путем определенной, выработанной за феодальный период истории, системы духовного угнетения трудящихся масс,—выбить из них всяческое проявление их личности, создать из них безропотное стадо, развратить и направить эти же пролетарские массы против пролетариата-же.

Из обозрения архивного дела за 1902 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1902 году синод, в полном согласии с директором департамента полиции камергером фон-Валем, постановляет: согласно ходатайству Лабзиных и монахини Алевтины, — указанную Покровско-Васильевскую женскую общину возвести на стень монастыря.

Из обозрения архивного дела за 1903 г. б. правительствующего синода видно, что в сем 1903 г. в виду отзыва московского митрополита Владимира о монахини Алевтине, как об „опытной в административном и хозяйственном отношениях“, синод постановляет: назначить ее настоятельницею этого монастыря, с возведением в сан игуменьи, а Ольгу Лабзину утвердить в звании попечительницы монастыря.

Что выболтал продажный писана Грачев?

В связи с учреждением этой монастырской общины—Лабзины купили перо некоего „смирненного старца Михаила Грачева“ и выпустили за его подписью несколько „слов“ по случаю учреждения и открытия этой общины (см. брошюру, напечатанную в Москве в тип. Гербек, 1884 г.).

Эта брошюра характерна, как материал, документально разъясняющий тайные цели капиталистов Лабзиных при создании этой общины. Брошюра имеет заголовок: „и будет едино стадо и един пастырь“.

Начало брошюры—в обычных фарисейски-елейных тонах, свойственных всем культам: „Благоговея к промыслу божьему, таинственно и для нас непостижимо (?!?) устрояющему многообразные и дивные пути ко спасению рода человеческого, и, питая глубоко-почтительное сочувствие к православному инокеству, из среды коего выходили в древности, выходят теперь и будут, по милости божей, выходить великие святители и молитвенники земли свято-русской, право правящие слово христовой истины и мудро правящие кормилом церкви православныя, я, простой русский человек, приемлю смелость

сказать несколько слов о **нозоучрежденной в Павловой** косаде общине".

После описаний, как Грачев, по приезде на торжество, останавливался переночевать у старого знакомого его, Якова Лабзина,— он продолжает:

„В этом храме погребен шурина Лабзина, **памятный благочестивой** гайзнью и ревностью к церкви божьей,—В. И. Грязнов".

Далее автор брошюры разбалтывает о тайных политических целях, коя побуждали царское правительство, помещиков, попов и царскую охранку устроить в старинном фабричном богородском районе монастырь.

„В продолжение нескольких лет асе старания правительства обратить заблудших на путь правый остались тщетными и тля разврата и кяверия глубже и глубже входила в здешнее общество".

В 1557 г. министром **государственных нмуществ** Муравьевым командированы были в 1'услкцы, (соседнее село, где проживали **постоянно восстававшие** крестьяне и рабочие и откуда был родом **Грязнов**), особые чиновники с целью на месте узнать, как глубоко зло пустило корни свои и что следует предпринять, чтобы **вовсе уничтожить эти корни и очистить нравственную почву от плевел, посеянных кривотолками. Донесения чиновников, что все толки о Гуслицах как нельзя более справедливы, наполнили ужасом сердце ревнителя православия Муравьева, и он предложил его величеству принять должные меры для уничтожения нравственной язвы, заразившей русский народ более « более в стране подмосковной, которая должна бы служить примером для прочих областей России, как в нравственном, так и промышленном отношении. Но... в бозе почивший государь император Александр II, как чадолюбивый отец подданных своих, не согласился на строгие меры против раскольников, надеясь вразумить и обратить их кротостью и милосердием, и для сего поручил Муравьеву отнестись к высокопреосвященному Филарету, митрополиту московскому, и спросить его, не может ли принести пользу... учреждение между заблудившимися мужских монастырей и женских общин, и при них училищ, больниц и богаделен. Мысль благочестивейшего государя как нельзя более согласовалась с мыслью **высокопреосвященнейшего архипастыря, которая таилась в нем слишком 30 лет. И потому он, вполне сочувствуя высочайшей воле, изъявил полную готовность принять все меры к скорейшему осуществлению благонамерений помазанника божия**".**

Цель основания этих монастырей, как пишет Грачев,—„распространение света истины между заблуждающимися и обращение их к православной церкви", „охранение овец, сущих во дворе твоём (божием), от... волков мысленных, и не сущих от двора твоего приводя в твою спасительную ограду".

Далее Грачев—этот агент царской охранки, рассказывает, что **эти цели уже достигаются фабрикантом Яковым Лабзиным** путем особого подбора воинствующих попов, душеспасительного обучения, открытого Лабзиными „церковно-славянского училища, внедрением с детства в крестьян страха божьего" и т. д.

„Итак, заключает Грачев, да возрадуется дух великого благодетеля земли **свято-русской, незабвенного царя—освободителя, царя страстотерпца, государя императора Александра II. Исполнилась благочестивая его мысль... Святися радостью и ты, богоспасаемый Павловский посад, с твоими окрестными селениями, слава бо господня us тебе воссия, созданием среди твоего населения святой иноческой**

..бнтоли, іірі'іііі Ш гх'пикп f> Ди inn.іно но(1111жш1'Ісаим житием и
денно-НОИИИ.П'ИИГ г :ojll I Ь И41 <>Д nui I. (Ш у И ТВМ ОКВЗЬЮЭТЬ бла-
гогнорио ||п«».І«-Іпге.'ІМІ»с пл'лкие ііі рішч-ноглу-нравственную жизнь
ОКрвСТ(ЮП>)M1Wi:1111«.

Упокой, господи, І' ко"т,г{ твоих небесных обителях душу усоп-
!««« тп»«!ч !,.,w:нпм-І Г(ІЯ:!!10Ч.), Г. ЛСМИОЙ ЖИЗНИ СВОЕЙ И НРАВСТВЕННОЙ
от прокезинх стяж»«!и% »:;!> своих послуживших устройению земных
иноческих оои гсгч-и для г.сггд.чпнго прославления всесвятого имени
г«?оего 4>тв»f черконнмх молитвословий и добрым житием благоче-
стивых ш-ю»и!»".

Так кончает аюм брошюру о-т-ст литературный наемник, „всем
земного благоденствия, наипаче же вечного спасения искренно де-
лающий смиренный старец Михаил Федорович Грачев".

Уредец Серафима.

Для придания более мистической обстановки этому *монастырю*—
некая монахиня Елена привезла уродца, "Г/2 аршина ростом, 70 лет.

По рассказу казначейши Магдалины—„этот карлик не мог обхо-
диться без посторонней помощи и иногда всходил в себя, т. е.
невидимому, соображал что-то, что происходит кругом. Больше
время он был совершенно **раслабленным**".

Местный заводчик Титов выстроил в монастыре этому карлику
специальный дом из 4 комнат. Купец Титов любил говорить, что
это он сделал „для души и ее спасения".

По просьбе самого Титова—уродца посетил архимандрит Вален-
тин и сказал: „тебе **бы** мантию одеть". После этого уродца по-
стригли в монахини и стали именовать Серафимою. Сама Серафима
при жизни **была** помещена в гробу, верхняя крышка от коего стояла
при входе в ее домик.

Для этой **Серафимы**, постриженной в монахини несмотря на
ее идиотизм, т. е. вопреки даже каноническим правилам, лишь
из угодничества церковников к толстосуму Титову,—в монастырской
церкви соорудили специальный ящик со скамеечкой и, кто хотел
видеть карлика, тот должен был проползти в этот ящик.

В целях спекулятивных монахини усердно распространяли про-
этого карлика слухи, что он отличается даром прозорливости.

Одновременно учредители монастыря приспособили уродца
Серафиму и монахиню Елену к распространению среди посетителей
монархических и погромных листовок,—изданий Троицкой Лавры
и т. п.

ггздготезаяи канонщию

После смерти Грязнова, Яков Лабзин, его дочери и племянник
умершего Грязнова, Василий Никифорович Грязнов, приступили к
инсценировке культа Василия Ивановича Грязнова. Основанная ими
монастырская община была лучшею базой для осуществления этого
мошеннического плана.

В 1874 г., при постройке храма над могилою Василия Грязнова,—
как признала сама Наталия Лабзина,—„.....,по приказу Якова Лабзина
от трупа Василия Грязнова отрубили два пальца, и Яков Лабзин
хранил их, как святыню, в негоряемом шкафу. Пред'являемые мне
следователем сейчас пальцы и серебряный ковчежец суть те са-
МЪВ пальцы, кои хранились у моего отца,—как мощи Василия Гряз-

нова. И мой отец, и я, и духовенство, которое посещало наш дом, надеялось, что мощи Василия Грязнова будут прославлены. Василий Никифорович Грязнов (племянник) тоже постоянно говорил, что мощи Грязнова (его дяди) прославятся. По преданиям нашей семьи Грязнов был божий человек, святой жизни. Он старался жить хорошо на земле, чтобы получить царствие небесное. К нему приходили с разных сторон страждущие больные и получали от него утешение христианским божьим словом. Его предсказания часто сбывались“...

Главным советником по делам о канонизации Грязнова, и имевшим весьма солидные доходы от семьи Лабзиных,—как удостоверили монастырские священники,—состоял духовник Лабзиных, священник Павел Доброклонский.

Ближайшею помощницею по инсценировке канонизации Грязнова была игуменья Алевтина.

В большинстве келий монахинь находились изображения Грязнова в виде старца благочестивой жизни и его назидательные проповеди на церковно-славянском языке, напечатанные славянской вязью.

Посетителям монастыря раздавались изображения Грязнова, как благочестивого старца, кроткого и верующего. Кругом изображения славянскою вязью было припечатано его предсмертное письмо к собранной им братии, с которыми он общежительствовал „Возлюбленная моя о господе братия. Во-первых прошу вас помолитесь господу и пречистой его матери... Препоручаю вас милости божией и покровительству божией матери... Покорный к вам Василий Грязнов. А при сем еще скажу вам слова самого спасителя, что вернее и надежнее всего от человека невозможно, а у бога невозможного нету. Не колебайтесь разными слухами, а поверим лучше богу, а верующему вся возможна, по вере вашей буди вам. Я верю и надеюсь, что мне бог поможет, что я и был, да еще и на лучшее молитесь и не унывайте. Дороже и полезнее для человека на свете и промысла нет, как бог да молитва. Один день, проведенный в молитве, лучше тысячи лет. Что бы в каком деле хорошем нам ни казалось, а при сем держитесь единодушия и согласия между собою. Что делать будешь, когда так пришлось напротив нашего желания? Но все еще это не беда, а училище внутреннего человека. Для чего человек и родился на свете, чтобы сим сокровищем обладать. Буди имя господне благословенно во здравии и в скорбях. Именно так, братия моя; больше писать не предвижу“.

Когда монахини заболели, то игуменья Алевтина обычно посылала вместо докторов—на могилу Василия Грязнова, в храм, и предписывала вместо лекарств—либо попить масла с его лампады, либо помолиться возле его могилы, либо помазать горло маслом и т. п. Игуменья Алевтина говорила—как посетителям монастыря со стороны, так и монахиням, что от могилы Василия Грязнова, от его трупа, исходят чудеса, исцеления, облегчения горя и т. д.

Научная экспертиза изображений Грязнова.

В виду возникших у следственной власти сомнений в соответствии изображенного на фотографиях с событиями, действительно имевшими место, вещественные по делу доказательства были подвергнуты экспертизе по роду проверки, при участии профессоров Мо-

Самовского Государственного Университета: по кафедре анатомии и судебной медицине—Рожественского и Семенинского; по кафедре физики—Корчагина; по кафедре фотографии и живописи—Сухомина и по кафедре изящных искусств—Щербачева.

Проверке было подвергнуто фотографическое изображение „христианской кончины“ Грязнова, в массовом количестве распространенное среди крестьянства.

Грязнов изображен в гробу. С правой стороны 15 человек с соответствующими моменту настроениями, с левой стороны—дети, старушки и священник, отпевающий покойника.

Научная экспертиза этой картины религиозного характера пришла к следующему выводу:

„Картина эта не является снимком с природы, а представляет инсценировку.

Первоначально оператор этого дела нарисовал фон, изображающий комнату, окна, двери; в простенках—иконы почти в рост человека с изображением так наз. святых. В головах—два подсвечника с длинными зажженными свечами. Затем уже, по нарисовке фона, на этот фон были наклеены вырезанные из других фотографий отдельные фигуры и целые группы, якобы, участвующих лиц в этом процессе „христианской смерти“. К изображению священника подрисована рука с кадилом. К фигурам плачущих женщин подрисована фигура мальчика. Со всей этой инсценировки был сделан негатив, раскрашенный красками, отпечатком с коего и является рассмотренная фотография.

Эта мошенническая инсценировка „христианской смерти“ Грязнова была представлена местному монастырскому священнику Смирнову, который пояснил:

„Предъявленную мне картину я хорошо узнаю, ибо Лабзина и монахи ее развешивали в разных публичных местах.

Около головы умершего стоит первым: местный богач Фролов, вторым стоит местный богач и домовладелец Шевелкин, третьим стоит фабрикант Яков Лабзин. Все остальные старики—прихлебатели при покойнике Грязнова, которых он кормил, поил и одевал и держал при себе в качестве распространителей его славы—из своих доходов с фабрики. Ниже, с правой стороны, отец Павел Доброклонский“.

Одна из обнаруженных картин религиозного характера изображает Грязнова, сидящим в кресле, в обстановке благочестиво размышляющего старца, в бедной келье, среди икон, и вопрошающего о лекарстве от немощей духовных и телесных. К нему нисходит ганиственный монах с четками, с благословением, и как бы из неизвестной загадочности посылает на крестный путь. Внизу церковно-славянскими буквами напечатано следующее:

„Апостола духовная: Старец некий, прииде во врачебницу и вопроши врача, есть ли таковое былие, еже бы врачевало болезни душевные или грехи? Врач же отвеща: есть. Прииди и возьми корень послушания и правды, листвие упования и терпения, цвет красоты, или чистоты душевной и телесной; плод добрых дел изотри в сосуде сокрушения сердечного; просей в решете рассуждения; пролей воды от слез молитвенных и раствори горестию покаяния, потом воспламени себе божественною любовию. Вложи в горнило ничтожества, или смирения, отверзай щедрую руку в милостыни, юже да твориши в тайне; егда же все то уготовится через огонь веры и благодати, употребляй в твою пользу,—тогда будеши совершенно здрав“.

Весьма характерна религиозная картина, изображающая Грязнова в такой обстановке.

Грязнов—в хитоне. С правой стороны с небес нисходит три женщины, и сверху четвертая, в обычных тонах, в коиx церковники рисуют так наз. святых. Все четыре женщины приклеены ослобо к дереву, как бы нисходящие с неба. На ошейке одной из женщин напечатано: Надежда. Эти женщины изображают: Веру, Надежду, Любовь,—три богословские героические добродетели, и мать их Софию. Вокруг головы Грязнова пририсован бронзовым порошком нимб.

Изображение нимба еще до появления христианства применялось в качестве характеристики величия, силы—например, для изображения языческих богов. Искусство христианское приняло этот символ, впитав в себя и все прочее языческое. В живописи катанкомб нимб в изображении бога Иисуса подмечается уже в 4 столетии. Уже в конце 5 го столетия нимб появляется у святых, как атрибут святости. В настоящее время нимб у церковников—изобразительный признак святости.

Эксперт профессор Щербакон на вопрос, как объяснить все стадии работ операторов подобного дела, пояснил, что все, подлежащее осмотру экспертов, предметы, (фотографии, портреты, иконы, мощи, поучения и т. п.), „производят впечатление несомненного возвышения личности Грязнова,—вплоть до изображения его на иконе, с нимбом, т. е. в сиянии святости“.

Экспертизе были подвергнуты и самые „мощи“ капиталиста Грязнова. Речь идет о тех пальцах, кои фабрикант Яков Лабзин предопределил отделить от скверно вонявших останков Грязнова, (что портило музыку), и подмазать их вонью благоуханными.

Эти пальцы были помещены в серебряный ящичек, „ковчегец“. К средине крышки был приделан серебряный крестик с изображением на нем „распятия спасителя“. При открытии ящичка в нем оказалось несколько костных частей, некоторые из них с сохранившимися мягкими тканями, разной величины, темно-бурого цвета, представлявших пальцы.

Пальцы, бусы и вата издавали резкий запах розового масла. Самый ковчегец был спрятан в негоряемый шкаф кассы торг. Дома Лабзиных и Грязновых и был там обнаружен при национализации предприятия. (Охранявший эти святые пальцы и другие реликвии В. Грязнова в негоряемом шкафу этой фабрики,—богородский фабрикант Елагин—сбежал из Павловского Посада во время процесса национализации этой фабрики, в 1919 г., захватив с собою фабричную кассу).

Профессор по кафедре судебной медицины П. Семеновский путем микроскопического исследования установил, что: 1) эти „мощи“, остатки тканей, покрывающие кости,—представляют из себя кожу и остатки мышц человеческого трупа, подвергавшегося особому виду естественного гниения трупа, так называемому мумифицированию (высыханию); 2) в целях предохранения от дальнейшего распада высохших тканей на костях-операторы прибегли к смазыванию их эфирными маслами.

Как бы то ни было,—но „христианская кончина“ и „мощи“—были изготовлены. Для канонизации не доставало житийственной литературы с ее чудесами.

Житие святого Василия Грязнова.

И необходимым в таких случаях труд составления жития „святого“ берет на себя его последница, миллионерша Ольга Лабзина, ханжа, приехавшая на погреб в свой монастырь на роскошных рысаках, устраивавшая пышные церковные службы, а за сим—пышные обеды и балы при участии высших представителей светских и духовных властей.

Самое житие составлено по способу, обычному для агиографии. Агиография—это сводка из самых мутных, заведомо ложных, источников—фактов о деятельности лиц, коих церковь имеет материальный интерес прославить.

В житии обычно описывается жизнь такого человека, как святая, подвижническая, полная стойкой защиты древней веры.

За это так наз. бог отплачивает богопотручившегося даром чудотворения при жизни и даром „нетления“—после смерти. Они—ходатаи за людей пред этим богом. К таким угодникам верующие возносят моления и жертвы,—отказ от собственного счастья.

Самое „Житие“ Грязнова было найдено при осмотре помещений Натальи Лабзиной, совместно с подлинными письмами Грязнова к его компаньону по торговле, Якову Лабзину.

Из обнаруженных документов выясняется следующее:

В 1896 г. Ольга Лабзина направила Московскому митрополиту Сергию прошение с приложением „вспоминаний о незабвенных старцах первой гильдии купце Вас. Ив. Грязнове и Як. Ив. Лабзине“.

В первых строках этого прошения отмечается, что „с юных лет праведной жизни Василий Грязной всю жизнь подвизался в борьбе с расколом и старообрядчеством“. Говорится, что Я. И. Лабзин желал восстановить все замечательные факты страдальческой жизни Грязнова, о чем советовался с протоиереем Павлом Доброклонским. Говорится, что сам старик Я. И. Лабзин хотел напечатать жизнь Грязнова еще в восьмидесятых годах „для пользы верующих и в обличение старообрядчества“,—но дело отложилось. Я. И. Лабзин чего то ожидал.

Ольгу Я. Лабзину „возбуждает написать воспоминание о многотрудном и многострадальном житии Грязнова благоговейное чувство к усопшему, спасавшемуся не в диких пустынях, не в горах и лесах, но... среди мира и соблазнов“.

Труженики на поприще христианского самоотвержения (речь идет о Грязнове и Я. И. Лабзине), труженики на поприще молитвы и благотворений, а Василий Грязнов еще—на поприще распространения православия между старообрядцами и раскольниками,—вот те немногие слова, которыми очерчивается с главных сторон вся полнота их многотрудной деятельности и поучительной их жизни“.

Лабзина льстит себя надеждой, что верующие согласятся, что оба, описываемые, ею старцы были—„сосуды, избранные богом, нужные для просвещения местности, где церковь Христова была угнетена нескончаемыми интригами через капиталы тайно подкапывающихся раскольников“.

Возвращаясь вновь к моральному облику старца Грязнова, О. Я. Лабзина говорит, что он „по стопам спасителя был милостив, любил плачущих, коих непрестанно утешал... на поприще торговли трудился преимущественно для исполнения своих обязанностей, как перед законом, а также для возможности предоставлять всем немущим заработанный хлеб и, наконец, чтобы щедрою рукою помогать всем, от них помощи просящим“.

Глава I-я жития.— Душа Грязнова „ищет господя“.

В первой главе Жития повествуется, что Гришюн с детства был „мальчик умный, кроткий, добронравный; с малых лет усердно любил молиться; уже с 8 лет встречал великий пост с особенною радостью“...

... „Но враг нашел, чем его искусить: сотоварищество с иррочными фабричными мальчишками внушило ему, что он теперь может и свои заработанные деньги употребить, как он хочет сам, и он стал пить вино, и благое рассуждение стало его по временам отвлять. Но и тогда душа его искала господя, и он купил себе... бидалайку. (!) Ему хотелось хоть в печальных звуках (балалайки) плаивать перед богом то, что чувствует душа... Пример недобросовестных мальчиков, хулящих бога, смеющихся, когда Василий начал читать духовные книги, как поток бушующих вод, уносил его, бедного, помимо своей воли, в бездну бушующих страстей. Он плакал, но невольно опять падал; при падении вновь плакал, вновь рыдал, вновь просил прощения у бога и у родителей своих,—и тогда, в порыве сознания и огорчения, он сам прозвал себя Грязным. Почему он впоследствии сам себя прозвал Грязновым и это прозвище осталось у него навсегда“...

... Бывало, товарищи спросят его: „что с тобой, Вася? О чем ты так плачешь?“—„Загробная жизнь должна быть предметом наших дум“— отвечал он“...

По поводу этого сплошного пьянства святого авторша Жития приходит к следующим выводам:

... „Рассуждая о жизни Грязнова, мы смело можем сказать, что над ним сбылись слова пророка Данида (псалом 36, ст 24): Егда падут—не разобьются.—Через падение ему предназначено было возвыситься. Однажды один из товарищей (не упоминается, какой и когда) в присутствии Грязнова стал произносить хулу на святиню, осмелился оскорбить св. икону матери божьей, и... в этот же момент... скоростижно скончался“. Тут Грязнову послышался голос, сказавший ему:—„если ты вполне не исправишься, то и тебе предстоит такая же смерть“.

С тех пор Грязнов „усилил молитву и, подобно пророку Давиду,—ложке свое слезами орошал. Читал духовные книги; попадались еще и раскольнические; он любил вникать в их безумные учения, опровергал их. Между ними попала ему одна рукописная такого содержания, но она не могла его привести в такое сомнение: он очень хорошо знал догматы нашей православной церкви и с никакими мудрецами не сообщался. Читал их книги только с любопытством, но другим из своей семьи читать не давал“...

Однажды в ночное время, в июне месяце, когда Грязнов совершал молитву, услышал он голос, ему сказавший: „Поезжай в Берлюковскую пустынь, и там получишь исцеление“. Переночевав в монастырском сарае, он вдруг исцелился, после чего в первый раз за всю жизнь, а ему к этому моменту было 19 лет,—и удостоился приступить к св. тайнам христовым“...

На сцену выводится богодухновенный монах Венедикт, который якобы преподал Грязнову совет: остаться в миру, „молиться внутренно“, не читать более сектантских книг, сражаться за все правила устава полицейской православной церкви.

С того времени Грязнов и стал держать себя особенно строго,—

...даже в словах и в самом своем наружном виде, и с того времени не оставлял он свое уединение, чтение и молитвы”.

Глава 2-я жития. Жизнь Василия Грязнова в деревне Евсеевой (1835—1845 г.).

В Грязнове стала появляться старческая степенность. Он постоянно говорил словами св. Иоанна богослова: „Не любите мира, но яже в мире,—аще кто любит мир, не стъ любие отчей и нем. Яже еси, еже в мире, похоть плотская и похоть очес и гордость житейская несть от отца, но от мира сего естъ“.

Грязнов отказался от брачной жизни, (в житии умалчивается, что он был евнух), бросил двухперстное сложение, стал креститься грехперстным крестом. Когда родители его жаловались на бедность, Грязнов говорил в ответ: „Не скорби, мать,—бочка золота катится и прикатится к нам скоро“.

...„Он часто страдал от демоновских разнородных страхований, но его спасали... повторения текстов из творений святых отцов“...

Грязнов становится вместе с тем грозным обличителем раскола. Он даже изобличает местного миллионера, купца Широкова, в тайном расколе. Широков и его единомышленники-раскольники „отместили, распространив о самом Грязнове слух, будто тот еретик, фармазон, щепотник и хлыст, и возбудили даже против него свою волшебную силу, скрывавшуюся в их деньгах и неправде“.

К этому времени Грязнов... уже прорицатель! Авторина Жития ссылается на рассказ одного крестьянина, (фамилия коего не упоминается) и повествует, как однажды Грязнов шел по полю и нашел узелок со сдобными булками. Грязнов принес этот узелок домой и объявил, что в пирожке скрывается яд. Бросили пирожок курам—и они подошли.

Далее в Житии описывается, как на Грязнова неким Хреновым, по наущению Широкова, в Московскую тайную полицию и митрополиту Филарету был сделан донос, будто Грязнов „опасен для православия, рассуждает о религии, толкует о том, что он положительно не знает, увлекает молодежь“.

Из Москвы приехал (в 1845 г.)—жандармский полковник князь Хилков, исправник, стряпчий, следовательно, депутат от духовенства в. Антоний. Грязнова арестовали. По селу пошли полицейские и сыщики. Пошла слава, что Грязнов антихрист, скопец и т. д. Отец Антоний приказал Грязнова пытать. У Грязнова выбивают 2 зуба, учиняют пролом головы.

Но Грязнов остался для суда неуязвим и его освобождают. Следствие пришло к выводу, что он „человек редкой добродетели, человек божий и истинный христианин“. За этот срок Грязнов обращает из сектанства в полицейское православие, по статистике Жития, около... 7.000 человек!

К этому же времени состоялось знакомство Грязнова с местным фабрикантом Я. Лабзиным. Грязнов вел душевспасительные беседы.—„Известно, что жизнь будущая необходимо связана с настоящей; что участь первой зависит от последней; что здесь время трудное, а там время успокоения; что здесь сеяние, а там жатва“. Вскоре к Я. Лабзину перешло все наследство от отца.

Дух Грязнова искал жизни созерцательной, но как то по дороге в одно село ему на пути в поле показался священномученик Харлампий, и говорит ему: „есть воля божия тебе продолжать на-

блюденне за всеми, врученными тебе богом, людьми, тобой обращенными в лоно православной церкви“.

С тех пор Грязнов, как выражается автор Жития— „по повелению свыше“,—стал принимать к себе в деревне Евсеево „всех приезжающих к нему за помощью“. Православные мужички прямо от сохи бежали к нему за помощью“, и приносили ему принасы и пр. Тут мать его вспомнила и поняла, что обозначали пророчески сказанные ей слова утешения: бочка золота катится и прикатится и каша скоро. Этим мужичкам Грязнов объяснял словами ап. Павла к римлянам (гл. 16, ст. 17): „Умоляю вас, братия: Остерегайтесь производить распри и соблазны вопреки учению, которому вы научились, и уклоняйтесь от них“.

...„Многие из Павловских фабрикантов старались тоже приблизиться к Грязнову, и воистину—умозаключает Лабзина—то, что казалось невозможным, стало возможным—так как на все вышеуказанное была... воля всеведущего и всемогущего творца!!!“.

Глава 3-я жития. Воспоминание о жизни Грязнова совместно с Я. И. Лабзиным. (с 1849—1860 г.).

В 1849 г. Яков Лабзин унаследовал после смерти своего отца богатую платочную фабрику в Павловском посаде и сам стал заниматься в торговые дела.

С утра до ночи он в конторе своей был завален счетами и биржевыми сделками, отчетами приказчиков по ярмаркам, сверял счета с бухгалтером и т. д.

Между тем, Я. Лабзин „не оставлял церковь святою; всякий день был у службы церковной и ежедневно видался с подвижником деревни Евсеево—Грязновым, советы коего по службе их ему были необходимы“, а затем переманил Грязнова в свой дом и взял на себя расходы по содержанию всей его семьи...

...„Общаянная Грязновым бична с золотом, после долгих лет, наконец, в действительности прикатилась... за молитвы Василия“...

Сестры Грязнова вышли замуж за павловских купцов. Сестра его, Акулина, выходит замуж за самого Якова Лабзина.—„Уже все знали Грязнова, как за раба божия, а Якова Лабзина—за умного, благоговейного, молодого человека, скромно себя держащего, имевшего знакомство только с деловыми людьми и с духовенством, с которым Грязнов был близок“.

Тем временем Грязнов,—„хотя и не был торговым человеком, но был столь мудр, что... вним во все фабричные дела Лабзина“...

Лабзин ездил по делам и на ярмарки, а Грязнов постоянно находился при фабрике. Там он был „тихое пристанище для обуреваемых страстями, удрученных скорбями и болезнями“ (т. е. — для эксплуатируемых рабочих).

Тут Грязнов каждого... „совершенно успокаивал и как бы на себя всю тяжесть принимал; уговаривал быть великодушными, терпеливыми, говорил с убеждением, что все скорби мира сего еще не беда переносить, а беда потерять веру в бога, беда потерять жизнь христианскую; вот говорил он, истинная беда, достойная плача и болезни сердечной“...

...„Грязнов был прибежище вдовам и сиротам, а девицам—как истинный рачитель девственной чистоты“...

...„Воздержание его было безмерное, вкушал он всякую пищу более для вида“ ..

...„Плодотворно действовали все поучения старца Грязнова. Бывало, когда дает советы, то сам плачет и других плакать заставляет и, возвратясь от него, по силе возможности, все старались об исправлении своей жизни“...

...„Труды и подвиги Грязнова бессмертны, как для церкви, так равно и для общества Павловского посада. Доблести его пройти молчанием нахожу неудобным, говорит авторша жития, так как многие, знающие его, как светские, так и духовные, удостоверяют, что старец Грязнов был преисполнен даром особой благодати. При глубокой подвижнической жизни—он был истинным патриотом, который не знал границ любви к престолу и отечеству. Он так относился к царствующему дому, что царь— помазанник божий или бог земной; что сердце царево—в руке божией; преданность к царствующему дому должна быть беспредельной. Грязнов говорил, что все зависит от воспитателей,—и что таковые правила следует им прививать к своим воспитанникам с юности. Старец всегда говорил: „будем просить бога, будем надеяться, что бог молитвами всех святых своих спасет царя и Россию“...

...„По мере веры своей, Грязнов видимо чудодействовал“,—говорит автор. В 1847 г. в Павловском посаде появилась холера. Но— „по вере и за молитвы его ни один человек из близких ему или верующих не умер от этой болезни“...

...„Тот же случай был с... (с кем именно, в дневнике не указывается, но оставлено пустое место для дальнейшей вставки), как помнится— в 1859 или в 1860 г.г., когда он был на нижегородской ярмарке“.

Далее рассказывается такое чудо: Грязнов это неизвестное лицо с ярмарки повез домой, и по дороге „приложил свою голову к больному и глубоко вздохнул, и посмотрел, как ангел божий, а больной уснул... и... встал на утро здоровым“.

Далее в житии приводится еще несколько подобных исцелений от молитвы Грязнова,—без указания места, времени и лиц, с коими произошли самые чудеса.

...„Одна ищущая спасения девица (опять—неизвестно какая) была глуха с детства: не слышала и тысячного колокола. Пришел к ней Грязнов в дом, подержал за ухо, потом за другое, и сказал матери: завтра съездите с ней в Введенскую пустынь отслужить молебек,— и... в тот же час глухая стала слышать“...

...„Теперь весь мир удивляется на милосердие и пользу, которую приносят молитвы всем известного отца Иоанна Сергиева Кронштадтского. Почему же не удивляться, как и не вспоминать об источнике милости, об утешении в скорбях, о чудодейственной силе при исцелении болезни раба божьего Грязнова, подвижника, этого страдальца во время, этого поборника против раскола. Потому следует о нем печатным словом не утаить, а помянуть пред целым миром об умершем.—Почему же не прославить имя божие за дарование нам в среде нашей такого великого человека, который в смирении своем удостоился апостольски послужить о христе братьям своим, не бывши ни монахом, ни священником, ни даже пустынно-жителем“...

...„Проповедь Грязнова да не останется в забвении. Скажем о нем словами апостола Павла к римлянам (гл. I, ст. 17): Правда божья в нем является от веры в веру, яко же есть писано: праведный же от веры жив будет“...

гав 472.

...„Грязнов действовал, как повелевают нам святые апостолы, но, в сожалению, на много есть со времен апостольских таких великих людей“...

Этими великими людьми, по описанию Лабзиной, являются только двое: Иоани Кроншгадтский, известный агент царизма времен императора Александра III и Николая II, и... Грязнов.

В доказательство чудогворений Грязнова далее приводятся такие случаи исцеления от его магических действий.

Чудо 1.—...„Теща А. Е. шла с базара и с трудом пришла домой. Вдруг стало опухать все ее лицо, сделался нестерпимый зуд, и в скорости так страшно распухла, что и глаза ее не стали видеть. Послала она узнать, нет ли старца Грязнова в посаде. И. И. (так обозначается Лабзиной свидетель) начал его отыскивать. Пришел старец Грязнов и сказал:—ничего не будет, только молись богу!—Заставил при себе намазать лицо маслом из лампы, посидел при ней, и заметно было, что он внутренне молился; и действительно,—как только помазали лицо больной, сию же минуту раздражение кожи успокоилось и... как будто ничего не было“...

Чудо 2.—Одна девица (без упоминания ее фамилии) заболела головою и Грязнов внезапно вылечил ее, прислав... квасу в пузырьке.

Чудо 3.—У одной женщины (без упоминания ее фамилии) был нарыв на груди. Грязнов помазал лампадным маслом и... нарыв в ту же ночь прорвался.

Чудо 4.—Девочка горбатая (без упоминания ее фамилии) посетила по совету Грязнова Берлюковскую пустынь и искупалась в реке,—и горб совершенно пропал. И т. п.

Выписав 12 подобных чудес, Лабзина вновь возвращается к воспоминаниям о духовной, общественной и торговой во славу имени божия деятельности В. Грязнова.

„Грязнов настолько соболезновал Якову Лабзину, что во время отсутствия последнего он, несмотря на свое внутренне) постоянно молитвенное состояние, занимался фабричным делом Лабзина, как блюститель над всеми приказчиками, и был советчиком молодого хозяина. Лабзин дал ему полную доверенность. Он действовал, как наблюдатель, только в пользу того, чтобы все торговые дела совершались честно, благородно, одним словом — во славу божью“.

После того, как Грязнов узнал, что покупательские векселя на ярмарке аккуратно оплачиваются кредиторами, он радостно пишет своему компаньону Лабзину так:

...„Верно победили. Победили противные царства, успели во всем, получили желаемое, исправили дела сверх естества. Вера и ныне еще жива и в добром здорозье находится, и нам и ней есть хорший доступ, и мы просим ее, и она нам помогает и поможет, в чем будет наша нужда. Спасибо той вере. А потому скажем: слава богу отцу и творцу нашему“...

„Как любил Грязнов государя и отечество“, — видно из письма его (к отправляющемуся на фронт его племяннику) по поводу империалистической войны 1855 г.

„Первое: Война началась за православную веру. Второе: за угнетенных и невинных греков, а нам они по вере православной родные братья; а кто за брата живот свой положит, тому жизнь вечная готовится на небе с богом и со всеми небесными силами. Какая награда, и описать невозможно. Вот вам какой подвиг подобен мученикам. Третье. Не менее, а более того стоит вооружить

себя против правого государя и за все его благочестивое семейство... Теки на принадлежащий тебе святой поденг”.

Как видно из Жития, к этому то времени Грязн и делается близким сотрудником московского митрополита Филарета и даже, по его поручению, ведет тайные дознания о политическом настроении князя.

С 1862 г. дела фирмы начали принимать совершенно другой оборот: они быстро поправлялись, и вместо убыли „прибыль полилась рекой”. Грязнов делал вклады на церковь. Митрополит Филарет, ценя его заслуги, представил Грязнова к высочайшей награде, которую тот и получил.

К этому времени Грязнов выстроил двух-этажный дом сзади дворца Лабзиных, и поселил туда 11 человек, устроив себе отдельный домик. Здесь он принимал молодежь.

Вскоре после этого, 1-II—1868 г. в нотариальной конторе был учрежден торговый дом под фирмой „Яков Лабзин и Василий Грязнов”.

По этому поводу автор Жития уверяет: „Грязнов о наживе и не думал, и не желал оной,—как видно из всей его жизни и из этих последних действий. Он следовал вполне совету апостола Павла (послание к галатам, гл. 3 ст. 10): теми же убо, дондеже время имамы, да делаем благое во всем, паче же присны в веро”.

В 1869 г. Грязнов скончался.

На его погребении присутствовало 22 протоиерея, 22 диакона, 40 причетников, около 40 монахов и 2 хора певчих. Похороны отличались особою пышностью.

„... От гроба его получаю исцеление“... (случаев не приводится). удостоверяет Лабзина.

В этом же дневнике рассказываются анонимные случаи исцеления „после смерти раба божия Василия Грязнова”.

Неизвестная женщина не поправлялась после родов,—и... поправилась—лишь отслужив панихиду по Грязнове.

Ребенок ее выздоровел, лишь только она помазала его маслом из лампады Грязнова.

Некая девица страдала глухотой, взяла песочек с могилы Грязнова—и вылечилась.

Некая девица болела головою 3 месяца и вылечилась, лишь полив воды с песочком от могилы Грязнова.

Некая старуха страдала расстройством желудка, поцеловала ручку изображения Грязнова и... лишь после того вылечилась и т. д.

В подлинных письмах Грязнова выражается радость по случаю окончания в их пользу судебной тяжбы с мачехою Лабзина,—по поводу наследства; даются советы, как поступать с товаром на ярмарках, в интересах наибольшей выгоды, и т. д.

В письме от 6-11-1858 г. к Якову Лабзину Грязнов пишет: „при сем тоже за нужное признаю, чтобы господь бог поспешал вам в делах торговых, потому и это дело необходимо нужно, чтобы привести в порядок свой, доколе воля божия определила сию и этой невозможной кучи находиться. Уведомляем: за все богу благодарение, все дела идут в хорошем положении”.

Купцы духовные.

Препровождая на имя московского митрополита Сергия эту рукопись, как житие святого Грязнова, Ольга Лабзина „смирнейше просит приказать этот труд бытному лицу просмотреть, исправить

по мысли митрополита, а затем предоставить его пересчитать в пользу московского миссионерского общества в память того, что оба старца не были чужды по стремлениям своим и деяниям к тому идеалу, который прощрает высшую деятельность миссионеров русской церкви".

Ольга Лабзина была в деловых сношениях с К. П. Победоносцевым, бывшим обер-прокурором святаейшего синода при Александре III и Николае II. Эт т К. П. Победоносцев был сознательный душитель трудовой России,—и в этих целях использовал весь мрачный аппарат официальной русской церкви.

В таких же деловых сношениях Ольга Лабзина состояла с ближайшим сотрудником Победоносцева В. К. Саблером, последующим обер-прокурором синода, и с известнейшим монархистом „отцом“ Иоанном Кронштатским.

Ольга Лабзина и Василий Никифорович Грязнов (племянник) скрылись после декрета Рабоче-Крестьянского Правительства от 23, IX 1919-г. об обязательной регистрации бывших помещиков, капиталистов и лиц, занимавших ответственные должности в царском строе.

У Семена Лабзина в 1845 г. по сьеденням Московского Отделения Мануфактурного Совета в Павловском Посаде значилась ткацкая фабрика с 397 крепостными. В 1849 — фабрику эту унаследовал Яков Иванович Лабзин (1827—1891). В 1855 г. он, в компании с В. И. Грязновым, основал Т Д. и построил фабрику в Павловском Посаде, для крашения пунцовых бумажных товаров в размере до 50 набивных станков. Оборудование фабрики состояло из 200 набивных станков, 1 перротина, 5 кубов и т. д.

Кроме рабочих на фабрике, свыше 1.500 человек, у них работало на стороне до 1.000 ткачей кустарей. Фабрика выработывала в год платков набивных, бумажных и др.—600.000 шт., сатина, муслина, делень, — 4.000 кусков, ситца и плиса — 100.000 кусков и т. д.

В 1877 г. ручное ткачество увеличилось до 400 станков. В 1871 г. Т/Д Лабзин и Грязнов приобрели Павлово-Посадскую фабрику б. Гюль-Быковских и фабриканта Гивардовского, поглотив своих конкурентов.

На 1-1-1892 г. один основной капитал Т Д. Лабзиных и Грязнова равнялся 1.500.000 р. В одном самоткацком отделении было 700 станков, строятся огромные вспомогательные мастерские.

К началу империалистической войны 1914 г. ежегодно оборот этого торгового дома доходил до 5.000.000!!!

Эксплоататорский интерес наследственных владельцев от инсценировки культа одного из виднейших устроителей такого доходного торгового предприятия был поддержан всей государственностью российской цезарепопизма.

Государственный быт Октябрьской Революции, национализировав очаги эксплуатации труда,—неотвратимо разоблачил все базы и секреты этой эксплуатации.

17 октября 1920 г. выездная сессия Московского Народного Суда установила, что: В. И. Грязнов был всего лишь... „хитрый плут и прожженный пройдоха“.

Народный Суд установил, что, из оставшихся в живых: — игуменья Алефтина, купчиха Ольга Лабзина, фабрикант Василий Никифорович Грязнов (племянник) — задумали и приступили к осуществлению мошеннической инсценировки культа Грязнова — именно в целях экономического угнетения своих рабочих и, в особенности местных крестьян.

Именно, в этих целях, и не по так называемым религиозным убеждениям, — так или иначе работая и распространяла апокрифы о нем, картины, портреты, фотографии с подложным содержанием, иконы; подвергла в плаще от гроба Грязнова, в интересах предохранения от дальнейшего развала плетеных тканей, смазыванию эфирными маслами для придания им вида т. н. „мощей“, и т. п. Именно купчиха Ольга Лабзина содействовала в общем для воинствующего православия духе житие Василия Ивановича Грязнова с заведомо для нее ложным извращением обстоятельств жизни этого крупного эксплуататора, ханжи и пьяницы, и с заведомо для нее ложными ссылками на сверхъестественные явления, так наз. чудеса, якобы, совершавшиеся при жизни и после смерти ее родственника и наследодателя Василия Грязнова, в связи с его личностью.

Председателем Народного Суда был рабочий-металлист Андрей Мониш; шесть заседателей — ткачи и ткачихи тех фабрик, кои раньше принадлежали засужденному преступному сообществу.

Народный Суд постановил: объявить фабрикантов Ольгу Лабзину и В. И. Грязнова (племянника) врагами трудового народа. По опознании их в пределах Союза С.С.Р. — немедленно задержать и лишить свободы, с применением физических работ, — на 10 лет. В виду преклонного возраста игуменьи Алефтины и неопасности уже ее для Рабоче-Крестьянской власти, хотя и паразита в течение всей своей жизни, — не подвергать ее задержанию и передать ее на иждивение Отдела Социального Обеспечения.

Однако то тут, то там воскресают потревоженные тени — „святителей“ прошлых веков.

„Традиции мертвых поколений кошмаром тяготеют над умами живых“... еще по сегодняшний день...

К описанию этих традиций мертвых поколений мы еще не раз вернемся в следующих №№ нашего журнала.

Общие явления животного тотемизма

Быть может, бесполезно в начале настоящей статьи напомнить, что слово «тотем» (знак, признак, племя) — американского происхождения так же, как слово «табу» (запрещение, запретная вещь) — полинезийского. Два эти термина, происходящие из столь различных стран, в науке тесно связываются, потому, что тотемизм, как увидим далее, просто особый вид системы табу.

Тотемом чаще всего бывает животное, реже растение, и лишь в исключительных случаях чтонибудь неорганическое. Существенное отличие тотема от фетиша заключается в том, что последнее слово означает отдельный предмет, тогда как тотем есть целый класс предметов, рассматриваемых членами клана или племени, как священные в самом широком смысле слова. Пусть, например, тотемом какого-нибудь клана будет змея: тогда члены этого клана называют себя «змеями», рассказывают, что произошли от змей, избегают убивать змей, воспитывают ручных змей, пользуются ими для гаданий о будущем, считают себя застрахованными от укушения змей и т. д.

Такая группа суеверий и обычаев, в центре которой стоит понятие тотема, и называется в последние тридцать лет именем «тотемизма». Еще в начале XVIII столетия французские миссионеры были поражены важной ролью тотема в религиозной, общественной и политической жизни туземцев Северной Америки. У одного из них, иезуита Лафито, явилась идея, положительно гениальная для его времени, применить изученные им у ирокезов явления тотемизма при истолковании одного образа греческой мифологии, а именно: химеры.

В течение первых двух третей 19 века миссионеры и путешественники всюду находили и отмечали явления, аналогичные наблюдаемым в Америке в 18 столетии. Было также замечено, что факты того же порядка наблюдались в Перу 16 столетия и что они упоминаются в глубокой древности, писателями античной Греции — Геродотом, Диодором, Павсанием, Элиапом и т. д. Автор знаменитого труда о браке у первобытных народов, Мак-Ленан, в 1869 году предлагал очень многое в античных и новых цивилизациях считать пережитком тотемистических обычаев и верований. Но его призыв не был услышан. К 1885 году вопрос был пересмотрен с большой эрудицией и критичностью Робертсоном Смитом и Фрэзером. С тех пор он стоит в науке «в порядке дня», особенно в Англии, где Леббок, Тайлор, Герберт Спенсер, Эндриу Ланг, Джек-сонс, Кук, Грант Аллен и другие занимались или продолжают заниматься им.

Сущностью животного тотемизма является признание существования

договора, с характером неопределенным, но во всяком случае, респондентом между известными кланами людей и кланами животных.¹⁾

Хотя явления и переживания тотемизма были в 18 и 19 веках отмечены по всех частях света²⁾, можно считать в принципе установленным, что тотемизм в полной силе существует лишь при зачатках и низших стадиях, особенно там, где приручение животных сделало лишь небольшие успехи. В самом деле, как только тотемизм создает связь между животными и человеком, эта связь действует разрушительно на самый тотемизм, создавший ее; происходит процесс, по внешнему виду нередко кажущийся, но в действительности простой и логичный, как это прекрасно выяснено Джемсом.

Предположим, что группа тотемических кланов приручает медведей, змей или орлов, признавал в них божественное начало, к которому она хочет приобщиться; так как эти животные не становятся домашними, то положение может оставаться неизменным целые века. Разумеется, если такое животное съедобно, то скоро придут к тому, что станут есть его в периодических собраниях кланов, с целью возобновлять союз этим видом причащения. Но не будет искушения умножать, повторять часто такие обеды, потому что, оставаясь диким, животное далеко не постоянно окажется под руками, а число прирученных особей будет, по необходимости, невелико.

С другой стороны, представим себе группу кланов, имеющих тотемами быка, кабана, барана; несколько пар этих животных становятся более ручными и размножаются в непосредственном соседстве кланов. Периодические тотемные жертвоприношения и сопровождающие их церемонии будут становиться все более частыми, постепенно теряя свой религиозный оттенок и приобретут характер простых пирушек. Когда же эти животные станут совсем домашними и образуют стада, охраняемые собаками и постоянно находящиеся в распоряжении человека, обычай периодических жертвоприношений и общих обедов будет удерживаться религией; но на практике люди все чаще станут просто питаться мясом этих животных и уже не будут выказывать им суеверного уважения.

В этом периоде упадка тотемизма могут обнаруживаться различные явления; изучение античных цивилизаций даст нам много подходящих примеров. Животный клан больше не является целиком предметом культа; то же, что остается от первобытного чувства, переносится на отдельных животных, считаемых божественными; таковы были: Апис, козел в Мендесе, крокодил на озере Мэрис, лев в Лесоптополисе, в Египте. Очень часто запрещение убивает животных одной или нескольких пород остается, принимая образ «табу», то-есть, запрета, немотивированного или мотивированного поздними и совсем иного порядка соображениями (гигиеническими, например); такие факты можно отметить и сейчас у мусульман и евреев³⁾.

Но самым основным фактором в разрушении тотемизма оказывается создание пантеонов, то-есть, мифология. При образовании представлений о божественных кланах материалом являются отдельные, индивидуаль-

¹⁾ Для краткости я останавливаюсь здесь только на животном тотемизме. Тотемизм растительный, хотя и встречается реже, все же, поддается такому же сравнительному изучению.

²⁾ См. Фразер—«Тотемизм». Я знаю, что взгляды автора на происхождение тотемизма существенно изменились к 1899 году, но факты, так удачно им классифицированные,—на них я постоянно ссылаюсь в этой работе,—важнее всяких теорий о первоначальном характере тотемизма.

³⁾ Теперь известны многие тотемистические кланы, налагающие запрет на употребление в пищу тотема; но, ведь, исключенья только подтверждают правило.

ные божества; их генеалогия и легенды о них, установленные жрецами или поэтами, отражают то тотемические традиции, то атмосферические явления, то символические построения, то, наконец, ведь, каждая из предложенных для объяснения теорий заключает в себе долю истины,—языковые соотношения и комбинации. Религия переселяется с земли на небо, но не теряет от этого связи с землей. Разорвав свой союз с кланами животных, человек распределяет эти кланы между новыми богами. К этим богам, число которых быстро сокращается вследствие отбора и синкретизма, прикрепляются неясно осознанной связью несколько видов животных. Случается также, что один и тот же вид животных, обрядом и легендой ставится в известное отношение к нескольким, различным божествам, потому что несколько кланов, имея одинаковый тотем, подчиняют его не одному богу. Так, говорит Тэрнер, на Самоа, в Полинезии, один и тот же бог воплощался в ящерицу, сову, тысячеожку; другой—в летучую мышь, курицу, голубя, морского ежа и т. д. В классической мифологии Юпитер разом—орел, бык и лебедь; наоборот, волк—животное и Аполлона и Марса, бык представляет не только Юпитера, но и Диониса, дельфин принадлежит Аполлону, как и Нептуну. Легко можно привести еще больше примеров.

Заметим прежде, чем идти дальше, что эти звери—атрибуты, товарищи, верховые животные или изблюбленные жертвы богов,—являются перед нами, до самого конца античной мифологии, с ясными признаками тотема, потому что священными оказываются не отдельные особи, а целый вид. Это не было просто затейливой фразой, когда я сказал, что люди распределили свои животные тотемы между богами, потому что тотемам, или нечто очень к нему близкое, переживал на Олимпе. Не какой-нибудь отдельный орел был птицей Юпитера, и не отдельный волк—товарищем Марса; этот какой-то, какой-нибудь волк или орел, представляет свой вид пред индивидуальным божеством. Старая мысль о святости целого животного клана сохранялась, так сказать, под покровом святости бога⁴⁾.

Но, хотя мифология и устранила тотемизм, поглотив его в себе, не следует забывать, что ему она частично обязана своим происхождением. Имеются, в греческой мифологии, например, не только тотемы животные, прикрепленные к богам, но и многочисленные легенды о превращении богов в животных. Божественные превращения — средство, с помощью которого предшествующая «животная» легенда вводилась в цикл легенды «божественной». Вот Зевс принимает форму гуся или лебедя, чтобы обольстить Леду, которая и сносит в мир яйцо. Такой рассказ должен был сложиться у группы племен, имеющих лебедя тотемом, придающих ему священный характер и полагавших, имея в виду воображаемую родственную связь между кланами—животным и человеческим, что лебедь может оплодотворить женщину⁵⁾. Когда тотемизм начал исчезать, легенда осталась; но для того, чтобы пернатый любовник Леды оставался божественным, мифологическому преданию уже понадобилось представить его воплощением божества. Таким образом, «превращения»—не изначальное данное мифологии, а полурассудочная

⁴⁾ И теперь русский крестьянин никогда не убивает голубя, потому что это—птица святого духа; даже во Франции учат детей не давить наседкомое, известного под именем „бокль-й ко, овки“.

⁵⁾ В Египте козел был почитаем в Мендесе, и Геродот передает, что в его время мендесский козел „совокупился с какой-то женщиной“. Такие заблуждения могли возникать на почве суеверия тем легче, что мифы давали большое число подобных примеров.

гипотеза, придуманная для того, чтобы приспособить обряды тотемизма ко вкусам нарождающегося антропоморфизма.

Распределение клановых тотемов между богами племен и народов произошло не в один день. На него повлияли разнообразные обстоятельства—союзы, войны, симбиозы, и разобраться в них мы уже не можем. Но одним из самых важных факторов была, повидимому, обрядность жертвоприношения, преимущественно консервативная, как и всякий обряд. Предположим, что клан имеет тотемом быка и привылк периодически приносить это животное в жертву. Когда для него наступит эра индивидуальных богов, бык станет атрибутом главного бога, будет приноситься в жертву ему, при чем сохранится более или менее ясное воспоминание о том, что и сама жертва тоже божественна. Из этой комбинации двух идей, старой и новой, родится третья — представление о приношении в жертву человеко-подобного бога, призванное играть столь видную роль в религиозной истории человечества. Это происхождение особенно заметно в культе Диониса фракийского, Загрея; согласно легенде, возникшей из обряда, он был растерзан и пожран титанами, когда, спасаясь от них, принял форму быка. Пока божественным считали целый вид, а не отдельное животное, жертвы такого рода могли возобновляться до бесконечности. Каждый умерщвляемый бык, окровавленные члены которого распределяли между собой верующие, был постоянно новым «сосудом избрания» и его жертвоприношение не убавляло неисчерпаемого запаса святости, носителем которой был весь животный вид⁹⁾.

Но, когда рассеянная прежде в породе божественность сосредоточивается на отдельной особи, заклание бога становится приемлемым только при признании дополнения и поправки к прежней идее—представлении о воскресении бога. Именно это и находим в легенде о Дионисе—Загрее: будучи пожран титанами, предками людей, он возрождается Юпитером к жизни, исполненной славы.

В общем, однако, антропоморфизм ослабил представление о заклании бога, а развил идею заклания жертвы, предлагаемой богу в дар или для искупления. Эта идея не первоначальна, как не первоначально и представление об индивидуальных богах; антропоморфизм, с которым она нераздельна, сравнительно недавняя фаза в развитии религии, но во всяком случае, в Греции она, уже со времен Гомера и Геснода, господствовала так полно, что другие представления были известны разве только в форме мистических пережитков. Там же, где мы встречаемся с обрядами, предполагающими веру в смерть бога: с оплакиванием этой смерти, с иступленной радостью по поводу его воскресения,—перед нами следы тотемизма. Это легко показать анализом обрядности праздника Адониса сирийского. Легенда заставляет его умереть от клыков кабана, животного, бывшего в Сирии «табу», а первоначально тотемом, предметом ежегодного «причастного» жертвоприношения.

В тотемистическую эпоху человек не предлагал жертв своим богам или их священникам, потому что не знает еще ни богов, ни жрецов: клан освящает себя, возобновляет свой запас святости, с'едая, с известными обрядами, животный тотем. Эта потребность переживает и в эпоху ограничения, тотемизма, при том в двух формах. Иногда животный тотем

⁹⁾ Эволюционный образ тотемического жертвоприношения отмечается Г. Спенсером и Ф. Гилденом в 1899 году. У некого их племен центральной Австралии члены тотемической группы торжественно едят свой тотем после церемонии, называемой «лятихума». «Они не только имеют право его есть, но и должны отвесть первыми; уже после этого члены других тотемических групп могут есть его, сколько угодно» (The natives tribes of central Australia).

рассматривается, как животное нечистое, но его продолжают поедать в обрядовой обстановке. Это имело место в некоторых мистических кружках Иерусалима; к ним относится следующее место Исаии: «Вечный произнесет свой приговор над теми, кто освящает и очищает себя друг за другом, посреди садов, и ест мясо свилей и нечистых животных и мышей». (LVI, 17). Здесь эта запретная пища уже играет роль магических элементов, которые встречаются во всех народных фармакопеях и считаются тем действительно, чем отвратительнее и ужаснее составные их вещества; но идея освящения и очищения еще ясно отмечается пророком, а обычай, против которого он восстает так энергично, есть след отдаленного религиозного прошлого.

Позже, когда потребность в освящении уже не могла быть удовлетворена за счет животного, потерявшего свой престиж вследствие упадка тотемизма, было необходимо обратиться к человеку самому: «человек священен для человека». Отсюда человеческие жертвоприношения, сопровождаемые актами людоедства; на них падо, вместе с Робертсоном Смитом, смотреть, как на замену жертвоприношений тотемических. Многочисленные следы этого можно отыскать у классических авторов, хотя, вообще говоря, людоед ограничивается тем, что отвеживает крови жертвы или сдает небольшую часть ее тела. Самые важные в этом отношении тексты—у Платона и Павзания относительно культа Зевса в Аркадии; в нем совершенно напрасно хотели видеть финикийского Ваала. Этот культ следовал за тотемическим культом волка, включавшим в себе обрядовое жертвоприношение животного и общую еду, с помощью которой верующие думали приобщиться к святости жертвы и стать божественными волками. Когда тотем—волк заменился «волчьим» Зевсом, обряд был сохранен, только жертвой стал человек, посвящаемый богу; верующие, отведав его мяса считали себя обращенными в волков и называли себя волками так же, как посвященные Вакха становились Вакхами, поклонники Бассарея (Дионис—лисица)—Бассареями, а Артемиды—медведицы—медведями.

Цивилизации никогда не останавливаются; даже у народов, в умственном отношении развивающихся очень медленно, религиозные явления сегодня уже не те, что вчера. Поэтому-то мы и не можем видеть себя надеждой непосредственно наблюдать примитивный тотемизм: нам доступны лишь его переживания, более или менее отдаленные и не соответствующие первоначальному образу мысли. В этом отношении между данными, доставляемыми нам, с одной стороны, классической древностью, а с другой—подробными рассказами путешественников, изучавших тотемизм у современных дикарей, разница только в степени. Во всяком случае, даже ограничиваясь фактами, наичаще наблюдаемыми среди последних, дикарей, можно составить нечто вроде тотемистического кодекса, статьи которого (обычай и верования) попадают в большем или меньшем числе в религиях классических народов, как и разных других. Таким образом, можно удостоверить опытом первоначальную повсеместность тотемизма; ведь, если верно, что дерево узнается по плодам его, то не менее верно и то, что первоначальное тождество учений подтверждается одинаковостью окаменевших обычаев—логических следствий этих учений.

Вот такую формулировку кодекса тотемизма предложили бы мы:

1. Известные животные не умерщвляются и не едаются; люди воспитывают отдельно экземпляры их и заботятся о них.

Таковы корова, кошка, баран, ястреб в Египте; гусь, курица и заяц у кельтов Бретани; рыба в Сирии; медведь у айнов (их жеп-

щины иногда своим метанием вскармливает медвежат); угорь и рак на Самоа; собака у каландов Ява, орел у мексиканцев Аризоны. В странах эллинистических есть многочисленные примеры животных табу, которых кормят и почитывают, рассматривая их, как собственность какого-нибудь божества: тельца барана, посвященные Гелиосу в Аполлонии в Эпире; телки Персефоны в Кивике; мыши Аполлона в Гамаксите, в Трояде; медведи, орлы, лошади и быки в Гиеранолисе; гуси Юноны в римском Капитолии и т. п. Очевидно, что идея божественной собственности не терична; она возникла лишь в ту эпоху, когда организовавшее жрецество начало извлекать для себя выгоды из собственности, присвоенной божеству. Сначала это просто тотемные животные, как красные собаки калангов на Яве.

2. Посят траур по случайно умершему животному и хоронят его с теми же почестями, что и членов клана.

Так было с улитками в Серифе, с волком в Афинах, телкой в Египте, козлом в Мендесе, газелью в Аравии, совою на Самоа, гизной у народа ваниа в западной Африке, ксброй в Траванкоре, курицей у некоторых индейских племен в Южной Америке. То обстоятельство, что некоторые из этих животных не домашние, и даже вредные, совершенно устраняет невероятное, впрочем, и так выведение культа из чувства признательности.

3. Запрещение употребить в пищу распространяется иногда только на известные части тела животного.

Книга Бытия (XXXII, 33) приводит и объясняет легендой запрещение есть сухожилия, бедра; Геродот говорит, что египтяне никогда не едят голов животных. У Омага, в Северной Америке, члены клана Черноплечих не должны есть языка буйвола; клан Орла не должен прикасаться к голове буйвола; клан Ганга не должен есть его ребер и т. д. Эти частичные табу—компромиссы, возникшие на почве противоречия постоянной потребности и первоначально полного запрета.

4. Когда, под давлением необходимости, убивают животных, которых обычно избегают умерщвлять, то перед ними извиняются или стараются путем различных уловок смятчить это нарушение табу.

Так объясняется обряд «буфонии» в Афинах: бык, поедая освещенное печенье сам идет на смерть, и фиктивное судоговорение, устраиваемое после его заклания, приводит к выводу, что виновен в убийстве только нож,—его и бросают в море. На Тенедосе жреца, после того, как он принесет в жертву Дионису молодого быка, преследовали, бросая камни; в Коринфе ежегодное жертвоприношение козы Гере Акрее выполнялось специальными служителями-иностранными, и они наловчились так всаживать нож, что казалось, будто коза сама случайно умертвила себя. У племени Мол-Гамбии (Южная Австралия) люди убивают свой тотем только в случае голодовки и выражают скорбь о том, что поели его мяса. Несколько племен в Новом Южном Уэльсе не убивают своего тотема сами, а заставляют чужих сделать это, как коринфяне, и потом едят без угрызения совести. Бетуаны убивают льва, только испросив у него прощения, и убивший его должен потом подвергнуться очистительному обряду. В Северной Америке утауак из клана медведя извиняется перед последним, убивая его, и ссылается на то, что дети его голодают.

5. Оплакивают животное табу после принесения его в жертву. «Фиванцы»,—говорит Геродот,—«считают баранов священными и закалывают их только в день праздника Зевса. Это единственный день в году, когда они приносят одного в жертву; потом сдирают с барана шкуру в

покрывают ею статую Зевса. Сделав это, все стоящие у храма, бьют себя в грудь, оплакивая смерть барана»⁷⁾.

«Одно калифорнийское племя», рассказывает Фрэзер, «почитавшее птицу—лунь, ежегодно устраивало празднество. Главной церемонией праздника состояла в том, что одну такую птицу убивали, не проливая ни капли ее крови; потом ее опиливали и перья берегли на одежду колдуну; тело же закапывали в священном месте и старухи оплакивали его»⁸⁾.

Параллелизм этих двух рассказов поразителен. У Геродота шкурой животного одевают статую бога; но эта подробность обряда не может быть изначальной, потому что статуи божества не восходят к глубочайшей древности. Очень вероятно, что сначала содранная шкура животного предоставлялась жертвоприносителю или главному жрецу, соответствующему колдуну калифорнийского племени.

Плач финикийских женщин о смерти Адониса должен объясняться подобным же образом, хотя равные обряды адоний нам плохо известны. Цель этого оплакивания, сопровождавшего ежегодное принесение в жертву тотема,—ослабить или вовсе уничтожить ответственность, налагаемую этим убийством. Смерть бога оплакивалась и тогда, когда не сомневались в его близком воскресении. Это подметить так легко, что не стоит приводить доказательств⁹⁾.

6. Люди надевают на себя кожу известных животных, особенно во время совершения религиозных обрядов; эти животные—тотемы там, где существует тотемизм.

У тлинкитов, в Северной Америке, мужчины в торжественных случаях являются переряженными в тотемных животных. Клань кондора в Перу украшает себя перьями этой птицы. У Омага, тотем, которых буйвол, мальчики носят два локона волос на голове, напоминающие о его рогах. У южных славян ребенка мужского пола, сейчас же после рождения, покрывают шкурой волка, и старуха, выйдя из дома, кричит: «Волчица родила волченка». Говорили, что Замолкис, после своего рождения, был завернут в шкуру медведя. Одно австралийское племя, имеющее тотемом динго, дикую собаку, воеет и ходит на четвереньках, подражая ей, во время исполнения некоторых обрядов. Примеры, доставленные классической древностью, очень многочисленны, хотя имелись уже лишь намеки на тотемизм. Падали кожу оленя на тех, кто должен был изображать его в мистериях Сабазия; аттические девочки в возрасте от пяти до десяти лет назывались медведицами и, преодолев ями, отправляли культ Артемиды Бравронской, медвежьей богини; богосельцы, идущие в Гераполис, приносили в жертву барана, ели его и покрывались его шкурой.

Мы уже упоминали о египетском обряде одевания статуи фиванского бога шкурой принесенного в жертву козла и говорили, что в начале так должен был наряжаться жрец, а не бог. Ребертсон Смит сделал остроумное предположение, что распространенный обычай надевать шкуру жертвенного животного породил скульптурные типы египетских божеств с головой животного, как Баст, Сехет, Хнум и др., гипотеза тем более вероятная, что текст Геродота позволяет предложить переходный период, когда шкура животного набрасывалась не на жертвоприносителя, а на изображение божества.

⁷⁾ Геродот, II, 42.

⁸⁾ Фрэзер—«Тотемизм», стр. 23.

⁹⁾ Надо вспомнить, что происходит у нас в великую пятницу и на следующий день. Оплакивают умершего бога, ожидая его воскресения и всеобщей радости.

7. Кланов и отдельных божеств не было имени животных; где существует тотемизм, там животные — тотемы.

Это явление постоянное у индейцев Северной Америки; много примеров его и в Австралии. В Европе имена животных, дававшиеся помам или округам, были, повидимому, тотемными. В эллинистическом мире можно назвать кланы Кинодов (собак) в Афинах. Норцев (свирей) в Риме, Гирков (гавиков) в Самнии, народы Мирмидонов (муравьев), Мисийцев (мышей), Анкийцев (волков), Аркадийцев (вместо Арктадийцев, медведей). Название Аркадийцев особенно интересно потому, что мы знаем о существовании в этой местности культа Артемиды-медведицы. Каллисто, обращенной в медведицу Герой¹⁰⁾.

Леббок и Спенсер полагают, что обычай, очень распространенный у первобытных народов, — принимать имена животных — породил тотемизм; потомки волка Змея воображали, что они в самом деле происходят от животного этого имени. Такое объяснение совершенно ошибочно полагает, что идея происхождения лежит в основе тотемизма; на самом деле она только гипотеза, которой дикарь объясняет древний союз своего клана с кланом животным. То, что часто принимают и получают имена животных, в действительности, вовсе не является причиной тотемизма.

8) Многие кланы имеют изображения животных на своих знаменах и оружии; многие люди рисуют их или выкалывают на своем теле при татуировке.

Фрэзер приводит множество американских примеров этого обычая, при чем изображение животного рассматривается как образ охранителя, тотема¹¹⁾. Мы видим в античном мире, что волк изображался на знаменах римлян, а кабан на знаменах галлов; при этом другие обстоятельства заставляют нас думать, что волк и кабан были тотемами римлян и галлов. В Египте ястреб украшал собой царские знамена; он, несомненно, был тотемом семьи, основавшей египетское царство. Замечательно, что сами греки старались установить связь между явлениями тотемизма, наблюдаемыми ими в Египте, и подбором животных, изображавшихся на знаменах. Диодор говорит¹²⁾: «Второе объяснение, даваемое культу священных животных, заключается в следующем: жители Египта некогда были часто побеждаемы своими соседями, потому что не знали военного искусства; тогда у них возникла мысль устроить себе для сражений условные значки; так вот, такими значками и были животные, которых они почитают теперь; вожди послали их укрепленными на концах своих коней, на виду у каждого ряда солдат. Так как эти значки много помогали победе, то они стали смотреть на них, как на причину своих удач. Из благодарности, сначала установили обычай не убивать ни одного из животных, представленных на этих изображениях, а потом этот обычай развился в божественный культ». Диодор приводит три объяснения египетского тотемизма и все они нелепы; приведенное нами полезно, по крайней мере, в том отношении, что удостоверяет вполне существование изображений священных животных на египетских знаменах. Совершенно так же туземцы верхнего Дардинга гравируют во время войны палки, увенчанные кусками коры, на которых нарисованы тотемные животные¹³⁾. Так как знамена в походе несутся всегда впереди войска, очень, вероятно, что животное знамя представляло собой живот-

10) Bergard, Origine des cult's arcadiens, стр. 130.

11) Fräzer, Le Totemisme, стр. 13, 39, 43, 45.

12) Диодор I, 86.

13) Фрэзер, — назв. соч.: стр. 45, 46.

нос—гадателя, или животное—проводника; ими мы скоро займемся (под номером 11).

9. Если тотемные животные опасны, то считается, что они падают членов тотемического клана, но только тех, кто принадлежит к этому клану по рождению¹⁴⁾.

По всему происхождению, это верование принадлежит к числу тотемических ордалий: примеры их представляет и классическая древность. В Сенегамбии люди клана скорпиона утверждают, что их никогда не кусает это животное. Псиллы Мармарики, офигены Пария тоже считают себя огражденными от укуса змей. Псиллы подносили своих новорожденных детей к змеям, чтобы убедиться, что они законного происхождения; мохосы Перу, имеющие своим тотемом ягуара, подвергали своих колдунов подобному же испытанию¹⁵⁾. Среди бечуанов имеется клан крокодила, исключаящий из своей среды всякого человека, подвергнувшегося нападению этой амфибии или хотя бы обрызганного водой, разлетающейся в стороны при ударе хвоста крокодила¹⁶⁾. Следует, может быть, также признать подобной ордалией удаление Ромула и Рема после их рождения; волчица, пощадив их, тем самым удостоверила, что они—свои для клана.

10. Тотемы животные помогают и покровительствуют членам тотемического клана.

В Египте рассказывали, что один древний царь был спасен крокодилом, перевезшим его на своей спине через озеро Мэрис¹⁷⁾. Вероятно, такого же происхождения и греческие легенды о животных-спасителях, например, о дельфине Арнона, лисичке Аристомена. Таким же образом следует объяснить столь распространенные предания, рассказывающие о баснословных героях, вскормленных животными. Но древние люди, как и современные, ошибались, объясняя тотемизм чувством благодарности человека полезным животным, прежде всего потому, что большая часть тотемов—животные вредные, а во-вторых, и потому, что самые полезные животные, прирученные человеком, сделаны им домашними именно под влиянием тотемизма. Идея признательности, как и идея родства явились только вследствие желания правдоподобно объяснить, дать себе отчет о положении вещей, истинная основа которого была уже забыта.

11. Животные—тотемы возвещают верующим будущее и являются их руководителями.

Можно только подсозревать, что у греков и римлян животные, по которым гадали, были в древности тотемами; но, что касается Египта, то Диодор прямо сообщает нам, что ястреб, тотем царской семьи, почитался истому, что предсказывал будущее¹⁸⁾. В Австралии и на Самоа

14) Страбон отмечает в Парич, на Пропонтиде, племя, называемое „змееродными“: они полагают, что находится в родстве со змеями и происходят от какого то герольдзиса; считалось, что в этом племени все мужчины имеют способность излечивать от укушения змей путем наложения рук на раны (Strabon, XIII, p. 588). Плиний помещает этих „змееродных“ на острове Паросе по ошибке (XXVIII, 30; в некоторых изданиях имеется вместо Пар са-Кипр; вот почему некоторые современные авторы поселили их на острове Кипр). Но в другом месте, цитируя Кратера Пергамского, Плиний говорит, что Офигоны (змееродные) „на Галлесонте возле Пария“ (VI, 2), Варрон сообщает то же. Элиан тоже упоминает (Nat. anim., XII, 36) об одном племени „змееродных“ во Фригии: они считали себя происходящими от Галли, оплодотворенной свлццциным змеем.

15) Фрэнкел, стр. 30.

16) там же, стр. 31, 32.

17) Диод. р. I, 89.

18) Диодор, I, 87.

пелугу, ворона и сова предвещают будущее людям своих кланов; на Самой некоторые кланы даже воспитывали сов, чтобы они служили вестими животными в случае войны¹⁹⁾. Можно припомнить по этому поводу вестего князя Вобдикки (Vobdisca), царицы Бретани, страны, в которой, по времени Цезаря, зайцев воспитывали, но не яиц, то-есть, общались, как с тотемом; а также историю того волка, который служил проводником самнитским переселенцам при основании ими одной колонии²⁰⁾. Этот последний пример тем более интересен, что эти самниты назывались ириницами, от слова *irrus*, что значит на языке Самнитума—волк²¹⁾, поэтому очень вероятно, что они признавали волка своим тотемом.

Этот обычай пользоваться тотемными животными для гадания, по всей вероятности, очень древен. Люди должны были скоро заметить, что внешние чувства животных острее, чем их собственные. Неудивительно, что они обращались к тотемам, то-есть, своим естественным союзникам, с просьбами предупредить их об опасностях, которые не могли бы заметить заранее сами, или о естественных преимуществах места (особенно источниках), которые животные, кажется, чуют издали²²⁾. Гадание по животным, быть может, и не имело другого происхождения; такое предположение объясняет, почему животные авгуры были, в более древние времена, насколько можно судить, разом и проводниками, и гадателями, и тотемами. На древних греческих вазах птица, часто летящая впереди боевой колесницы, играет, конечно, двойную роль—проводника и предвещника.

12. Члены тотемического клана очень часто считают себя в родстве с животным тотемом вследствие общности происхождения.

Я указываю на последнем месте эту черту, которую другие рассматривали, как самую существенную; на мой взгляд она—только гипотеза. Истинная тотемическим кланам теми табу, происхождение которых было непонятно, а, может быть, и традиционным именем клана. Во всяком случае, эта попытка толкования очень стара, и следы ее замечаются в классической древности. Офиогены Пария, известные тотемом змею, называли, как указывает и их имя, что они происходят от змей²³⁾. Страбон передает эгипетскую сказку; согласно ей, мирмидоны были муравьями, превращенными в людей после того, как чума лишила остров человеческого населения²⁴⁾. Источником этой легенды было, несомненно, самое имя мирмидонян, означющее «муравьев»; обратно, имя офиогенов должно было отразить генеалогическую легенду, созданную для объяснения общения этих людей со змеями. Галльские имена часто состояли из названия животного и окончания «генос», означющего божественное происхождение; таковы Маугенос (сын кабана), Бранногенос (сын вороны); они были просто отражением преданий, привязывавших культ какого-нибудь животного к известному клану. Робертсон Смит среди семитических племен отмечает несколько случаев воображаемого родства между людьми и животными. У современных тотемических народностей примеры этого рода можно найти в большом числе; я довольствуюсь тем.

19) Фрэзер, 34, 35.

20) Дюп Бассей, XII, 9.

Сравните облачный или огненный столб (Ихво), якобы, ведший израильтян в пустыне (Исход, XIV, 21).

21) Страбон, VI, 12.

22) Тацит, переводя одного александрийского автора, уверяет, что еврей обожа-ли осла, потому что дикие осла открыли Моисею существование источника.

23) *Thesaurus*, изд. Estienne-Diolot.

24) Страбон, VIII, 16.

что отсылает за ними к Фрэйзеру²⁵⁾; число их увеличить можно, но это было бы праздным занятием²⁶⁾.

**

Из всего предшествующего вытекает с очевидностью, что в различных областях античного мира имеются несомненные следы табу и обычаев, аналогичных тем, какие мы видим в современных тотемистических религиях; там только нельзя констатировать отчетливого сознания договора, который кажется нам самой сущностью тотемизма. Надо сказать, что это представление первобытной эпохи нигде не формулируется ясно, даже и в странах тотемизма; почти везде оно подменено идеей родства или очень древнего обмена услуг, то-есть, гипотезами, предназначенными объяснить старинные табу.

Но так как идея договора—единственная, объясняющая все явления тотемизма, то можно вполне логично, исходя из фактов, добраться до представления, от которого они все зависят. Мы показали, что такие факты очень нередки в средиземно-морском мире до-христианской эры. Кажется вполне законным заключением, что все они—плоды, вышедшие, по натуральным—такого же состояния мысли, какое мы находим в наши дни в обеих Америках, части Азии, в Африке и Океании. Если такое заключение и не имеет строгой точности математической теоремы, оно, по меньшей мере, достигает той высокой степени вероятности, какой довольствуются даже в наиболее благоприятных случаях, в исследовании явлений религиозных и социальных.

Можно, кроме того, подойти к вопросу с другой стороны, с точки зрения более общей и философской, и показать, что гипотеза первобытного тотемизма должна быть принята, даже если бы мы не располагали для ее поддержки этнографическими фактами и литературными свидетельствами.

Те, кто пытался дать определение «*homo sapiens*», остановились на следующей формуле: «Человек—животное религиозное». Это определение очень точно при одном условии: если мы возьмем слово религия в его самом общем значении и не будем искать в ней выражения какой-нибудь богословской доктрины, похожей на учения религий у современных народов. В своей основе, религия—духовная узда, сдерживающая деятельность и грубость человека, то-есть нечто иное, как система табу. Первые религиозные законодательства—сборники ограничений и запрещений; наиболее всеобщее и древнее из них запрещает пролитие крови внутри группы, связанной кровными узлами. Но преграды, поставленные человеческой энергии суверенем, распространяются и на все области, в которых эта энергия может проявляться; табу охватывают разом и человека, и животное, и растительное царство; дикарь, по природе своей анимист, способен различать их сколько-нибудь точно. И вот, поскольку система древних табу касается отношений человека к человеку, она образует ядро семейного и общественного права, морали и политики; поскольку же она касается царства животного и растительного, она создает тотемизм.

²⁵⁾ Фрэйзер—, «Тотемизм», 6.

²⁶⁾ Вполне сознательно я не включил экзогамия в число логических следствий тотемизма. Экзогамия, как и страх перед кровосмешением (ее смягченный вид), истекает из табу крови членов клана. Но так как члены клана узнают себя по общности тотема, то естественно, что тотемизм и экзогамия часто идут рядом; однако, последние из тотемизма не вытекают и не могут считаться неотделимой от него („*Année sociologique*“; III, 213).

Тотемизм, то-есть, совокупность моральных ограничивающих действительность человека в его отношениях к животным и растительным, не только сопоставляет право и мораль в их изначальном. Он соотносится с ними, конечно, потому, что в клановом иррациональном человеке, а даже ребенка нашего времени, люди, животные и растения образуют одно царство, где действует единый дух жизни.

Мы уже говорили, что древнейшие табу касаются только оленей клана; даже в десяти языковых слова «не убой» не имеет того общего значения, какое мы им приписываем, но крайней мере, в теории. Но в эпоху десяти языков клан уже делится народом, пройдя промежуточный этап племени. Этот клановый, первобытный форма сирийства, рано сделался необходимостью в борьбе за существование. Клан, оставившись изолированным, исчезал, и человеческие группы переживали только в том случае, если их одушевлял социальный инстинкт. Поэтому, раз различение даров природы было еще весьма смутным, естественно, что человеческие кланы были склонны договариваться о союзе не только между собой; одни заключали союзы и с кланом животных, другие с кланом растений, третьи и с теми и с другими. Отсюда и вытекло то, что охранительные табу, имевшие силу в клане человеческом, были распространены и на клан животных или растительный: их принимали в свое общество, от них ожидали помощи и защиты²⁷⁾. Таким образом объясняется, так сказать, а priori основной договор, порождающий тотемизм: он в сущности только расширение всеобщего и первоначального табу: «не убий»²⁸⁾.

²⁷⁾ Эти первобытные союзы, правду сказать, ничуть не страшнее, чем хорошо известный факт союза Израиля с Игве, лежащий в основе моисеевой религии. От Игве люди могли не больше, чем от клана животных или растений, ожидать действительной помощи, если бы они руководились опытом; однако, они верили в эту помощь и в своей вере черпали силу и устойчивость, поддерживающие их еще и теперь среди испытаний.

²⁸⁾ Статьи взяты из сборника S. Reinach — „Cultes, Mythes et Religions“, т. I, изд. 1921 г.

Неисторичность Иуды Предателя

Вейсс в „Schriften des Neuen Testaments für die Gegenwart-erklärt“ замечает: „Нравственно-психологическая проблема Иуды Искарриота, несмотря на все усилия, не разрешена до сих пор. По-прежнему остаются вопросы: как мог поступить так человек, долгое время находившийся под влиянием Иисуса? и другой: как мог Иисус принять в число своих близких учеников этого человека? Дать на это научный ответ не удастся; здесь все должно разрешаться фантазией; поэтому событие это и сделалось темой для поэтов“.

Очень хорошее представление о том, как сильно эта проблема привлекала поэтов и как разнообразно звучат ответы на вопрос о причине предательства, дает нам статья доктора А. Лютера „Иисус и Иуда в поэзии“ („Jesus und Judasin der Dichtung“, Hanau, 1910).

Но и в попытках научного освещения фантастические толкования, даже в новейшее время, играют большую роль. В „Библейском словаре“ Шенкеля (3 том, стр. 431) Мангольд мог „лишь с приблизительно достоверностью“ высказаться об Иуде следующим образом:

„Иуда, должно быть, принадлежал к числу тех, которые чаяли „утешения Израиля“ и потому присоединились к Иисусу, а Иисус мог включить его в круг апостолов потому, что заметил в нем не только воодушевление идеей месснянского возрождения иудейского народа, но и другие похвальные качества: немалую энергию и известный административный талант, что могло принести значительную пользу первой месснянской общине. Но, конечно, и темные стороны в характере Иуды не укрылись от Иисуса—земное, материалистическое представление о царстве божием и присоединение к числу апостолов из корыстных видов: по-видимому, основной порок Иуды—его алчность в значительной степени находила удовлетворение в таких надеждах. Разумеется, милосердный к грешникам, Иисус надеялся и из такого Иуды сделать ценное орудие для служения своему царству... Притча о плевелах в пшенице, символическая речь о сети с хорошей и дурной рыбою, суровые слова о завидующих и, совсем в конце, рассказ о человеке, явившемся на царский пир не в брачной одежде—все эти слова Иисуса имели, несомненно, общий смысл, но вместе с тем должны были служить серьезным предостережением для одного из его учеников,—для того, кому угрожала опасность стать отступником... И, конечно, не могло быть, чтобы эти речи Иисуса вовсе не производили впечатления: недаром в душе Иуды борьба света и тьмы продолжалась так долго“.

Все это очень мило сочинено, но только сочинено,—приблизительно, в том роде, как разрисовывает более или менее живыми красками проповедник краткую и сухую историю. В евангелиях на-

правдо-статистика и нетать опоры для всех этих толкований и догадок; большая часть их — чистая фантазия или предположение, и толкователь оперирует словами: „должно быть“, „возможно“ и, особенно часто, „конечно“. Даже столь критически-настроенный эссеист, как Гольдшамид, не побоялся в своем комментарии („Vorträge und Studien“, Tübingen, 1907, стр. 127—146) по поводу пророчества на Тайной вечери о предательстве, сделать следующее замечание: „Иисус все с большей уверенностью отгадывал его намерения по его изменчивой, пугливой и вместе упрямой манере держаться, по его таинственным отлучкам, по волнению и задумчивому настроению“.

По поводу стиха Матфея 26, 25, он пишет: „Иуда спрашивает прямо и дерзко, не подразумевал ли Иисус его“. Все это мы принимаем, как попытку сделать психологически понятными предателя и поведение Иисуса по отношению к нему. Но здесь говорит не научное исследование, опирающееся на скудные указания евангелий, а восполняющая их, поэтическая фантазия. Наша мысль, ищущая здесь жизненной действительности, ставит вопросы, на которые, к несчастью, не могут ответить евангельские сообщения.

Бреде, тот немецкий исследователь, который особенно внимательно занимался „Иудой Искаротом в христианском предании“, замечает по поводу предсказания о предательстве: „Мы ровно ничего не узнаем о том, как ответ Иисуса подействовал на его учеников, что произошло с Иудой; по видимому, он спокойно оставался за вечерей; все это вопросы, на которые евангелист совсем не обращает внимания“. И дальше: „Вопрос: господи, не я ли это? кажется нам таким достоверным, пожалуй, таким трогательным, что мы почти не чувствуем, как странно он в обстановке трезвой действительности.“

Могли ли, в самом деле, ученики, сознававшие себя вполне преданными Иисусу, думать, что они способны, может быть, через несколько часов стать предателями?“

Штейндель („Im Kampf um die Christumythe“, Jena, 1910) задает вопрос: каким образом Иисус, зная заранее предательские намерения Иуды, одного из своих учеников, мог не чувствовать себя обязанным повлиять на него, пока еще было время, для спасения его души. Он указывает, как на совершенно невозможную, еще на одну вещь: „Евангелист заставляет Иуду выдать самого себя, опустив кусок хлеба в блюдо вместе с Иисусом, при чем ни один из учеников не выражает ничем своего ужаса перед тем, что в их собственной среде оказывается предатель любимого учителя. И еще непонятнее то, что непосредственно после предсказания Иисуса, которое давало полное основание смотреть на Иуду, как на ученика, который совершит предательство, и наблюдать за ним, остальные одиннадцать апостолов позволяют ему спокойно уйти к первосвященнику, а сами сопровождают Иисуса в Гефсиманский сад. Непонятным остается также и самый поступок Иуды, несмотря на несколько остроумных истолкований, в том числе и принадлежащее Гете“.

Если Вейцзекер („Untersuchungen über die evangel. Geschichte“, стр. 533) спокойно говорит, что совершенно непонятно, почему понадобился предатель, чтобы овладеть особой Иисуса, и делает по этому поводу предположение, что Иисус, должно быть (!), в дни, следовавшие за его входом в Иерусалим, скрывался, то Каутский („Происхождение христианства“) пользуется, чтобы показать неправдоподобность или, прямо сказать, нелепость предательства, юмористическим сравнением, взятым из условий нашей современ-

ности: „Это приблизительно то же, как если бы берлинская полиция наняла шпиона для того, чтобы указать ей лицо, носящее имя Бибеля“.

Если принять во внимание все изложенные затруднения и не вероятности, станет понятным то, что говорил Йозель как о загадке, которую нам следует решить: о невозможном образе Иуды („Nische in die Religionsgeschichte zu Anfang des 2. Jahrhunderts“). Вреде говорит, что основное историческое ядро в сообщении нового завета об ученике-Иуде чрезвычайно невелико, и вся остальная, гораздо большая часть—уже просто легенда. Он находит, „собственно говоря, несколько неудивительным, что и самую историю предательства считают неподозрительной“. Однако, он отвергает высказанное Фолькмаром предположение, что Иуда есть, собственно, народ—Иуда, иудей, и что мысль о том, что иудейский народ выдал Иисуса его врагам, обратилась в представление о предательстве ученика, носившего имя Иуды. Вреде называет это „вряд ли приемлемым толкованием“ и восклицает: „Нет! Предательство Иуды должно быть историческим событием, потому что оно слишком непонятно для того, чтобы быть придуманным рассказом“. Даже и такой радикальный критик, как В. Брандт („Evangelische Geschichte“, стр. 18) крепко держится за действительное существование предателя и за историчность предательства. В своей „Евангельской Истории“ он говорит: „Мы можем смело утверждать следующее: уже первый, кто взялся написать историю Иисуса, сам же не поверил бы этому рассказу, если бы последний не был передан ему самым надежным образом из источника, не могущего быть заподозренным“.

С другой стороны, нет, однако, недостатка и в голосах, которые снова высказываются в пользу никогда серьезно не обсужденного и почти забытого предположения Фолькмара, что Иуда представляет собой Иуду,—иудейский народ. Фолькмар высказал свой взгляд в „Religion Jesu“ (1857 г., стр. 260) и в „Markus“ (1876 года, стр. 553). В. Б. Смит посвящает Иуде Искарриоту главу в своей книге „Esse Deus“ (Jena, 1911, стр. 223—203); там же он особенно старается объяснить прозвище — „Искарриот“. Робертсон рассматривает миф об Иуде Искарриоте в своих „Евангельских мифах“^{*)}. И Фейгель выражает большие сомнения относительно исторического существования личности Иуды, в своей книге: „Der Einfluss des Weissagungsbeweises und andere Motive auf die Leidensgeschichte“, (1910, стр. 43, 95, 114). Во французском еженедельном журнале: „Les droits de l'homme“ от 23-го апреля 1911 года раввин Луи Жермен Леви поместил статью: „Иуда—предатель никогда не существовал“. Он доказывает, что все подробности легенды о предательстве выросли на почве ветхозаветных пророчеств. Достояния внимания и маленькая брошюра Марк-Иердта, которая, удивительным образом, не была известна Вреде: „Der Verrat des Judas Ischariot—eine Sage“, появлявшаяся в качестве 30 выпуска „Kleine Studien“ в издании Августа Шуппа в Мюнхене, без обозначения года. Быть может, настоящему исследованию, путем подкрепления уже высказанных сомнений и указания на некоторые, еще мало известные, доказательства несуществования Иуды-предателя, удастся помочь большему признанию этой мысли.

^{*)} Этот труд переведен на русский язык и вышел в изд. „Атеист“.

1. PARADIDONAI — ПЕРЕДАВАТЬ

Преступление Иуды включается в „paradidonai“, он „paradus“ (Матфей 10, 4) или „paradidus auton“ (Матфей 26, 25). Еще Фолькмар отмечал, что paradidonai означает вообще: передать, отдать на смерть, а не непременно: „предать“. И Смит резко выставляет на первый план это значение. Он говорит: „Без сомнения, может предательски выдавать тот, кто с предательскими намерениями целует или обнимает, или пишет, или говорит, или делает еще что-нибудь другое. Но отсюда ни в коем случае не следует, что целовать, обнимать, писать, говорить, значит непременно предавать. При этом ни в одном из привлекаемых к делу примеров нет неясного выражения, которое давало бы право переводить, пользуясь словом „предать“. То, что зводится „задняя мысль“ о предательстве, объясняется обстоятельствами, сопровождавшими этот индивидуальный случай, а вовсе не основано на собственном значении слова: смысл его попросту „передать“. Лютер в большинстве случаев и переводит „передать“; а Вайцзекер — „выдавать“. Так поступают они с выражением нагорной проповеди (Матфей 5, 25): *merote se parado ho anadikos to krite* ¹⁾).

В напутственной речи (Матфей 10, 17) Иисус говорит ученикам: *paradosusin gar humas eis syneeria* ²⁾ (сравни 24, 9; Марк 13, 9; 11; Лука 21, 12; Матфей 10, 21; 24, 10; Марк 13, 12; Лука 21, 16; Матфей 18, 34; 24, 9—10). О Павле говорится в Деяниях апостолов (8, 3), что он мужчин и женщин „paredidu eis phylaken“ ³⁾, сравни 22, 4. Ирод предаёт Петра страже (12, 4). Агав предсказывает Павлу, что иудей его *paradosusin eis cheiras ethnon* ⁴⁾, 21, 11. Павел рассказывает 28, 17: *desmios ex Hierosolymon paredothen eis tas cheiras ton Romaion* ⁵⁾. Также и об Иоанне Крестителе говорится (Матфей 4, 1; Марк 1, 14): *paredothe* ⁶⁾).

Во всех этих случаях ни один читатель, разумеется, и не подумает о предательстве, да для последнего по-гречески есть и специальный глагол: *prodidonai*. Только однажды, в единственном месте у Луки (6, 16), говорится про Иуду: *hos egeneto prodotes* ⁷⁾. Выдача без предательства тоже дурной поступок. Так, в Апокалипсисе Петра говорится о некоторых преданных мучениям грешниках: *hutoi de esan hoi diokantes tus dikaios kai paradontes autus* ⁸⁾).

Как уже сказано, Лютер, вообще, переводит *paradidonai* словом „передать“. Приблизительно так же поступает и Вайцзекер. Лишь в некоторых местах, где Лютер употребляет выражение „передать“, он оставляет „выдавать“. Так, например, у Лютера место Матфея 26, 15—„я предаю его вам“, а у Вайцзекера: „что дадите мне, если я выдаю его вам?“ Лютер переводит стих Матфея 26, 46: „вот тот, кто предаёт меня“, у Вайцзекера: „вот тот, кто выдает меня“. В книге S. E. Verus „Vergleichende Übersicht der vier Evangelien“ с утомительным однообразием автор повсюду пользуется глаголом „передать“.

¹⁾ „Чтобы соперник не отдал тебя судье“.

²⁾ „Ибо они будут отдавать вас в судилища“.

³⁾ „Отдавал в темницу“.

⁴⁾ „Передадут в руки язычников“.

⁵⁾ „Я в узах из Иерусалима передан в руки римлян“.

⁶⁾ „Передан был“.

⁷⁾ „Сделался предателем“.

⁸⁾ „Те, которые преследовали праведных и выдавали их“.

Далеко не безразлично именно то, что *paradidonai* значит собственно только „выдавать“. Определенный оттенок предательства, измены, быть может, прибавился только позже; так думает и Фолькмар: „значение „предатель“ заменило собой первоначальный смысл, вероятно, позже“.

2. ИУДЕЙСКИЙ НАРОД, ИУДЕИ,—ПРЕДАТЕЛЬ.

Если даже в евангелиях Иуда обозначается словом *paradus*, то, с другой стороны, нет недостатка в выражениях, приписывающих всему иудейскому народу или, по крайней мере, его руководящим кругам вину „*paradidonai*“. Следующее место у Марка (15, 10) (сравни Матфей 27, 18): *eginosken* (Пилат) *gar hoti dia phthonon paradedokeisan auton hoi archiereis*⁹⁾, не следует особенно принимать во внимание, потому что и в самом предательстве Иуды побудительной силой, духовными инициаторами являются первосвященники. Следует только еще раз отметить употребление „*paradidonai*“. Важно, напротив, место, говорящее об учениках в Эммаусе: они рассказывают мнимому чужеземцу, *hopos te paredokan auton hoi archiereis kai hoi archontes hemon eis krima thanatu kai estaurosan auton* (Лука 24, 20)¹⁰⁾.

Почему здесь отсутствует посредствующее звено в ряду причин смерти Иисуса—предательство Иуды? Опущено ли оно просто вследствие краткости рассказа, или же этот, обособленно стоящий, рассказ еще не знал о преступлении отдельного лица—Иуды и возлагал ответственность за смерть Иисуса только на народ в лице его вождей? Второе объяснение, то-есть, что здесь дело не в умолчании, а в незнании о поступке отдельной личности, Иуды, становится вероятным вследствие показаний „Деяний апостолов“. Об Иуде в этой книге говорится только в одном отрывке (1, 15—26).

Вреде приходит к следующему заключению относительно сообщений о конце Иуды: „В конце концов, сообщение Матфея имеет также вполне легендарный характер. Намеки же в „Деяниях апостолов“ едва ли заслуживают более милостивой оценки“. Во всяком случае, мы имеем здесь перед собой сведения поздние и мало заслуживающие вероятия. Ван Манен („*Paulis I*, стр. 46; 1890 г.) объявляет весь рассказ, прерывающей связное изложение, вставкой, сделанной чужой рукой, не той, что писала ближайшие предшествующие и последующие части. Как бы то ни было, больше об Иуде во всех „Деяниях апостолов“ нет ни словечка.

В речи Петра (3, 13) говорится: *ho theos edoxasen ton paida autu Jesun, hon hymeis men paredokate kai ernesasthe kata prosopon Peilatu*¹¹⁾. То, что в евангелиях разделяется между двумя отдельными личностями, и *paradidonai* приписывается Иуде, а *agneisthai* Петру, то здесь взваливается на плечи всему иудейскому населению Иерусалима. Также и в речи Стефана обвиняется народ (7, 52): *hu nyn hymeis prodotai kai phoneis egenesthe*¹²⁾. Опять-таки и здесь оказываются виновными жители Иерусалима: они—„*prodotai*“, как говорится прямо, хотя и не подразумевается предательство в соб-

⁹⁾ „Ибо знал, что первосвященники предали его из зависти“.

¹⁰⁾ „Как передали его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли его“.

¹¹⁾ „Бог прославил сына своего Иисуса, которого вы передали и от которого отrekliсь пред лицом Пилата...“

¹²⁾ „Которого предателями и убийцами сделали ныне вы“.

ственном смысле слова 11 и 2, 23 обвиняются мужи израильские в том, что они распяли на кресте Иисуса. Иисус был „ekdotos“, предан, оценен; но индивидуальный предатель не называется и здесь. Близкий раз, как идет речь о преступлении народа, например, еще: 4, 10; 5, 30; 10, 39; 15, 28, никогда не упоминается о предательстве и предателе. Могут, конечно, сказать, что упоминание Иуды еще вовсе не доказательство его несуществования. Это правда; но если только предательство Иуды дало возможность властям схватить Иисуса, если был совершен ужаснейший грех и возмутительное предательство, то, казалось бы, естественно было назвать этого отвратительного злодея. Но так как автор „Деяний апостолов“ разражается яростными обвинениями только против народа и его руководителей, то и думается, что в его представлениях никакой роли не играла личность отдельного предателя.

3. ПОСЛАНИЯ АПОСТОЛА ПАВЛА И РАННЕ-ХРИСТИАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Поразительно и чрезвычайно важно то обстоятельство, что послания апостола Павла нигде не говорят о каком-нибудь предательстве и предателе. Вейсс („Paulus und Jesus“), движимый стремлением приписать апостолу Павлу как можно больше сведений о жизни Иисуса, вычитывает, несомненно, слишком много из слов 1-го послания к коринфянам (11, 23). „Они говорят о предательстве,— стало быть, Павел знает кое-что о предателе и об аресте“. Но по этому поводу надо заметить, что здесь „paredideto“ следует переводить не: „он был предан“, а „он был передан“; и, кроме того, раз глагол стоит в страдательном залоге, нет оснований и представлять себе без дальних размышлений „какого-то предателя“. Говорится в очень общем смысле: „когда он был передан“; и эту фразу прекрасно можно дополнить: „первосвященниками и властями“. Утверждение, что Павел знает кое-что о предателе, во всяком случае, слишком смело и прямо опрометчиво: здесь желание было отцом уверенности. Фейгель тоже, на 49 странице своей книги „Der Einfluss des Weissagungsbeweises und anderer Motiven auf die Leidengeschichte“, замечает по поводу 11, 23 первого послания к Коринфянам: „Здесь нельзя переводить: „в ночь, когда он был предан“, и заключать из этого, что уже Павел знал о предательстве Иуды“. Впрочем, и сам Вейсс не скрывает, что он принимает весь отрывок 11, 23—32 первого послания к Коринфянам, подозрительный и по многим другим причинам, за позднейшую вставку, именно потому, что в нем встречается единственная в посланиях апостола Павла ссылка на событие из жизни Иисуса.

Но если даже в 11, 23 заключается и прямое указание на предательство, то все-таки Павел, автор первого послания к Коринфянам, еще ничего не знает о предателе-Иуде. Когда делалась эта вставка, легенда о единичном предателе могла уже существовать или же еще только складываться.

К тому же, Фолькмар, в доказательство того, что Павел не знал предателя-Иуды, ссылается на 15, 4 первого послания к Коринфянам: там христос является „двенадцати“. Стало быть, в число этих „двенадцати“ должен входить и Иуда. Можно, конечно, возразить, что выражение „двенадцать“ употреблено как установившийся технический термин для обозначения тесного кружка учеников. Но

ведь и весь отрывок 15, 3—8 вызывает подозрение: он, повидимому, был переработан. По крайней мере, в посланиях Павла больше нигде не встречается обозначение „двенадцать“. Да, кроме того, и нет надобности особенно опираться на это место, чтобы подкрепить убеждение, что Павел ничего не знал об Иуде-предателе: оно вытекает из всей совокупности посланий. Незнание о предательстве Иуды вообще заметно во всей древне-христианской литературе. Апостольские мужи, Дидаха, Юстин, Аристид совсем не упоминают о нем, а евангелие Петра прямо исключает его своим 58 стихом: „Мы же, двенадцать учеников господних, плакали и были в смятении“ (после распятия и смерти Иисуса).

4. СМЫСЛ ОБРАЗА ИУДЫ.

При таком положении дела может ли показаться невероятным предположение, что образ Иуды совершенно легендарен, что в его лице изображен иудейский народ, передавший римским властям для казни Христа? Не легко понять, почему такое объяснение должно быть, пользуясь выражением Вреде, „врад ли приемлемым толкованием“. Ведь приведенные нами места из „Деяний апостолов“ полны жалоб на народ, а отсюда был только один шаг к олицетворению народа иудеев в образе единоличного иудея—Иуды.

Робертсон старается объяснить личность Иуды, как фигуру, возникшую на почве христианских мистерий. В своей „Short History of Christianity“ („Краткая история христианства“) он говорит: „Иуда не упомянут ни в одном послании; его легендарное предательство не подтверждается ни недавно открытым евангелием Петра, ни даже-павловым упоминанием о „двенадцати“; он—создание позднего времени. Вероятно, он возник в качестве единоличного иудея, отдельного еврея, сценической фигуры ранне-христианских мистерий распятия и воскресения... Евангельская история предательства, во всяком случае, вымышлена, и ее существование лучше всего объясняется тем, что среди (обращенных) язычников возникла подобная мистерия, изображавшая иудея, предающего своего господя, а двенадцать мужей—покидающими своего учителя. Кошель, в котором хранятся деньги, „цена крови“, был драматическим аксессуаром и породил представление о том, что Иуда был казначеем у апостолов“.

Люблинский отказывается от исторического и рационалистического объяснения предательства Иуды, так как мотивы его мы должны были бы взять не из евангелий, а сочинить сами. Он пишет: ¹²⁾ „Нам остается только один выход: признать предательство Иуды поступком иррациональным; он понятен только как чудо наизуот, как порыв зла. Лука сухо объясняет, что в Иуду вселился сатана, а у Иоанна сам Христос дает съесть Иуде кусок хлеба, омоченный в вине; после этого в него входит сатана и толкает на предательство. Если мы вспомним, что, по мифологической теории познания древних, демон подменяет собою истинное существо человека, то нам станет ясно, что Иуда теперь уже не Иуда, а сатана, князь тьмы. Он будет называться Иудой лишь потому, что этот синоним делает его представителем народа—богоубийцы, воплощением иудеев. Нельзя оспаривать существования этого скрытого намерения, но оно не единственный повод для очеловечивания сатаны, „человекоубийцы искони“. Так как Христос воплотился в человека, то и злой дух

¹²⁾ „Das werdende Dogma vom Leben Jesu“ стр. 145, 1910 г.

должен был принт і. па . . ну і.п. іа лм оіпр.і і, и ог ного он решительно выиграл. ОІ'П'НІМНІ іпп іп мншою грешника и великого кающегося, произнесшего м.т < УНІП С ЛІІІІІ Імертний приговор. Поистине, великое чудо» оперинчкшиш очеловечением над самим сатаной".

Подобные соображения .нпиноки совершенно приемлемым объяснением происхождения образа Пуды. Достаточно истолкования в самых общих чертах: большого нельзя и ожидать, конечно, при работе над таким вопросом. Оно чияется положительным дополнением к легко находимым доказательствам психологической невероятности и непонятности рассказа о предательстве и весьма недостаточным историческим показаниям о нем. Поэтому нет никакой надобности повторять вслед за Вреде: „предательство Иуды должно быть историческим событием потому, что в качестве вымышленного рассказа оно совершенно непонятно"; наоборот, можно смело утверждать: предательство Иуды отнюдь не историческое событие, а сказка, легенда или, если угодно, миф. *)

») Статья ги „ZiMtsc.iivift Kir Jin »в«Л«Л«яшшЫ. WtHWMisehafV; »uu. 1, 1914 г.

Исторический-ли факт—гонение на христиан при Нероне?

(В начале статьи А. Немоевский говорит, что одним из критиков его „БОГА ИИСУСА“ был брошен упрек, что автор недостаточно оценил исторические источники, упоминающие о христе и христианах, особенно же Тацита. На это А. Н. отвечает):

Упрек был сделан мне неосновательно, на Тацита мне указали, как на непререкаемый в данном случае авторитет. Постараюсь доказать, что дело обстоит совершенно иначе. Речь идет об отделе из „Летописей“, XV, 44. В своей книге я привел только следующий отрывок:

„Но ни человеческою помощью, ни щедротам государя, ни умилоствлениями богов не устранился позорный слух, что пожар (Рима) был делом приказания. Поэтому, чтоб уничтожить этот слух, Нерон подставил виновных и применил самые изысканные наказания к ненавистным за их мерзости людям, которых чернь называла христианами. Виновник этого имени христос, был в правление Тиверия казнен прокуратором (наместником) Понтием Пилатом, и подавленное на время пагубное суеверие вырвалось снова наружу и распространилось не только по Иудее, где это зло получило начало, но и по Риму, куда стекаются со всех сторон и где широко прилагаются к делу все гнусности и бесстыдства. Таким образом, были сначала схвачены те, которые себя признавали, затем, по их указанию, огромное множество других, и они были уличены не столько в преступлении, касающемся пожара, сколько в ненависти к человеческому роду“.

Но это место дальше читается так:

„К казни их были присоединены издевательства: их покрывали шкурами диких зверей, чтобы они погибали от растерзания собаками, или пригвождали их ко кресту, или жгли, на огне, а также, когда оканчивался день, их сжигали для ночного освещения. Нерон предложил для этого зрелища свой парк и давал игры в цирке, где он смешивался с простым народом в одеянии возницы или правил колесницей. Поэтому, хотя христиане и были люди виновные и заслужившие крайние наказания, к ним рождалось сожаление, так как они истреблялись не для общественной пользы, а ради жестокости одного человека“.

Пополнивши, таким образом, цитату (выдержку) и точно придерживаясь рамок брошенного мне упрека, приступаю к делу.

Как известно, Пилат был прокуратором (наместником) в 26-36 г. г. Тацит свои Летописи писал около 100 г. Между тем, отец церкви Ириной, родившийся около 140—145 г., а умерший около 202 г., утверждает, что смерть Иисуса произошла, действительно, при Пилате, но в правление Клавдия (41-54 г.).

А раз предшественник Клавдии-Калигула умер 24 января 41 года, то смерть Иисуса могла произойти не ранее того же 41 года. Но в таком случае она не могла произойти при Пилате, покинувшем свой пост в 36 году. Поэтому не подлежит ни малейшему сомнению, что отец церкви-Ириней, живший во второй половине II века, этого отдела Тацита не знал. Это относительно Пилата. Однако, остаются еще христиане, о которых так хорошо, будто бы, была осведомлена „чернь“.

Между тем, римский сатирик Ювенал, живший во второй половине I века, хорошо знавший греков, сирийцев, египтян и евреев, совершенно не знает о христианах и ничего нам не говорит об их существовании.

Плиний Старший, живший в 23—79 г.г. и давший нам подробное описание различных стран и обычаев, в частности—секты ферапетов, совершенно не знает имени „христиан“.

Иосиф Флавий, правда, упоминает в „Древностях“, ХVIII, III, 3, имя Христа, но Карл Даубуз (Daubuz), Фоссиус, Руперт, Манассе-бен-Израэль, Гроновиус, Беклер, Таннегюн, Лефевр и другие, после совещания друг с другом, как свидетельствует Аверкан в своем издании, согласились на том, что это место является позднейшей вставкой. Слова—„он был Христом“—странно звучали бы в устах правоверного еврея. Да и как понять, что живший в 340—420 г.г. Иероним, приводя в „Каталоге церковных писателей“ слова Иосифа Флавия, исправляет их таким образом: „он считался Христом“?

И почему Кейм утверждает, что такое место у Иосифа Флавия не было известно Оригену (185—254) и древнейшим отцам церкви, даже позднему—Хризостому и еще более позднему—Фотию? Кассий Дион, живший, приблизительно, в 155—235 г., ни одним словом не обмалвливается об имени христиан. Правда, о них упоминает Плиний Младший, автор девяти книг писем и десятой книги, подлинность которой была сильно поколеблена Авэ; как раз в этой десятой книге находится письмо о христианах к императору Траяну и ответ последнего. Эти письма были напечатаны в 1502 г. в Венеции и уже тогда возбудили к себе сильное подозрение.

Светоний, писавший около 100 г., правда, сообщает: „Применены были суровые меры против христиан, род людей, исповедывающих новое мрачное суеверие и известных своею склонностью к мятежам“ (Жизнеописание Нерона, XVI), хотя двумя строками выше он пишет, что „ограничена была роскошь, публичные пиршества“ и т. д. Однако, Павел Орозий, живший в начале V в., в „Историях против язычников“, хотя читал Светония, ничего не знает о преследовании христиан. Это дало основание для предположения, что и у Светония мы имеем дело со вставкой.

И вот, весьма замечателен тот факт, что если оставить в стороне имя Христа и христиан, в течении первых четырех веков ни один из отцов церкви ничего не знает о мученичестве христиан при Нероне и, конечно, не знает той картины гонений, которую, будто бы, нарисовал Тацит.

Юстин не упоминает о гонении на христиан при Нероне.

Молчит Ориген. Когда выплыли на свет „Деяния Петра и Павла“, рисующие мученичество апостолов, Тертуллиан писал в „Апологетикуме“:

„Обследуйте ваши архивы, и там вы найдете, что Нерон первый обнажил цезарский меч против этого религиозного союза, особенно расцветшего в Риме. Но мы гордимся, что именно он начал

нас преследовать, ибо кто знает этого человека, тот сразу поймет, — как велико должно было быть добро которое погубил Нерон“ (5). Там же (21) он пишет:

„Но ученики, рассеянные по всей земле, исполняли предписания божественного учителя и, много пострадавши от преследовавших их евреев, радостно исповедуя истину, пролили, наконец, свою кровь христианскую в Риме вследствие безумств Нерона“.

Евсевий в своей „Истории церкви“ (11, 23) идет за этим сообщением и пишет:

„Ко всему этому не хватало еще только того, чтобы он первым из цезарей выступил явным врагом божественной религии. Об этом сообщает и римлянин Тертуллиан в следующих словах:

„Обследуйте ваши исторические книги! Там вы найдете, что жестокий ко всем Нерон первым начал преследовать ту секту, которая как раз процветала в Риме. А что такой человек начал нас преследовать, мы гордимся этим, ибо всякий, кто его знает, знает, что Нерон ничего так сильно не преследовал, что не было бы особенно хорошо“. „Потому-то Нерон так безумствовал против апостолов и оказался первым среди врагов божиих. Ибо мы слышали, что при нем в самом Риме был обезглавлен апостол Павел и при нем же был распят Петр. Это сообщение подтверждается надписью с именами Петра и Павла, которая сохранилась до сего дня“, и т. д.

Вот и все! Прочтем еще, что пишет Лактанций:

„Когда об этом донесли Нерону и когда он увидел, что не только в Риме, но и везде ежегодно великое множество людей отпадает от богов и с презрением к древней религии стремится к новой, то ожесточился этот мерзкий и гнусный тиран. Он пожелал уничтожить эту небесную лозу (церковь), погубить справедливость, и в качестве первого гонителя божиих слуг приказал Петра распять, а Павла обезглавить“ („О роде смерти преследователей христиан“, 2).

Буквально то же самое пишет Павел Орозий в „Историях против язычников“, 8, 4,—что Нерон „увеличил число своих преступлений“ преследованием „бога“, „приказал казнить святого Петра и Павла,—одного чрез распятие, другого—чрез усекование мечом“. При этом он прибавляет, что Нерон повелел преследовать христиан во всех провинциях империи.

Вот и все, что самые выдающиеся отцы церкви и ее историки до начала V века знают о гонении на христиан при Нероне. Следовательно, пред нами только собственно мученичество Петра и Павла. О красочном описании их, как представляет дело Тацит, отцы церкви совершенно не упоминают. Перо так легко ходило в их руках, когда дело шло об изображении мученичества! Разве они умолчали бы, если бы знали это место Тацита?

Не буду останавливаться над историей рассказа о мученической смерти Петра и Павла, а прямо перейду к исследованиям Ошара о том источнике, из которого возникла версия Тацита.

И вот, живший в V веке Сульпиций Север в своей Хронике (28—29) первый описывает мученичество христиан так, как мы читаем об этом у Тацита, при чем в некоторых местах мы имеем целые одинаковые обороты. Описавши, как Павел прибыл в Рим, как христианство развилось в этой столице государства, как произошел пожар в Риме и как всеобщий голос обвинял в этом Нерона, который со своей стороны хотел вину свалить на христиан, Сульпиций Север продолжает так:

„Невинных предавали самым страшным мучениям. Больше того,

изобретали новые рода смерти. Одних жертвы в шкуры зверей и отдавали на растерзание псам. Многих распинали или сжигали. Многих превращали в факелы для освещения, когда кончался день.

Затем издали законы для уничтожения религии и запрещено было публично объявлять себя христианами. Тогда же были осуждены на смерть Петр и Павел. Первому отрубили голову, второго распяли^{*)}.

Ошар сопоставляет тексты Тацита и Сульпиция Севера. Вот пример. У Тацита читаем:

„ut ferarum tergis contecti laniatu canum interirent; aut crucibus affixi, aut flammandi“.

У Сульпиция:

„ut ferarum tergis contecti laniatu canum interirent; multi crucibus affixi, aut flamma usti“, и т. д.

Следовательно, или Сульпидий списал у Тацита, или текст из Сульпиция попал в Тацита.

Но, рассмотревши весь материал, нельзя сомневаться, что источником является Сульпиций Север и что текст Тацита был позднее дополнен на основании его. Ватиканские холмы тогда были уже опустошены, „парк Нерона“ давно уже возбуждал сомнение у историков. Тацит, как историк, является великим авторитетом, но рукописи его сочинений имеют свою чрезвычайно интересную историю. Первое издание, отпечатанное в Венеции, без даты, в 1469 или 1470 году, появилось под заглавием: „Annalium et Historiarum libri superstites“, т. е. „Уцелевшие книги Летописей и Историй“.

Оно заключало в себе шесть последних книг Летописей и пять первых книг Историй. Папа Лев X назначил большую награду тому, кто найдет остальные части сочинений Тацита. Это оказало действие: один немец нашел пять первых книг Летописей. Но древнейший список первых пяти книг принадлежит VIII веку, а интересующие нас—XI-му. В течение трех или даже пяти веков вставку можно было сгладить так, что теперь швы ее не так-то легко разглядеть.

Так выглядит „свидетельство“ Тацита при свете документального исследования. Лучшее сочинение на эту тему написал П. Ошар (P. Hochart— „Études au sujet de la persécution des chrétiens sous Néron“, Paris, 1885; Ernest Leroux, стр. IX—320, с ценными снимками с текстов и памятников). К мнению Ошара присоединились Дреус, Люблинский и другие.

Думается, что брошенный по моему адресу упрек я отвел, а вместе с тем вполне резонно, правильно поставил вопрос: исторический ли факт гонение на христиан при Нероне?*)

*) Статья из польского журнала „Mysl Niepodległa“, № 162, 1911 г.

666

(Попытка решения апокалиптической загадки)

Одной из наиболее загадочных книг нового завета является, бесспорно, «Откровение Иоанна Богослова» или Апокалипсис. Еще в самые первые века христианства последний возбуждал к себе особое внимание. Уже тогда он считался таинственной книгой, вокруг него велась горячие споры: об авторе, о времени написания, о смысле содержания. Все казалось тайной, и книга очень поодино, последней, после долгой борьбы была, наконец, принята в новозаветный канон (сборник).

Такую же безотрадную картину мы наблюдаем на всем протяжении средневековья и нового времени, вплоть до наших дней: Апокалипсис все еще остается книгой за семью печатями. Правда, теперь уже раскрыты некоторые темные моменты ее, напр., установлено, что она по характеру принадлежит к весьма развитой в древности, апокалиптической литературе, что автор ее почерпнул массу идей и образов как из этой литературы, так из пророческих ветхозаветных книг и «языческих» мифологий. Особенно ценным, своего рода «откровением» в «Откровении», было открытие, сделанное еще в конце XVIII в. Дюшюи, позднее—у нас—(частично) швейцарцем П. Морозовым, на западе—Норком, А. Неремисом, А. Немоевским, недавно—Францом Боллом и др., что книга носит также астрологический характер (в духе своего времени) и полна астральных—звездных мотивов и картин.

Однако, все это—решение только части «апокалиптических» загадок. До сих пор все еще стоят открытыми главные, основные вопросы: когда, как и под влиянием каких социальных моментов был написан Апокалипсис, каков основной смысл его, даже—чей он: христианский или нет?

Мы не будем приводить здесь всех многочисленных и разнообразных ответов на эти вопросы: это заняло бы много места, да при том они спорны, несомненно признаны; часть их мы отметим в ходе нашего исследования.

Переходим к последнему, вернее, к своей попытке ответить на некоторые из тех вопросов.

Апокалипсис Иоанна представляет собою книгу, где автор передает, якобы, бывшее ему откровение о грядущих событиях, в особенности,—о скором пришествии мессии, Христа, спасителя, перечисляет здесь признаки этого и даже пытается определить самый срок пришествия. Это обстоятельство заставляет нас предположить, что, очевидно, в эпоху автора имели место какие-то события или явления, кои должны были показаться ему божественными предугаиванием, признаками скорого прихода мессии и заставить его мысль работать в этом направлении, а выводами поделиться с единоверцами.

Больше того, автор должен был, волей или неволей: так или иначе.

«идеи», определяющие его содержание, ему современные события и выдающую дату написания своей книги.

Он все это и делает, но при этом зашифровывает (скрывает) и такие страницы, таинственные картины, видения, выражения и цифровые данные, что они вот уже почти две тысячи лет еще ждут своей разгадки.

После этого само-собой, разумеется, что вся книга в целом будет понята только тогда, когда будет установлена дата ее написания. Поэтому, самый главный вопрос: когда был написан Апокалипсис?

Основной ключ дается в XIII главе.

Здесь автор изображает некоего чудовищного «зверя», коему «дракон» дал «силу свою, и престол свой, и великую власть», и коему должны были поклоняться все на земле; неповинующихся убивали. Для отличия от последних, поклонникам палагали на руку или лоб «начертание или имя зверя, или число имени его».

«Кто имеет ум, тот сочти число зверя; ибо это число человеческое. Число его—666».

Таков ключ, особенно—в последних словах и числе «666». Последнее в самом тексте передано, по древнему обычаю, тремя буквами греческого алфавита; им-то нам и следует заняться.

Согласно общепринятому теперь мнению, находящего себе подтверждение в других местах Апокалипсиса и у Даниила (VII гл.), под вышеуказанным «драконом» надлежит понимать Римскую империю, а под «зверем»—какого-то, современного автору, римского императора. Узнать имя последнего значит: найти дату написания книги. Однако, это имя автор скрыл под буквенно-числовым обозначением—«666».

Ни один исследователь, писавший об Апокалипсисе, не обошел и не мог обойти этого таинственного числа, при чем одни прямо сознавались в бессилии расшифровать (разгадать) его, другие—предлагали свои решения, третьи—им следовали.

В древности у большинства народов, напр., у евреев и греков, буквы алфавита служили одновременно и цифрами (как в древнем церковнослав. яз.). Так, у греков буква «а» означала 1, буква «б»—2, буква «к»—20, буква «с»—200, и т. д. И вот, вся задача, связанная с числом «зверя», заключается в том, чтобы найти также имя римского императора, которое при переводе букв его имени на соответствующие им числа и после сложения последних давало бы в сумме—«666».

Недостаток места не позволяет нам привести здесь всех, сравнительно—немногочисленных, предложенных разгадок. Большинство исследователей разделяет одно из двух решений.

Одни, основываясь на еврейском алфавите, видят в «666» указание на «цезаря Нерона», написанное еврейскими буквами-числами. При этом они под Нероном подразумевают или самого цезаря (54—68), или же—Лиснерона, самозванца, казненного при Домициане, а повод к написанию книги усматривают в гонении на христиан, якобы, бывшем при этих императорах.

Однако, это и прочие, ему подобные, решения не выдерживают критики уже по одному тому, что Апокалипсис написан на греческом языке и, значит, для знающих этот, а не еврейский язык. Сменно было бы автору зашифровывать свою тайну с помощью еврейского языка, зная, что большинство его читателей его не поймет.

Другие исследователи пошли по правильному пути, т. е. обратились к греческому алфавиту. Однако, и они ни одного, хоть сколько-нибудь приемлемого, решения до сих пор не предложили. Одна часть их (в том числе и Н. Морозов) ухватилась за предложенное еще «отцом

церкви» Оригеном решение, что «666» значит «βιβλος—латинский», т.е. давно К. Клемей предложил другое подобию решение: «he iude basileia—италийское царство» или: «he iudae basileia—латинское царство».

Другая часть их уцепилась за одно указание предания, что в тексте Апокалипсиса стояло не «666», а «616», и подхватила сделанное впутку Цаном предложение видеть в «666» указание на «Гая цесаря (цезаря)», т.е. на императора Гая Каллигулу (убит в 41 г.), сумма букв имени и значения коего, действительно, дает 616.

Все эти решения приходится тоже решительно отвергнуть. Против первых из них говорит ясное указание Апокалипсиса, что число «666» есть число «человеческое», т.е. что в нем кроется имя человека. Разгадка Цана не годится потому, что большинством надежных ранних христианских произведений засвидетельствовано «666», а не «616».

Оставляя в стороне ряд других попыток, основанных на иных, более сложных вычислениях и принципах, противоречащих указанию Апокалипсиса, мы должны признать, что тайна «зверя» и его «имени» до сих пор еще не раскрыта.

Когда в ходе своих работ по истории раннего христианства и его литературы нам пришлось вплотную подойти и заняться Апокалипсисом, мы тоже столкнулись с неизбежным, роковым вопросом: когда была написана книга, кто скрывается под «666»? Чтение соответствующей, при том лучшей литературы и обзор ранее предложенных решений показали нам необходимость пересмотра вопроса, а если возможно, то и предложение нового решения.

Сначала у нас наметилась прекрасная расшифровка «666»: «Kaisar Gallos», т.е. «цезарь Галл», сумма букв-чисел звания и имени коего дает как раз требуемое «звериное» число. В пользу этого решения говорил также ряд намеков в тексте на различные, бывшие до и при Галле, бедствия: эпидемию, нападение врагов и пр. Наконец, на его время приходилось, приблизительно, истечение «тысячелетнего» царства Рима (ср. XX, 3); Рим, по преданию, был основан в 753 г. до нашей эры, а правление Галла падало на 251—253 г.г. ес. Больше того, находил свое роковое объяснение и повод к написанию книги: гонение на христиан при предшествующем Галла—императоре Декие. Но оказалось одно существенное «но»:—раннехристианские писатели, напр., Юстин, Климент Алекс., Ириней, Ориген и др., кои жили ранее 250 года и кои в своих трудах упоминают об Апокалипсисе. Сказать, подобно Н. Морозову, что все эти труды—позднейшая подделка, не хватает смелости. Пришлось искать другого решения, требующего меньшей историко-литературной ломки.

Такое решение намстилось у нас следующее: «K. K. Nerova—K. J. Nerva»=666. Так сокращенно могло писаться, а возможно и писалось на монетах и надписях «милертаине»—звание и имя «цесаря-цезаря Кокцея Нервы», избранного на место убитого императора Домициана и правившего в 96—98 г.г. Это решение не спорится ни с одним древним церковным писателем, близко подходит к ранне-христианскому преданию и наиболее распространенному пониманию теологов и историков, что книга была написана в конце правления Домициана. Посему, думается, данная попытка решения заслуживает некоторого внимания и на ней следует остановиться.

Если мы в данном случае правы, т.е. если под «зверем» надлежит понимать цезаря Кокцея Нерву, то когда и почему был написан Апокалипсис? При Нерве?

И да, и нет: здесь шифрование и тем предположении возможности.

Одно из них, наиболее простое, то что книга была написана под влиянием, якобы, бывшего заместителем доминиана на христиан при Домциане, но после его смерти, при его преемнике Перве, при чем неадекватность христиан к римской империи и императорской власти была перенесена и на Перву, одного из сравнительно «приличных» цезарей. Однако, против этого предположения можно выставить одно существенное возражение: никакого гоцеппа, как такового, на христиан при Домциане не было, оно—плод фантазии раннехристианских писателей, по политическим мотивам перенесших идеологию образу своего времени на предшествующую эпоху. Не было при нем и особого преследования евреев.

Идем теперь другой дорогой, но прежде сделаем существенную оговорку.

Если мы правильно понимаем под «666» указание на цезаря Перву, то это еще не обязывает нас связывать с ним и только с ним дату написания книги. Автор мог в числе «666» зашифровать имя не царствовавшего при нем цезаря, а предыдущего. Это могло иметь место по двум основаниям:

«Было бы странно,—правильно замечает истори: Моммзен,—называть, в предназначенном для публики сочинении, царствующего императора вместе с предсказанием, что его управление скоро наступит конец». Иными словами, если бы автор зашифровал имя бывшего при нем цезаря, то «число» слишком легко могло бы быть расшифровано современниками, особенно противниками автора, после чего последнего могли бы разбить и предать суду по обвинению в оскорблении императора, вообще—римской власти и империи (*crimen laesae majestatis*).

Другое основание сводится к тому, что сама книга могла писаться несколько лет и царствований, при чем автор из года в год подмечал и отмечал признаки пришествия мессии и конца света.

Поэтому, мы можем и даже имеем право, видя в «666» Перву, все же дату написания отнести и к правлению его преемника—Траяна (98—117). Тем более, что последний, будучи усыновлен тем, должен был, по римскому обычаю, присоединить его имя к своим именам.

Посмотрим теперь, не пойдет ли мы опоры себе в самом содержании Апокалипсиса, и если да, то нельзя ли точнее установить его дату.

Думается, что можно.

Ряд намеков мы, повидному, имеем в XVI главе. Здесь рисуется картина или картины того, как семь ангелов выливают на землю семь чаш бедствий, кои изображаются уже наступившими, разразившимися.

И вот в стихах 2—12 рисуется какая-то эпидемия. Эпидемия, действительно, началась в конце правления Траяна и особенно свирепствовала при его преемниках.

В стихах 17—20 описывается страшное землетрясение:

«Седьмой ангел вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, такого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Такое великое! И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред господом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева его. И всякий остров убежал, и гор не стало» (см. также XI, 13).

Приведенное описание удивительно совпадает с приведенным у

историка Ксенофана описанием страшного землетрясения при Траяне. Вот что сообщает он о нем:

Это ужасное бедствие постигло (город) Антиохию в 115 году, во время похода Траяна против парфян, когда он на пути своем остановился в том городе. Землетрясению предшествовала буря с молнией и громом. Сначала послышался подземный грохот с колебанием земли, потом земля поднялась, и стали обрушиваться здания с страшным треском, распадаясь в обломки; густая пыль затмила воздух до того, что стали невидимы близкие предметы. Многих людей поднимало на воздух и выбрасывало из покоев; бесчисленное множество было изуродованных, убитых и погребенных под развалинами, и как землетрясение продолжалось несколько дней и ночей, то и те, которые уцелели под сводами или в пущих углубленных развалины, умирали от голода.

Траян выскочил в окошко и спасся с помощью одного высокорослого гражданина. Он был в таком испуге, что во все время землетрясения пробыл в пирке.

Гора Горазий так была поколеблена, что вершина ее понизилась и казалась готовою обрушиться на город. То же происходило с другими горами; во многих местах выступили воды, где их и никогда не было, и наоборот—многие водные места высохли.

Кроме Антиохии, особенно пострадавшей от землетрясения, сильно пострадали от него и другие азиатские города, так как оно прокатилось по Азии широкой волной.

Апокалипсис был написан, несомненно, в Малой Азии. Сам автор пунктом своего местопребывания при написании книги называет малоазийский остров Патмос; к семи малоазийским же общинам он адресует свои послания. Далее, апокалиптическое описание землетрясения, дополняемое еще в XI, 13, обнаруживает, что автор или был современником, или даже писал со слов очевидцев бедствия; во всяком случае, был по месту и времени недалеко от пострадавшей местности.

Поэтому, если мы правы, отнеся дату Апокалипсиса к эпохе Траяна, то автор писал под влиянием именно этого землетрясения, т. е. бывшего в Азии в конце правления названного императора.

Итак, землетрясение застигло Траяна на его пути против парфян,—тех, наиболее страшных, врагов римлян.

Поводом к войне был армянский престол, каковой римляне и парфяне хотели отдать каждый своему кандидату; началась она в конце 114 года. До прибытия самого Траяна в армию последняя потерпела ряд поражений. В самом начале 115 года он сам стал во главе войска и повел победоносную войну. Армения покорилась. Она и захваченная затем, принадлежавшая парфянам, Месопотамия были превращены в римские провинции; та же участь постигла область Адиабену, получившую теперь название провинции Ассирии. Император дошел вплоть до Персидского залива, где в последний впадает река Тигр, но здесь ему донесли, что все, покоренные им, области восстали. Восстали: Вавилония, Месопотамия, Армения, жители больших городов—Селевкии на Тигре, Низибы и Эдессы—перевалили римские гарнизоны и заперли ворота. Пришлось разделить армию на части и послать против восставших, при чем удача была не везде. Так, в Месопотамии войска римлян были окружены и перебиты вместе со своим командующим—Максимом.

Больше того, одновременно с этим, в 116 г., вспыхнуло страшное восстание евреев.

Остановимся пока на этом и спросим, нет ли намеков на парфянскую войну Траяна в Апокалипсисе?

Есть и много.

Так, в уже приведенной нами XVI главе ясно рисуется подготовка к войне или даже ее начало:

«Шестой ангел вылил чашу свою в великую реку Евфрат; и иссохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного (13), т.е. в Восток, из Парфии.

В главе IX, по общему мнению, изображаются опять-таки парфияне и их знаменитая конница:

«Я услышал один голос..., говоривший шестому ангелу, именному трубу: освободи четырех ангелов, связанных при великой реке Евфрате. И освобождены были четыре ангела..., для того, чтобы умертвить третью часть людей. Число конного войска было две тьмы тем (т.е. 200 миллионов); и я слышал число его» (ст. 13—19). Далее идет фантастическое описание самой парфянской конницы.

Можно привлечь сюда также XIX, 15—21, где мессия изображается в виде парфянского царя, носит даже чисто парфянский царский титул— «цари царей» и где затем рисуется страшное поражение «зверя» и его войска.

Характерно, что в Апокалипсисе парфияне изображаются местами отнюдь не во враждебном тоне; чувствуется, что автор не-то им сочувствует, не-то, что вернее, видит в них орудие «промысла божия».

Вернемся теперь к восставшим. Выше мы сказали, что знами восстания подняли не только вновь покоренные, восточные народы, но и евреи. Что побудило последних?

Со времени разрушения Иерусалима и подавления первого большого восстания евреев против римлян (70 г.) не прошло еще пятидесяти лет. Спасшиеся от резни, высланные с родины и выселенные победителями, евреи расселились по всем тогдашним городам Римской империи и тем численно увеличили так наз. «диаспору», т.е. евреев рассеяния, живших на чужбине. Особенно много евреев было теперь в Египте, в Азии и вообще в крупных торговых центрах, где легче было найти средства к существованию. Здесь часть их занялась торговлей, денежными операциями и т. п. и скоро еврейская буржуазия оказалась местами опасной соперницей местной, туземной или римской буржуазии. Между ними должна была начаться и началась борьба, в какую-то, конечно, были втянуты и ширекие, народные массы. Все это, вместе с горечью об утрате политической самостоятельности, спланивало евреев теснее друг с другом, при чем сюда присоединился еще один цементующий момент,—религия. В итоге создавалось обостренное, повышенное национальное и религиозное чувство, а также некоторого рода замкнутость, отчужденность евреев от своих соседей, что тоже возмущало последних.

Римская императорская власть в зависимости от условий момента относилась к евреям то терпеливо, то благожелательно, то враждебно. Однако, во всех трех случаях она все же была властью поработителей, заставлявшей Израиля жить или скитаться на чужбине и дававшей чувствовать себя на каждом шагу. В частности, последнее часто имело место на религиозной почве: евреям приходилось так или иначе иметь дело с предметами и обрядами «языческого» культа. В особенности, был ненавистен им культ императоров, т.е. поклонение умершему, а иногда даже живому царю. Для поклонников Ягве этот культ казался наиболее отвратительным, худшим, чем идолопоклонство, тем более, что он, в сущности, являлся вынужденным преклонением пред силой и властью поработителей.

В силу всего этого и ряда других причин у евреев десятилетиями накапливалась ненависть к империи и императорской власти, все сильнее становилось желание сбросить с себя рабские цепи, основать или восстановить свое государство, а это вело к необходимости некоего вооруженного восстания. Но, когда восстать? Если говорить о наиболее благоприятном моменте, то, конечно, лучше всего тогда, когда империя и ее власть окажутся в затруднительном положении, напр. во время тяжелой войны, когда рассеянные по провинциям войска и гарнизоны будут почему либо уведены, когда вспыхнет какое-либо серьезное восстание и т. д.

Все эти, желательные для евреев, условия сложились как раз в последние годы правления Траяна, во время парфянской войны. Цезарь с большей частью римских войск был на далеком и наиболее опасном фронте, при чем конца или результатов войны еще нельзя было предвидеть; туда же частично были уведены, стоявшие обычно по провинциям и городам, полки, даже — гарнизоны; восстали густонаселенные, воинственные, только что покоренные, парфянские провинции. Восстали и евреи. Можно даже предполагать, что это восстание было заранее тайно обусловлено, подготовлено, что повстанцы поддерживали друг друга. Кажется, так понимал это и сам Траян.

Что послужило ближайшим поводом восстания евреев, — неизвестно. Предполагают, что на это их толкнули императорские попытки ассимилировать евреев, слить, растворить последних в массе прочего населения; с одной стороны — запрещение обряда обрезания, с другой — желание цезаря на месте разрушенного Иерусалима основать ивкийский город, а на месте храма Соломона — соорудить храм Юпитору Капитолийскому.

Центрами еврейского восстания были Кирена (в Африке), Египет и остров Кипр, захватило же оно и Азию, особенно: Месопотамию и Палестину. Борьба с обеих сторон была ожесточенная, в плен не брали, противников вырезывали целыми кварталами. Рассказывают, что в Кирене евреи перебили 220.000 человек, на острове Кипре — 240.000. В Александрии, которую им взять не удалось, осажденные перебили всех евреев. В других местах повторилось то же самое, но в меньшем размере. Хотя мы не можем и не должны верить всем этим огромным цифрам; они, конечно, сильно преувеличены, но все же самый факт их фигурирования показывает размер и кровавость восстания.

Повстанцы евреи пошли дальше и провозгласили одного из своих вождей царем, при чем его признали многие из диаспоры.

Траян, связанный парфянским фронтом и ближайшим театром восстания, послал против евреев двух своих лучших генералов — Турбона и Квиета, с армией и флотом. Началась новая борьба. Повстанцы не могли сопротивляться регулярным войскам римлян, терпели поражение за поражением, но не сдавались. Император не дождал до окончательного подавления восстания: он умер 11 августа 117 г. на возвратном пути в Рим. Оно продолжалось почти двадцать лет при его приемнике — Адриане, вылилось во вторую большую войну евреев против римлян, под водительством провозгласившего себя мессией, — «сыном звезды Бар-Кохбой», Симона, и закончилась полным разгромом еврейского народа и страшной резней его сынов (132—135 г. г.).

Итак, еврейское восстание при Траяне было только началом, предвещавшим к ужасней войне тридцатых годов II века. При названном цезаре оно еще не было подавлено, хотя Турбон, Квиет и враздвоенные еврейские население городов применяли самые жестокие меры. Так, напр.,

на острове Кипре местные евреи они не выжили (т.е. поголовно, причем был навсегда воспрещен вход туда, даже по причине дорожно-рекрутинские, если они добиралась до берега или вкормились туда морем, умерщвлялись).

Разумеется, враждебное отношение к евреям существовало тогда повсюду, где только они были, т.е. даже вдали от самой арены вооруженной борьбы: их притесняли, преследовали, местили умерщвляли. Так или иначе, но страдали все Diaspora, как и все она, повидимому, поддерживала или сочувствовала повстанцам-единоверцам.

Если мы обратимся теперь к Апокалипсису, то скажемся пред фактом, что весь он носит отпечаток или отражение страшной опасности, гонений, массовых умерщвлений «единоверцев» автора, скажем прямо — евреев.

Уже в самом начале книги, в письме к малоазиатским общинам, имеются на это прямые и косвенные указания, хотя число жертв там незначительно. В письме к филиладельфийской церкви намечается на «годину искупления, которая придет на всю вселенную, чтобы увенчать живущих на земле» (3,10).

В VI главе говорится о «душах убиенных за слово божие и за свидетельство, которое они имели», они спрашивают там, когда же бог произведет суд и отомстит за их кровь. В ответ им предписывается пождать «еще на малое время, пока и орудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (9—11).

В следующей, VII главе — та же картина:

«И вот великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и колен, и народов и языков, стояло перед престолом (бога)... Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои кровию агнца» (т.е. мессии).

В главе XI говорится о том, что язычники попирают «святой город», Иерусалим, а «зверь» убьет двух таинственных свидетелей божиих, изображаемых в виде Илии и Моисея.

В гл. XIII указывается определенно о «зверь», что «дьяво было ему вести войну со святыми и победить их... и поклонятся ему живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у агнца». Дальше сообщается, что от всех требовали поклонения «образу зверя», в противном случае убивали; тем же, кто не имеет на себе «начертания, или имени зверя, или числа имени его», воспрещалось что-либо покупать или продавать.

Конец XIV главы весь занят описанием страшного кровопролития на земле, при чем пред этим восхваляются «мертвые, умирающие в господстве», и содержатся угрозы во адресу тех, кто поклоняется образу зверя. Отмечается и то еще, что «наступил час суда» божия.

Ограничимся этими примерами; их, думается, и без того достаточно, чтобы признать, что автор Апокалипсиса жил и писал в эпоху кровавого гонения или преследования его единоверцев, т.е. евреев и, вероятно, прозелитов, т.е. новообращенных из «язычников». Что здесь речь идет именно о евреях, это выдвигается всем содержанием и образами книги, напр. упоминанием о «священном городе», Иерусалиме, или о 144.000 «зачатленных», — по 12 тысяч от каждого из 12 колен израилевых (VII гл.).

Таким образом, мы нашли, что в Апокалипсисе содержатся ясные намеки на восстание евреев и расправу над ними при Траяне. При Траяне — так как подобное положение дел было только в эпоху первой и второй еврейской войны против римлян; но первая возможность отпадает, как слишком ранняя для даты Апокалипсиса, вторая — как слишком

поздняя. Видеть же здесь отзвуки гонения на христиан, как таковых, а не на евреев вообще,—нельзя по той простой причине, что таких гонений до третьего века совсем не было; книга же написана не позднее самой середины II века, эпохи раннехристианского писателя Юстина, который о ней упоминает. Возможное возражение, что автор разбираемой книги отражает чисто-религиозное гонение на евреев, а не расправу над повстанцами, мы отводим замечанием, что еврейское восстание при Траяне, как и обе еврейско-римские войны, вызванные, конечно, причинами политическими, в силу особых тогдашних условий у евреев принимали религиозный оттенок или характер борьбы, якобы, за веру, за ее чистоту, за верность богу.

Находя в Апокалипсисе намеки на восстание евреев при Траяне и учитывая все прочие, вышеразобранные намеки, мы упираемся в 116 и первую половину 117 года, как предельную дату написания книги. Относить ее позднее августа 1317 г., месяца и года смерти Траяна, нельзя, так как в книге нет указания на его смерть; к тому же отпал-бы смысл зашифровывать имя Нервы.

В таком случае, сами собою встают новые вопросы: как нам понимать или объяснить себе причину написания книги, ее общее содержание, символическую и цель?

Ответ на все это нам рисуется в следующем виде.

Автор-еврей, повидимому, жил в середине I и начале II века, в Малой Азии, когда еще живы были воспоминания о первой войне с римлянами и разрушении Иерусалима, когда еще не угасли мессианские чаяния на возврат национальной свободы и славного восстановления Израиля. Это бедствие могло казаться ему грозным предостережением бога, его испытанием своего народа и подготовлением к обетованному мессианскому царству. Согласно пророческих вещаний и апокалиптических представлений, наступлению этого царства должны были предшествовать ряд страшных бедствий и даже конец света, когда придет сам мессия—спаситель и победит сатану с его полчищами и слугами. Под влиянием политических моментов,—порабощения и гнета со стороны римлян,—образ сатаны и его присных в умах некоторых евреев переплелся и даже слился с образом римской империи и императорской власти: в ней стали видеть «дракона», «зверя» и их царство.

Ряд стихийных бедствий, пронесшихся над отдельными частями империи, а также,—добавим еще,—«зловещее» солнечное затмение—25 авг. 115 г. заставили насторожиться автора Апокалипсиса; ему стало казаться, что все это—уже предвестники надвигающейся роковой и желанной поры,—прихода мессии. Он стал подмечать их и в то же время—согласно тогдашним воззрениям, вычислять этот приход путем астрологических выкладок, разбор коих мы оставили в стороне.

Император Домициан пал жертвой дворцового заговора, недолго прожил его преемник-Нерва, наступила эпоха Траяна. В начале ее—две, долго стоявшие войны с даками, затем—война с парфянами, страшные землетрясения, эпидемия, а наряду с этим, обострившиеся отношения евреев с языческим населением, с императорской властью и новый подъем революционного настроения.

Власть стужает атмосферу, вводя запрещение обрезания и желая оквернить священную в глазах евреев почву Иерусалима и храма. Следует взрыв, восстание, начало новой, как продолжение предыдущей мессианской войны. Оживают и снова обостряются все политические, религиозные, короче мессианские чаяния Израиля. На карту ставится многое: судьба, будущность еврейского народа. Начинается кровавая:

полная гибель укажет, борьба героического народа с мировой империей и царством сатаны. Неужели Игве не поможет, неужели он не пошлет своего обещанного спасителя — мессию, неужели не придет последний? А может быть, все происходящее, так отвечающее пророческим преданиям, и есть уже начало конца, роковая схватка с царством сатаны?

Так, вероятно, казалось многим евреям, так оно казалось и автору Апокалипсиса. В этой великой борьбе он принял участие пером. Желая, возможно, еще больше возбудить или поддержать восставших, ободрить их в успехе, он и пишет свою книгу, где показывает, что мессия и его царство-близки, близок и конец царству зверя, Римской империи. Выдерживая стиль и дух предыдущей, уже выработавшейся, иудейской апокалиптической литературы, где авторы своей материал изображают под видом бывшего им от бога откровения, таинственных видений и т. п., он события своей эпохи и астрологические выкладки тоже окутывает покровом апокалиптической тайны. В то же время, желая дать читателям ключ к своей книге и ее дате, но боясь репрессий со стороны власти за свою агитацию и ненависть к римской империи, к ее имперской власти, к самому правящему императору-Траяну, он нарочно зашифровал имя предыдущего, правившего недолго, цезаря-Нервы. Имя Траяна слишком легко было бы расшифровать его современникам, к тому же последний должен был тоже носить, в качестве одного из имен, — имя Нервы, своего усыновителя.

Таков наш ответ на вышеназванные вопросы.

Ставим еще один существенный вопрос: кто был автор Апокалипсиса?

Относительно имени и личности его — дело безнадежное. Древнее предание путает все карты, отмечая одновременное существование трех выдающихся Иоаннов и присоединяя сюда еще гностика Керинфа, в качестве возможных авторов разбираемой книги. Несомненно только одно, что отмечается и большинством современных исследователей, даже теологов, что автор Апокалипсиса ни в коем случае не мог быть автором четвертого евангелия и посланий, носивших имя Иоанна: слишком различны дух, стиль и воззрения этих произведений. Если спросить, кто он был по религиозным убеждениям, — правоверный ли еврей, правоверный ли христианин, или же ни то, ни другое, то ответить на это легко.

Он был иудео-христианским писателем, сектантом.

Дело в том, что, — как показали исследования Робертсона, Смита, Дрекса и др., — в среде еврейского народа в последние века до и первые после начала нашей эры, под влиянием социальных причин, а также греческой философии и соседних «языческих» религий, возникло особое сектанское движение и учение, разбившееся на несколько течений, сект. В некоторых из них сложился культ, поклонение страдающему, умирающему и воскресающему, растительно-солнечному божеству, спасителю, мессии, христу, Иисусу. Этот культ Иисуса перенесся с религией Ягве и сначала мирно уживался с правоверным юдаизмом, затем, после разрыва, стал жить и развиваться самостоятельно, постепенно выдвигаясь в то, что обычно называется ранним христианством. В числе многих, происшедших здесь перемен, было то, что прежнее божество-Иисус, т. е. личность, никогда не существовавшая в действительности, мифическая, мало по малу, в силу ряда причин, был превращен в богочеловека и даже человека, якобы, жившего на земле. Позднее была соотряпана и его земная «история», фигурирующая ныне в евангелиях.

И вот, читая Апокалипсис, мы ясно видим, что автор его принадлежал еще к тем иудейским сектам, кои почитали, кроме Ягве, в бога-Иису-

са, отнюдь не надевая последнего чисто-человеческими, земными чертами. Действительно, Иисус этой книги—чисто небесное существо, таинственное, носящее ясно-выраженные астральные-звездные черты, но не человек. Нет там ни малейшего намека на какой-либо из сообщаемых в евангелиях эпизод из его, якобы, земной жизни. Да и большинство апокалиптических снов и видений рисуются на фоне звездного неба, слабо или почти не связаны с землей и не носят в себе ничего земного.

Это обстоятельство заставляет нас видеть в авторе Апокалипсиса представителя как-раз того сектантского иудейского направления, какое было первоисточником или зародышем христианства. Оно же говорит за то, что эта книга была написана раньше, древнее евангелий, дату написания коих следует отбросить к половине II века. Больше того, учитывая большую примитивность книги в сравнении с тонко и сложно-догматическим содержанием так наз. павловых посланий, влиянием коих в ней заметно, мы могли бы, пожалуй, и их считать написанными позднее ее. Короче,—по нашему мнению,—надлежит Апокалипсис перенести в новый завет с последнего места на первое.

Резюмируя все вышесказанное, мы в виде предположения говорим, что Апокалипсис был написан в 116 или в первой половине 117 года, в последние годы правления Траяна, под влиянием вселихнувшего тогда, еврейского восстания против римлян; «звериное» число «666» означает сокращенное звание и имя цезаря Кокция Первы, а через него—и Траяна; автор был еврей-сектант, иудео-христианин; наконец, самая книга является древнейшей в новозаветной литературе и служит красноречивым доказательством неисторичности, мифичности, считаемого основоположником христианской религии, Иисуса.

Подводя и резюмируя свои итоги, мы отнюдь не скрываем, что ряд отдельных мест Апокалипсиса, как будто, не вяжется с нашим толкованием его. Мы их здесь касаться и разбирать не могли за недостатком места, как мы не отметили здесь и тех искажений текста, переработок и вставок в него, кои, несомненно, были и часть коих можно, пожалуй, отнести даже к эпохе другого «666» — цезаря Галла и его ближайших преемников. Этим, разумеется, мы отнюдь не уклоняемся, если потребуется, от защиты своих взглядов, хотя и считаем их только попыткой решить «апокалиптическую» загадку *).

*) Нами были использованы для статьи следующие работы:

- 1) W. Bousset—„Die Offenbarung Johannis“; 1906 г.
- 2) Ego же—„Kyrios Christos“; 2 изд., 1921 г.
- 3) Joh. Weiss—„Die Offenbarung Johannis“; 904 г.
- 4) F. Boll—„Aus der Offenbarung Johannis“; 1914 г.
- 5) H. Gunkel—„Chöpfung und Chaos“; 2 изд., 1921 г.
- 6) Ego же—„Zum religionsgesch. Verständnis des Neuen Testaments“; 2 изд., 1910 г.
- 7) C. Stemen—„Religionsgesch. Erklärung des N. T.“; 2 изд., 1924 г.
- 8) E. Meyer—„Ursprung und Anfänge des Christentums“; I—III; 1921—1923 г.г.
- 9) A. Drews—„Der Sternhimmel“, etc; 1923 г.
- 10) Ego же—„Die Entstehung des Christentums aus dem Gnostizismus“; 1924 г.
- 11) O. Pfeleiderer—„Das Urchristentum“; I—II. 1902 г.
- 12) J. Robertson—„Pagan Christs“, 2 изд., 1911 г.
- 13) Ego же—„The Jesus Problem“; 1917 г.
- 14) A. Jeremias—„Babylonisches im Neuen Testament“; 1905 г.
- 15) Н. Морозов—„Откровение в грозе и буре“; 3 изд., 1910 г. „Христос“, т. I. 1924 г.
- 16) В. Рожицын—„Золотая легенда“; 1925 г.
- 17) Р. Виллер—„Взникновение христианства“; 1918 г.
- 18) А. Тюленев—„Евреи в древности и в средние века“; 1922 г.
- 19) Труды Каутского, Моммзена, Гиббона и др.

Мощи христа

Христианская масса, как и всякая другая, всегда обнаруживала настоятельную потребность в непосредственных напоминаниях о тех, кого она обожала или почитала. И в этом случае не подлежит сомнению, что чувство это особенно благоприятствовало развитию различных культов, порожденных останками тела Христа. Это чувство—чувство простых людей и обнаруживается у благочестивых людей разных религий.

Но, считая и осматривая все эти сведения, я заметил, что упускали из виду обстоятельство другого рода. Кроме пассивной и увлекающей толпы, мне представлялись монашеские общины, очень часто бенедиктинские, которые, если не оспаривали, то поддерживали этот культ. Современные епископы, продолжаящие допускать и благословлять поклонение святой слезе адуанской или святой крайней плоти в Кулембе, кажутся мне неискренними.

I. Один из зубов Христа.

Монахи святого Медарда Суассонского гордились тем, что у них есть зуб господень, который, как говорят они, выпал у Иисуса, когда ему было девять лет. Председатель Гиберт, аббат в Пожане, близ Куси, принадлежавший к тому же бенедиктинскому ордену, что и упоминаемые монахи, написал книгу, в которой горячо восстает против их притязаний.

Он уверяет, что этого не могло быть, и что они не могут настаивать на этом, не разрушая основ предания и веры католической церкви: **«Колонну и опору всемирной надежды разрушают как бы метанием фаларик (аджекопный фавел)... потрясают основы всеобщей веры».**

Он называет их утверждение **смешным**, в виду тех фантастических предположений, которых оно требует, и без всякой пощады величает их лжецами, палачами, дикими безумцами, пахотными, бесчестными, святовражниками, кознямишниками, еретиками и мошенниками.

II. Святые слезы.

Госпожа святая слеза. «Госпожа святая слеза» вызвала живую и интересную полемику между аббатом Тьером, пюре Вибре, и отцом Мабильоном.

«Мой приход, писал аббат Тьер, отстоит только на 8 лье от Вандома. Я видел его почти пустынным в некоторые дни года, и особенно в пятницу перед страстным воскресеньем, называемую в просторечьи **Лазаревой пятницей**, в воскресенье на троицу и в следующие воскресные дни до рождения Иоанна Крестителя, потому что большая часть моих прихожан уходила в эти дни в Вандом, к **госпоже святой слезе**: так называют ее простые люди в Провансе. Это побудило меня исследовать эту

реликвию, пользующуюся такой известностью. И добыл из Вандома историю, составленную тамешними монахами. Я прочел ее со всем прилежанием, на какое был способен; я разобрал тщательно и спокойно обдумал все факты, на которых она основывается, и нашел, что среди них нет ни одного достоверного. Я говорил об этом со своими прихожанами и довел до их сведения, что так называемая **вандомская святая слеза**—ложная реликвия, и что после моего предостережения они не могут больше отправляться в паломничества, не выходя в суеверие, каковой грех запрещается первой заповедью закона».

Не довольствуясь тем, что наставил таким образом своих прихожан, этот мэр Вибрэ опубликовал результаты своих исследований в маленькой работе, озаглавленной: **«Рассуждение относительно святой слезы вандомской»**. С тех пор началась открытая война между ним и монахами-владельцами реликвии.

«Когда в Вандоме распространился слух, что я написал рассуждение об их святой слезе»,—писал аббат Тьер,—«они прислали мне латинское письмо в прозе и стихах, подписанное неизвестным монахом, полное грубостей и ужасных ругательств. Будучи далек от того, чтобы жаловаться на это, я только передал им через некоторых их друзей, что меня никогда не оскорбят их проклятья, ни настоящие, ни будущие, и что я прошу у них одной милости—избавить меня от почтовых расходов. Поэтому что их письмо было прислано по почте и не оплачено как следует.

Не было власти на земле, которой бы они мне не угрожали; но я всегда смотрел на их угрозы, как на бессмысленные молнии, обладая секретом обезоруживать их, по выражению Боэция, в наиболее сильные моменты их гнева, потому что я ничего не рассчитывал получить от них и несколько их не боялся:

Не надеясь и не пугаясь, обезоружишь их бессильный гнев.

Они угощали и оплачивали одного яkobинского миссионера, посредственного литератора, с тем, чтобы он разразился против меня и моего «Рассуждения» и предал меня проклятию во время проповеди у них пред многочисленным собранием в «Лазаревую пятницу», 26 марта этого года. И этот монах, вполне расплачиваясь за все, к великому удовлетворению вандомских монахов, не считаясь ни со святостью места, где он проповедовал, ни с уважением, каким должна бы пользоваться кафедра истины, которую он профанировал самым недостойным образом, воспользовался ею для удовлетворения мстительности своих приятелей и восхваления мнимой реликвии; а между тем он первый должен был бы осудить ее, если бы хотел выполнить свой долг.

Их поверенный, человек деловой, частый посетитель замков и дворцовых домов, хорошо знавший, как создать, раздуть и поддержать тяжбу, прилагал все усилия, чтобы заклеить мое «Рассуждение». Он внезапно поехал в Манс, чтобы умолить его пресвященство—епископа Манса осудить книгу или, по крайней мере, осудить посвящение к ней, стоящее вначале; но ничего, кроме стыда, не добился он своим путешествием и назойливыми просьбами. Возвратившись в Вандом, он имел дерзость написать настоятельное письмо этому знаменитому прелату, прося у него того же самого; но от него он до сих пор ждет ответа».

Слог рассуждения довольно живой, и я не мог бы придумать ничего лучшего, как процитировать место из посвящения книги его пресвященству де ла-Вернь-Монтенар де-Грессан, епископу Манса.

«Многие реликвии, которыми гордятся в нескольких монастырях их ордена, в действительности, не имеют других доказательств своей

подлинности, кроме тех, которые им угодно было приписать им без всякого основания и повода.

Есть у них одна в Вандоме, ваше преосвященство, которой они дорожат необычайно и причисляют к самым подлинным и достоверным из всех, собранных ими. Они называют ее по преимуществу **святой слезой**, выдавая ее за одну из слез Иисуса Христа, пролитых им по случаю смерти своего друга — Иакова; они осмеливаются говорить, что она доставлена им из Константинопольских заботами Жоффруа Маргеля, графа Апжу и Вандома, основателя их аббатства святой тронцы в Вандоме, а ему подарил ее Михаил Пафлагонский, восточный император, в благодарность за то, что тот прогнал сарацин из Сицилии.

Они не упустили ничего, ваше преосвященство, чтобы доставить ей известность и ввести ее в ход не только в Вандомской провинции, но и во всем королевстве. И хотя папа Иннокентий III объявляет, что не должно терпеть лжи под предлогом благочестия: «Не следует терпеть лжи под покровом благочестия», хотя святой Бернар утверждает, что справедливо и достойно похвалы, когда человек не извлекает выгод из лжи: «Вполне справедливо и похвалы достойно, чтобы никто ложью не наживался», — они, тем не менее, допускают, чтобы слезу эту чтили и благоговели перед ней, и значительные доходы, извлекаемые при этом, для них далеко не безразличны.

Они писали об этом, ваше преосвященство, опубликовали историю, в которую включили обманом и хитростью все, что, по их мнению, могло благоприятствовать их планам и интересам. Но они, бесспорно, сделали бы лучше, если бы хранили относительно этого благочестивое молчание. Потому что их история настолько подозрительна, так мало вероятна, так плохо обставлена, настолько полна анахронизмов и ложных или мнимых происшествий, что нужно отказаться от света разума и ничего не смыслить в литературе, чтобы ей поверить и не считать ее смешной.

Мне, однако, очень бы хотелось, ваше преосвященство, чтобы она была лучше составлена и обработана, чтобы не было оснований упрекать меня в том, что я стреляю из пушки по мухам, то-есть, что серьезно опровергаю книжонку, заслуживающую лишь презрения и негодования. Но, что же делать, если монахи конгрегации святого Мавра не сумели сделать ее лучше? Что касается меня, я беру ее такой, как она есть, и опровергаю ее шаг за шагом с единственной целью — доказать, что так называемая **вандомская святая слеза** — одна из самых недостоверных, ложных и беспесловных реликвий, какие когда-либо были».

Найдется ли в настоящее время епископ, который осмелился бы одобрить подобное посвящение?

Наконец, в самой книге доблестный кюре Вибрэ не устранился написать, что эта история «покоится только на народном предании, что в основе ее лежит исключительно частная выгода старых монахов Вандома, смастеривших историю лишь для того, чтобы приманить народ к своей церкви и обеспечить себе 4—5 тысяч ливров ежегодного дохода. Потому что уверяют, что пожертвования, дары по обету, подарки, свечи, евангелия, мессы, от которых они наживаются, приносили им порядочно до сих пор, и что еще и теперь, в наше жалкое время, это приносит им до 1.000 экю ежегодной ренты. Прелестное учреждение! Изумительная човкость для людей, довольно часто воображающих, что благочестие должно служить им средством обогащения, как говорит святой апостол (Павел, посл. к Тим., 6, 3) и мог бы сказать всякий, находящийся в здравом уме:

«Разве ты не знаком с монашескими сердцами,
«Священная жажда—золото»?»

Предвидя, что его могут упрекать за такое обвинение против монашеских особ, против одобренной небом реликвии,—разве производила бы господжа святая слеза чудеса, не будь она божественной и подлинной?—он мужественно настаивает:

«Разве невозможно теперь, чтобы вандомские монахи сделали из своей святой слезы то же, что их собратья сделали из других реликвий? Почему бы им, подкупленным множеством подарков и приношений, стекающихся к ним, по выражению аббата Гибера, не позволить охотно признавать несомненными чудеса, никогда не совершавшиеся? Разве они менее заинтересованы и менее способны обманываться, чем монахи святого Петра—живого, которые заставляли своих проповедников обьявлять даже в самых отдаленных епископствах, что в их приходе имеется глава и несколько частиц тела святого Лэ, архиепископа Санса? Разве они более религиозны, чем монахи святого Медарда Суассонского, хвастающиеся, вопреки всякой истине и справедливости, что у них имеется один из зубов господя? Ничто не заставит нас поверить этому. Четыре-пять тысяч ливров дохода составляют хорошую добычу; они способны заставить монахов проделать много вещей, противных их долгу. В это посвящают одного-двух в монастыре; только они и знают секрет и разыгрывают пужливую роль, чтобы проводить престаков; другие монахи вполне на них полагаются; они предоставляют им действовать и вовсе не имеют оснований жалеть о том. Приношения, стекающиеся в результате этого, служат к выгоде общины: все ее члены понимают это и прекрасно себя чувствуют от того; ризница от этого более богата; церковь содержится лучше и лучше украшена, и здесь мало заботятся о том, что говорит святой Бернард: справедливо и похвалы достойно чтобы никто не извлекал выгоды и не обогащался бы ложью».

Эта обвинительная речь, посвященная епископу Малса и принятая им, была тем неприятнее для вандомских монахов, что автор ее пользовался необыкновенной репутацией. Приличие требовало, чтобы они сами испросили осмотра реликвии, решив заранее подчиниться решению областного епископа. Они предпочли упрямить Мабильона написать что-нибудь вроде оправдательного «Рассуждения» в пользу их реликвии.

Бедный великий человек должен был покориться и опубликовал анонимно очень посредственное опровержение, бывшее, собственно говоря, скорее богословским памфлетом, чем историческим трудом. Он остергается опровергать исторические доводы «господина Тьера», как называет его с оскорбительным умыслом; но он старается показать, что применение принципов, выставляемых аббатом Тьером, являющихся принципами исторической критики, угрожало бы падением культу реликвий и католическому культу в целом.

«Несомненно,—говорит он,—что во многих церквях хранятся подлинные частицы настоящего креста господня, но я допускаю, что, может быть, нет ни одной, которая могла бы быть удостоверена писателями всех или почти всех веков и признана подлинной каким-нибудь собором, папой или епископом. Посему, следуя мнению господина Тьера, пришлось бы уничтожить все эти частицы креста, сменяв их с теми, которые не подлинны. Допустимо ли это?»

Затем, оповываясь на словах Иннокентия III, он предполагает, что будет лучше предоставить все эти исследования всеведению бога, чем дерзко пытаться выносить какие-нибудь решения.

«Предание, как представляет его себе господин Тьер,—говорит он,

накопец,—имеет большое значение для доказательства истинности реликвии или права обладания ею, но отсутствие преемства этого рода не может еще служить решающим доказательством противоположного. Нужно относиться с доверием к церквям, пока не найдётся очевидное и ясное доказательство, обязывающее вынести другое решение».

Как видите, здесь дело идет не столько о том, чтобы доказать подлинность реликвии, сколько о том, чтобы оправдать вандомских монахов в том, что они предлагают эту сомнительную реликвию для поклонения верующим.

Аббат Тьер не мог оставить без ответа письмо этого знаменитого человека. Воздунисленный истинною, ответ Тьера полон страсти, блистающих выразительностью и здравым смыслом.

«Ну, а я говорю ему: это не то, почтенный отец, о чем идет речь. Дело касается того, чтобы узнать, имеется ли в Вандоме слеза господня; я положительно утверждаю, что ее там вовсе нет, и я доказал это в своем «Рассуждении». Вместо того, чтобы доказать, что она там имеется, вы производите подтасовку и говорите вещи, не имеющие к этому отношения.

Итак, доказательства, которыми я пользуюсь, чтобы доказать подлинность и лживость **вандомской святой слезы**, в целом имеют силу, и будет справедливо сказать, что отец Мабильон молчаливо соглашается с ними, или, по крайней мере, не отрицает их, согласно юридическому праву:

«Кто молчит, тот не отрицает».

Итак, ангел вовсе не подбирал слезы сына божия, пролитой им по случаю смерти Лазаря; никогда он не заключал ее в сосуд; никогда не передавал его Магдалине; Магдалина вовсе не приносила его во Францию и не передавала его там святому Максимилиану; сосуд совсем не оставался в Э, в Провансе, после смерти этого святого и до времен Константина; Жоффруа Мартель, граф Вандома и основатель вандомского аббатства, вовсе не изгонял сарацин из Сицилии; он вовсе не совершал путешествия в Константинополь и не приносил оттуда никакой слезы господней в Вандом.

А если это так, то я спрашиваю вандомских монахов, откуда же к ним явилась так называемая святая слеза, если ангел не подбирал ее, когда она падала из глаз Иисуса Христа при воскресении Лазаря и т. д.? Если Жоффруа Мартель не привозил ее, не передавал в Вандом, то не унала ли она туда с облаков? Кем она была доставлена? Их обязанность—просветить нас относительно этого. Однако, они дождались, что я им указал, что по их положению и достоинству им следовало бы с чистой совестью уничтожить реликвию и отказаться от «Истории», которую они состригали и сбывают всем, проходящим к дверям их церкви».

Может быть, скажут, что исследовать и уничтожить реликвию должны были не монахи, а глава епархии. Но, как мог это сделать епископ? Разве они не сфабриковали привилегий, которые взяли их из его юрисдикции?

«Вандомские монахи преданы научным занятиям, как и другие монахи их конгрегации; они читают сборные уставы и историю, хвастаются ученостью и критическими способностями. Им следовало бы уделить часть своего времени исследованию их слезы, в которую, как им должно быть известно, большая часть честных и здравомыслящих людей вовсе не верит. Как бы мало внимания они ни уделяли этому, если бы даже они ограничились только чтением моего «Рассуждения», то скоро заметили бы, что в их монастыре не имеется слезы господней. Если бы они захотели проверить это собственным опытом и старательно осмотреть евангели-

ку, в которой, как они хотят уверить слабоумных слупцов, находится слеза, я глубоко убежден, что они не нашли бы и следа ее, потому что это человек, достойных доверия, которые держали эту склянку в своих руках, рассматривали и исследовали ее на свободе белым днем, уверяли меня, что они вовсе не заметили там влаги; и, основываясь на их словах, я не верю, чтобы вандомские монахи могли показать там что-нибудь похожее на слезу.

Однако, вандомские монахи выставляют пустоту этой склянки для публичного поклонения. Где же их вера, спрашиваю я? Что касается таковой у народа, почитающего эту пустоту, ее не отличить от суеверия и идолопоклонства, как у людей, которые почитали бы гостью несвященную, но считаемую ими священной. Отсюда и из слов самого отца Мабильона вытекает, что вандомские монахи достойны порицания и даже кары за то, что выдают сомнительную реликвию за истинную».

Кроме того, почти нет сомнений, что благоговение к этой святой слезе покоится на вымысле, «с чем соглашается и сам отец Мабильон, когда говорит: **Допустим, что почитание святой слезы вандомской основано на плутовстве и что следует согласиться на ее упразднение.** Но помимо того, что вандомские монахи, его собратья, не согласились с тем, что признает он, не странно ли, что только доказанное мошенничество может заставить его согласиться на уничтожение этой вымышленной реликвии?»

Действительно, очень странно. Недостаточно было показать, что история реликвии лжива, полна грубых исторических ошибок, что никто о ней не знал до 12 века, что монахи вообще, а вандомские в частности, учинили порядочно других подлогов: нужно было поймать их, когда они запускали руки в мешок, откуда вытаскиваются все вымышленные реликвии. Это уже слишком. Это доказало только наглую бессовестность монахов, вынудивших у этого выдающего человека труд весьма посредственный и способный его лишь обесчестить.

Через двадцать лет после этой несчастной полемики, пагубной для их дела, вандомские монахи не постеснялись опубликовать новую историю своей реликвии. Только революция положила предел этому культу «пустоты». Однако, «некоторые люди продолжают приходить и выпрашивать евангелия у духовенства прихода святой троицы, чтобы избавиться от всевозможных, предстоящих им, несчастий, и ювелиры, окружающие церковь, еще продолжают производство маленьких слез, стеклянных или серебряных, чтобы удовлетворить спрос паломников».

Другие святые слезы. Отец Мабильон полагал, что усердие господина Тьера было не усердием из любви к ближнему, а усердием озлобленца: «Нужно,—говорит он,—чтобы это усердие было справедливым и правильным, а не пристрастным, как усердие господина Тьера, который обвиняет в преступлении одно аббатство, имеющее реликвию, хотя несколько других церквей говорят, что имеют подобные же. Он сам называет четыре: монастырь святого Максимиана в Провансе, Тьера в Оверни, святого Петра—девственника в Орлеане, святого Леонарда в Шемилье».

К ним можно было бы прибавить известное премонстрантское аббатство Селинкур амьенской епархии, носящее имя аббатства святой слезы. Почему же вмешают в преступление одной церкви то, что является общим и для многих других?».

Без сомнения, другие слезы не так интересовали кюрэ из Вибра, потому что вовсе не привлекали его прихожан. Но для нас они не менее интересны.

Можно разделить слезные реликвии на три категории. Первая, к

которой опочивает и в немечской слезе, заключает в себе слезы христа, якобы пролитые над Лазарем». Одной из таких слез поклонились и в Мадридском соборе.

«В Шемилле обыкновенно полагают,—писал аббат Тьер,—что у святого Леонарда, в Шемилле, в Анжу, имеется одна из слез, пролитых ангелом по случаю смерти Лазаря, и что какой-то владетель Шемиллы холмистой на завоевание святой земли с Готфридом Бульонским принес ее туда из Палестины. Она заключена в маленький хрустальный сосуд, обложенный позолоченным серебром, висящий внутри гораздо большего сосуда цилиндрической формы и поддерживаемый двумя ангелами вызолоченного серебра, как и многочисленная утварь наших церквей. Она кажется крупной кашней желтого масла, немного более густой внутри. У меня есть стеченная служба этой слезе, которая начинается с первых вечерень и кончается вторыми. Правдоподобие ее происходит в тот же день, что и в Вандоме, то есть в пятницу перед страстным воскресением, называемую **Лазаревской пятницей**».

Вторая категория слез беднота, и предания о них казались недостаточно обоснованными даже составителям легенд. «Некоторые верят, но святители ничего не говорят о том, что божественный спаситель плакал также, омывая ноги своим ученикам, и что одна из пролитых при этом его слез и находится у св. Максимиана в Провансе».

Третья категория составила из чудесных слез, якобы, выплаканных христом неизвестно по какому случаю.

Мы знаем, что слеза, хранимая в аббатстве св. Петра, в Сельнкуре, в амьенской епархии, была послана из Константинополя Бернарду де Морейль в 1298 г., и некоторые утверждают, что дело идет о слезе, пролитой «по Лазаре». Не так обстоит дело со слезой у св. Петра—девятнадцатилеткой в Орлеане и в Трире, со слезой в аббатстве Фукармон, Льежской слезой и с различными другими, почитаемыми, кажется, в Италии и Испании.

Какова же была сущность этих слез? Сказать это было бы очень затруднительно; большая часть ковчежцев, якобы, содержащих таковые, была, без сомнения, пуста. Некоторые из них были, может быть, просто водой, в которую погрузили вандомскую реликвию.

Как же сохраняли эти слезы, чтобы они не высохли и не испарились? Это можно объяснить только чудом; сверх того, благочестивые умы полагали.—совершенно неверно, что вандомская реликвия содержала не только слезу христа, но и землю, на которую она упала. Аббат Шлик задался тем же вопросом относительно слезы, почитаемой еще в Аллуани, возле Бетюна, в Аррасской епархии. Это труд неучителен. Он спрашивает себя, во-первых, как смогли собрать слезы нашего спасителя, Иисуса христа. Их можно было собрать с помощью платка, как утверждают это относительно Льежской слезы. «Но каков был этот платок,—спрашивает любитель точности—аббат,—платок ли божественного спасителя, или какого-либо другого? Сам ли христ пользовался им, чтобы утирать свои влажные глаза? Или, скорее, кто-нибудь другой делал это для него? Или, еще скорее, не послужило ли в этом случае платком одно из полотенец, в который обернули Лазаря и на которое упала слеза сострадательного Иисуса?» Но гораздо легче ставить эти вопросы, чем их разрешить.

Тогда аббат Шлик обращается к богослужению. Месса в честь аллуанской святой слезы говорит: «О слеза славная, слеза, блистающая сиянием, перл, подобранный ангелами и врученный Магдалине!» Но аббат Шлик счел требователен; он прибавляет: «Нам нужно еще спросить озаб,

был ли ангел, подобравший эту драгоценную слезу, видим присутствующим или нет, и каким образом принял он эту святую реликвию?».

Аббат Шлик, с горестью констатируя, что историки не входили в такие подробности, решает исследовать сосуд с реликвией. Там он видит только маленький серый камень. Но это дает ему проблеск мысли: **«Этот камень, безусловно, ничто иное, как тот самый камень, на который упала слеза спасителя. После этого: был ли этот камень взят от гробницы Лазаря или нет, был ли он подобран ангелом при всех или тайно, чтобы вручить таким же образом Марии Магдалине,—знать это, без сомнения, заманчиво для нашего любопытства, но, в конце концов, только для любопытства. Принимая во внимание, что Мария Магдалина поговорила слову ангела—пресвятая дева, мать господя, не называется ли блаженной за то, что тоже поверила ему?—и благочестивые верующие уверовали в это вслед за этой блаженной служительницей господя,—почему удивляться и нам».**

Все это, конечно, ребяческая наивность. Еще и ныне продолжают предлагать эту мнимую реликвию для поклонения верующим, с одобрения епархиального начальства.

III. Пупы Иисуса.

Пуп Иисуса почитался в Клермоне в начале XIII века, как одна из наиболее драгоценных реликвий Запады. Другой пуп Иисуса был явлен из знаменитого дуккского распятия. Может быть, это тот самый, что почитался в Рьме, в храме святой Марии del Popolo, во времена Миссона.

Когда в Шалоне на Марие хранилась другая реликвия, называемая «святым пупом». Мы занимаемся его историей у одного епархиального писателя этой епархии.

«Вы знаете, что в нашем городе Шалоне есть приход Босородицы в Во, где, будто бы, хранится уже в течение нескольких веков часть святого пупа нашего спасителя, Иисуса Христа. Как! разве существует такой!—воскликнете вы прежде всего... Терпение, это к делу не относится. Я знаю, что мыслили святые отцы относительно материнства святой девы, ее девственности, рождения от нею сына, нашего спасителя. Не того, что они думали, что он явился в мир чистым и чудесным образом, можно заключить, что они не очень поверили бы в эту реликвию; но не будем вдаваться в диспуты, и хочу передать вам только факты.

Как же эта реликвия попала в Шалон? Это любопытная история; начать ее нужно с Адама. Когда эта частица, связанная с телом Иисуса Христа, отпала, как и у других детей, святая дева подобрала ее, говорят, с большим уважением и верою; она бережно хранила ее всю свою жизнь; я не знаю, не послала ли она ее даже всегда на себе. После смерти сына эта частица сделалась источником ее утешения. Умирая, она вручила эту драгоценность св. Иоанну евангелисту, который, вследствие своей любви к Иисусу Христу, был наиболее этого достоин. Св. Иоанн, став епископом ефесским, оставил ее своим преемникам: от его преемников она последовательно, через несколько рук, перешла к Карлу Великому. Но каким же образом? Каким вам будет угодно. Если хотите, допустим, что через императрицу Ирину, в благодарность за то, что он изгнал сарацин из империи; или через Аррона, царя персидского. Если же этот слух кажется вам черезчур естественным для такой таинственной реликвии, то заставим специального ангела перенести ее, как это и утверждается церковной летописью Шалона.

Карл Бесанкий не думал обидеть англичан, усугубив полученный подарок третьему лицу; он мог бы украсить им свое королевство и столицу, но он предпочел отправить его в Рим, в подарок папе Лаву III. Эта реликвия, предназначавшаяся сначала в подарок для Франции, впоследствии вернулась туда частично. Она стала своей резиденцией город Шалон, и приход богородицы и *Во приходе великую славу*, обладая ею. Это было бы правильно, если бы он в самом деле обладал таковой реликвией. Ей не только поклоняются там, ее сжигают, носят в процессиях под балдахин и благославляют ее с такими же церемониями, как если бы это было тело Иисуса Христа.

Если вы попросите у меня достоверных доказательств того, о чем я говорю, я отвечу, при всем моем уважении к вам, что вы недостаточно верующий и что господам-шалонцам ваше любопытство не доставит удовольствия. Мы обладаем ею с незапамятных времен, скажут они вам, удовлетворитесь этим, а если вы доведете меня до крайности своими неспрошенными вопросами, я отошлю вас на улицу Мармузэ, к дому под вывеской Трех Голубей, к Гемальду Роберу из Лиможа, некогда лиценциату прав, затем слуге кардинала, потом солдату, живущему ныне в Париже, в этой харчевне, **«человеку честного поведения и образа мыслей, побывавшему в чужих краях и известному многим; спросите-ка, что он видел в Риме, в сокровищнице, где хранятся святые реликвии и драгоценные украшения, а также бумаги римской церкви, и куда его звание слуги кардинала давало ему, конечно, полную возможность проникнуть; спросить, говорю я вам, у этого ученого критика, не видел ли он подлинные писем авостольских в форме булл, говорящих, что часть святого туна находится в Шалоне. Если вы и после этого будете сомневаться, мне нечего больше сказать вам, чтобы победить ваше неверие.**

Вот что полагают о происхождении и наследовании святого туна, когда в 1407 году Карл из Пуатье, епископ шалонский, по настоянию прихожан храма богородицы, переместил эту реликвию и положил ее в другую раку, более красивую, чем прежняя; он сделал это без всякого осмотра реликвии, доложившись на уверения трех обитателей прихода, удостоверивших ее на основании слов лимузца с улицы Мармузэ. С того времени не переставали воздавать ей почести, о которых я уже говорил вам: паломники приходили к ней из самых отдаленных мест, и говорят даже, что там совершались чудеса, чему можно верить.

И вот, в пятое воскресенье великого поста, 10 апреля 1707 года, месье Гастон-де-Ноайль, брат и преемник его преосвященства, кардинала, совершал свое первое епископское посещение прихода богородицы с обычными торжествами. Так как отчеты, которые он должен был получить здесь, и множество других дел не позволяли ему сразу покончить со всем, он назначил несколько собраний в своем дворце, куда пригласил всех граждан и на которых мог присутствовать каждый желающий. Вам известны заслуги этого прелата; необходимо воздать ему должное: он очень образован и много заботился о том, чтобы не допустить в своей епархии не только никаких злоупотреблений, но ничего близкого к тому; и проявленные им до сих пор заботы о благочинии, увенчавшиеся полным успехом, позволяют видеть, что он обладает не меньшей твердостью, чем просвещенностью.

Он давно уже слышал о нашей реликвии, но дела епархии, его разъезды, недоробье мешали ему лично ознакомиться с нею. Он не мог не знать, что разные вкусы заставляли умы разное мыслить о ней; он знал, что одни ее чтут, другие не имеют никакой веры в нее, иные отри-

известен о ней мало почитательным образом. С другой стороны, он знал, что осторожному епископу следует предлагать для народного почитания только вещи, не внушающие сомнения. Это побудило нашего прелата сказать господам каноникам храма богородицы и собравшимся в его дворце прихожанам, что он решил обследовать реликвию. Он думал, что от его благочестия зависит укрепить культ, если реликвия окажется истинной, или, по крайней мере, упорядочить его, если в него проникли какие-нибудь злоупотребления.

В назначенный день епископ, в стихаре и мантии, отправился в храм Богоматери, почти со всеми канониками этой церкви и народом, желавшим за ним следовать; он велел принести круглое изображение, или позолоченного серебра, святой девы, держащей сына своего, Иисуса Христа, на плече которого находился серебряный круг с такой надписью: **часть пупа господина Иисуса Христа.**

Прелат опустился на колени, воодушевляемый святым мужеством и убежденный, что епископ, имеющий честь освящать все тело христово и держать его в своих руках, не должен страшиться при виде не вполне достоверного пупа; особенно, когда он движим духом усердия и благочестия.

Окончив молитву, он приказал приблизиться ювелиру, который только с помощью кончика ножа приподнял круг и вынул кристалл. Я не могу сказать вам, прикасались ли к раке со времени перенесения этого, якобы, святого пупа Карлом из Пуатье и не исследовали ли ее любопытные глазами или руками: легкость, с которой она открылась, заставляет подозревать это. Что я знаю, так это—то, что шалонский епископ вынул на глазах у всех присутствующих то, что заключалось в раке, и увидел три куска красной тафты, истрепанной и дырявой, намотанных один на другой, а в них он не нашел ничего, кроме трех камешков, из которых один был гладкий, как гравий, такого же цвета и твердости, а два других похожи на сголки желтоватого камня, рыхлого и рассыпчатого, и несколько других крупинок, очень маленького размера, того же качества и цвета.

Посудите, каково было удивление и ужас присутствующих, когда они увидели, что вместо драгоценных монет, священного залога, как они их называли, они нашли только немного гравия. Сколько ни прибегали к счетам, предметы могли увеличиться, но не меняли от того своей природы. Было признано также, что вышеназванный оракул с улицы Мармюэ не непогрешим. На этом не остановились: сейчас же позвали господина Шевр, который, по своей профессии акушера и акушера опытного, мог лучше знать части человеческого тела и природу пуповины. Он уверял при всем собрании, что это не может быть и никогда не было пупом ребенка; и он так основательно ствечал на все предлагаемые ему вопросы, что все присутствующие и даже каноники, будучи выведены из заблуждения, позволяли без малейшего сопротивления его преосвященству—епископу унести этот гравий в серебряном ящичке и проводили его с теми же почестями, как и при встрече».

Этим, однако, дело не кончилось. Несколько почетных прихожан составили **прошение о восстановлении реликвии**, начинавшееся энергичным протестом против ее похищения 19 апреля 1707 года. Говорили, что против епископа было поднято судебное дело, наделавшее много шума и свалдала, но реликвия с тех пор не возвращалась вновь.

Без сомнения, в Италии менее подозрительны, чем во Франции, потому что мне неизвестно, чтобы исследование шалонского пупа, бывшее

го, как говорили, что тело было хранимого в Риме, повлекло бы уничтожение последнего.

Откуда пришли идея и список реликвий? Господин де-Мели думает, что они внушены «сказителем детства». Если принять во внимание, какова была известность апокрифических евангелий в средние века, и этого евангелия в особенности, то это мнение покажется очень вероятным, тем более, что самый текст этого евангелия дает основания думать, что тун Христа некогда хранился, а затем был потерян.

«Когда пришло время обрезания, то-есть, на восьмой день, люди новорожденный должны быть обрезаны по закону, они обрезали его в пещере, и старая израильтянка собрала крайнюю плоть (или, согласно мнению других,—цуповницу) и положила ее в алебастровый сосуд, наполненный маслом старого нарда. У нее был сын, торговавший благовониями: она дала ему тот сосуд, говоря: «остерегайся продать этот сосуд, наполненный благовониями нарда, даже если бы тебе предлагали за него 300 динариев». Это был тот самый сосуд, который купила Марии Магдалина и содержимое которого вылила на голову Иисуса Христа и на его ноги, вытирая их волосами».

Апокрифические евангелия, послужившие источником стольких вымышленных образов, представленных в церковной скульптуре и живописи, почти неизбежно должны были влиять на культ. Реликвий страстей Христа и часть его телесных частей, явно, внушены каноническими евангелиями; но что касается цуповницы или крайней плоти, то о них имеются упоминания только в апокрифах. Таким образом, нужно отметить, что изобретатель зуба, хранимого в Сен-Медаре, отнес его к периоду детства Христа. Что касается ногтей и волос, о которых мы будем говорить дальше, то дело идет прежде всего о ногтях и волосах Иисуса-ребенка, собранных девицей Марией.

Культ неизбежно рождается из легенды, когда она воспринимается, как истинная история, и именно так обстояло дело с апокрифами в средние века. Этот очень интересный процесс встречается много раз в эволюции религии.

IV. Святая кровь.

«Из всего, оставленного Иисусом Христом после себя на земле, — писал ораторианец Базиле, — ничто так не было бы достойно нашего почитания, как его кровь, пролитая во спасение рода человеческого. Циркуль не должно было бы быть так собираемо и тщательно хранимо; но молчаливое священное писание и древних писателей убеждает нас в том, что Богу это не было угодно».

Тем не менее, средневековые монахи и клирики предъявили на поклонение верующим большое количество этой крови.

Поклонялись святой крови в Антверпене, Булони-на-море, в Брюсселе, Шартре, Доберо, Фекане, Мантуе, Орлеане, Палермо, Париже, Рейхенау, Риме, Венеции, Вайнгартене и, без сомнения, во множестве других мест.

а. Кровь, собранная св. Лонгином.

(Мантуя, Рим, Вайнгартен).

Мантуанская реликвия. Вот как рассказывает древняя мантуанская хроника:

«Воин Лонгин, в тот момент, как он пронзил своим копьём Жок Иисуса, сподобился благодати веры, в то же самое время, как и его

созник; он собрал кровь, брызнувшую на пронзенного бока Христа, и послал ее с тех пор с собою. Вскоре он отказался от военного поприща, отправился в Мантую и проповедывал здесь евангелие. Предвидя, что вера будет стоить ему жизни, он скрыл кровь спасителя в землю, чтобы охранить ее от осквернения, предоставляя провидению позаботиться о том, чтобы когданибудь она была извлечена из забвения. И в самом деле, драгоценный залог был открыт в 804 г. Подлинность реликвии, помещенной в свинцовый сосуд, с надписью «**крвь Христа**», была доказана несколькими чудесами. Присшествие произвело большое впечатление, и император Карл Великий просил папу Льва III произвести расследование. Верховный персвещенник явился в Мантую, заверил после тщательных исследований подлинность чудеса и, следовательно, подлинность реликвии. Вслед за тем он донес императору, что присоединится к нему в Креси, возле Реймса, где тот праздновал рождество Христово.

Однако, менее чем через сто лет, венгры, норманны и другие варварские орды нахлынули в верхнюю Италию, и мощи святой крови были спрятаны во второй раз. К концу этого смутного времени помнили еще предание о драгоценном сокровище, скрытом в земле, но места его уже не знали: небольшое число очевидцев, державших это в секрете, исчезло. Прошло около двухсот лет, прежде чем мощи были найдены. Орудием божественного провидения был бедный слепой, паломник Адальберн. В видении, которое было ему в 1048 году, в церкви св. Андрея, этот апостол открыл ему, что почитаемый клад хранится в саду госпиталя: он обещал Адальберну, что ему вернется зрение, если он оповестит об этом откровении, которое поведет за собой восстановление святынь мощей. Марциал, епископ Мантуи, в присутствии духовенства и многочисленного множества народа, приказал начать поиски в указанном месте. Нашли маленький деревянный ящичек, содержащий ковчегец из мрамора, внутри которого находился свинцовый сосуд со святой кровью. Сокровище было перенесено в церковь св. Андрея, и обещание апостола Адальберну исполнилось: слепому вернулось зрение.

Однако, в феврале 1049 года на папский престол взошел Бруно де-Туль, под именем Льва IX. Известие об открытии драгоценной крови достигло его ушей; узнав об этом, с своей стороны, и император Генрих III; он просил Льва IX подвергнуть все дело тщательному расследованию, особенно, что касается чудесных происшествий, гмевших при этом место. Папа Лев IX, как сделал это Лев III, отправился в Мантую. Он начал расследование относительно необыкновенных явлений и чудес, происшедших здесь, уверился в их подлинности и объявил, что реликвию можно рассматривать, как настоящую кровь Иисуса Христа, и почитать, как таковую. Вера в подлинность найденного в Мантуе сокровища не вытекает из исторических документов, которые в некоторых подробностях, как признает аббат Роммель, не согласуются между собой. Когда дело идет о происшествии очень отдаленном, от нас, подобные разногласия часто констатируются, но самая сущность дела не должна от этого подвергаться сомнению; в настоящем случае эта вера основывается прежде всего на чудесных событиях, происшедших во время двойного обретения реликвии и подтвержденных авторитетом духовных лиц после арестного расследования. Внезапное исцеление слепого Адальберна было наиболее значительным из этих чудес.

Эти мощи были некогда предметом распространенного культа. В 1608 году, по случаю бракосочетания своего сына Франсуа с Марга-

риху Савойской. Епископ Гонзато устроил орден драконовской крови, более известный под именем ордена герцога мантиванского. Он назначил двадцать кавалеров ордена и на орденской ленте имел девиз: *Nihil est sine decreto*. (Ничего не будет с ней нашего беззаконного).

Римская реликвия. Папа Лев IX пожелал иметь священную кровь мантиванскую в католической столице; но мантиванцы не хотели уступить ее, и верховный патриархический поручил императору Генриху III договориться с ними. Этот последний предложил разделить драконовскую кровь между двумя городами. Ему были так благодарны за такое решение, что с общего согласия разделили мощи на три части: одну для Мантуи, другую для Гима, а третью для посредника.

Лев IX поместил свою часть в базилике св. Иоанна Латеранского, но позже она была перенесена в домовую церковь латеранского дворца, известную под именем «Святая святых».

В настоящее время мощи всегда находятся у св. Иоанна Латеранского, но в особой часовне св. Франсуа, где их еще и теперь показывают в чистый четверг.

Вайнгартенская реликвия. Что же касается третьей части святой крови мантиванской, то император Генрих III постоянно носил ее на себе до 1056 года, когда, чувствуя себя при смерти, он завещал ее Балдуину Липальскому, графу Франдрии. Этот последний, в свою очередь, оставил ее своей дочери, Жюльете Фландрской. Наконец, Жюльета, выйдя замуж за Гвельфа IV Баварского, сына Гвельфа III, основателя вайнгартенского аббатства, принесла ее в дар этому монастырю в 1090 или 1094 году.

Мощи постоянно хранятся в Вайнгартенском аббатстве, где ежегодно 12 марта устраиваются празднества в их честь.

Происхождение всех этих реликвий. Я не стану останавливаться на этой невероятной легенде, явно, вымышленной каким-нибудь невежественным и бессовестным монахом. Сотника Лонгина, по всей вероятности, никогда не было в Мантуе, ни живого, ни мертвого, хотя там и почитаются его мощи.

С другой стороны, сочинительница диакона Иоанна, каноника церкви св. Иоанна в Латеране, приписывает совсем другое происхождение мощи, хранимым в базилике. Согласно ему, дело идет о крови, чудесным образом показавшейся из распятия, по которому дерзко ударил еврей. Это, по видимому, и есть первоначальная форма рассказа, а легенда о крови, собранной Лонгином, создана позднейшими толкователями.

б. Крвь, собранная Никодимом.

(Ла-Решель, Бек-Эллюен, Фекан, Сарзанна, Гале).

Во времена Константина в Ла-Решели показывали кровь Иисуса Христа и говорили, что она была собрана в перчатку Никодимом.

Ту же самую реликвию видели мы в Бек-Эллюенском аббатстве. Там же и евангелист Евр. Генрих Этьен сохранил для нас историю, свидетельствующую о ней: «Когда Никодим снял спасителя с креста, он собрал кровь в палец своей перчатки и этой кровью сотворил несколько чудес. Будучи впоследствии преследуем евреями, он принужден был отвязаться от нее при помощи чудесного способа. А именно, он взял пергамент, на котором описал все чудеса и все, что имело отношение к этой тайне, взял в кровь с этим пергаментом в большой лгичий клочок дерева и скрутил его, как мог лучше, и бросил в море, поручив его воде божией. Воду же было угодно, чтобы лет через 1000—1200 или око-

до того этот святой ключ, странствуя по морям востока и запада, пробыл в Нормандию, в то самое место, где ныне находится аббатство Нек (Клюв). Здесь он был выброшен морем и зарезан. Случилось, что добрый герцог нормандский, преследовавший в этой местности оленя, никак не мог понять, что это произошло с оленем и собаками, пока не заметил в кустарнике оленя, на коленях, и возле него собак, тоже склонивших шеи и на коленях. Это так поразило благочестивого герцога, что он приказал немедленно расчистить это место, где и был найден драгоценный ключ и то, что в нем содержалось. Вот что было причиной основания аббатства, называемого ныне по этому самому случаю аббатством Клюва Нек (то самое, где и теперь еще показывают место этого чуда); оно настолько обогатилось, что свободно можно сказать, что один ключ приносит множество желудков».

Это бенедиктинское аббатство исчезло во время революции, и реликвия исчезла среди ее бурь.

Но еще и в нынешние времена сохраняется подобная ей в городе Фекане и о ней рассказывают такую же историю: заметим, moreover, что ключ здесь заменен стволом фигового дерева с украшениями, что делает историю еще более невероятной.

Аббат Ешар, один из последних историков этой драгоценной реликвии, пишет: «мы не видим серьезных оснований отвергать эту историю... Отвергнув ее, не откажем ли мы тем самым в уважении умным бенедиктинцам, составившим ее, многим аббатам и митрям церкви, которые не разрешили бы выпустить ее в бесчисленном количестве экземпляров, если бы они, подобно неразумным рационалистам, полагали, что это — смесь басни с историей?.. Наконец, не значило бы это — сделать необъяснимым перенесение драгоценной крови в Фекап, поколебать основы культа, установленного в незапамятные времена? Не значило бы это похитить самые прекрасные жемчужины из короны этого древнего и знаменитого города и нанести рану самым священным и настоятельным его интересам?».

«Настоятельные» интересы этого города — вовсе не риторическое упущение, потому что нельзя сделать более ясного намека на деньги, остающиеся чаласниками в Фекане. Все устроено с тем, чтобы получить их.

В соборе, возле мошей, находится **ствол драгоценной крови** и недалеко от него, кроме **часовни-ключа**, построенной на месте, где она на мель ствол фигового дерева, вы найдете вторую часовню, построенную во **дворе источника**, где пристала драгоценная кровь. Забавующие обиды часовнями — люди светские. Их понимают истории не менее утилитарно, чем понимание ее у соборного духовенства.

В Сарзанне (в Италии) тоже хранится кровь, собранная Никодимом. Эта святость также была принесена волнами, но уже не в ключе итица для в стволе фигового дерева, а в знаменитом Лукском расщелин, известном под именем *Volto Santo* — «святого лица».

Никодим вылепил три изображения Христа (той же самой длины, голыши и очертаний, что были у спасителя на кресте; они были найдены в древних развалинах, возле Гелтофских ворот, в том самом месте, где некогда был построен дом Никодима, тайного ученика господня».

Отец Иппатий — Иссыф в своей **Истории Аббсвилля** говорит, что Этьен Лукский решительно хотел, чтобы Григорий Сирийский, оказавшийся владельцем этих трех изображений, дал ему одно из них для Лукки; но христиане решали поместить их в Иопию в три различных человека без ружья и без кормчего, чтобы узнать волю бога в таком затруд-

интересном случае. Из этих трех изображений первое прилетало в Лукку, второе — в Рио (Сомма), что касается третьего, то оно прибыло в Дивес (Гальвандос). Где создавалось и почиталось до того времени, пока кельвинисты не сожгли его и не прекратили в цепел.

Аббат Романо, через каких-нибудь двести лет позже, рассказывает нам другую историю *Volto Santo*; он, кроме того, совершенно не знает о двух двойниках Рио и Дивес: «Никодим, сильно пораженный видом Иисуса Христа, принялся делать его изображение; он сделал все, кроме головы, которая была выколота ангелом. В минуту смерти Никодим рассказал это чудо одному из своих родственников и дал ему свое распятие, оставившись в Иудее до VIII-го века; тогда епископ Лукки приобрел его и положил на корабль, который без всякого кормчего благополучно прибыл в Италию, к гавани Луны. Жители, находившиеся на берегу, взобрали на корабль и хотели перевести распятие Никодима, но оно было так невероятно тяжело, что все усилия их оказались тщетными.

Спустя некоторое время, один паломник, посетивший Иерусалим, узнал от двух монахов, охранявших гроб спасителя, что Луккское распятие содержит моши. Паломник не упустил в свою очередь сообщить об этом по возвращении Луккскому епископу. Этот последний, взглянув в распятие, нашел там часть тернового венца спасителя, склянку с его кровью, собранной Никодимом, гвоздь от креста и несколько других священных предметов. Однако, он был принужден оставить в нем разные другие реликвии, о которых так и не узнали, потому что распятие чудесно закрылось, заблестав ярким светом».

Моши святой крови, хранившиеся в Англии, выдавались также за кровь, собранную Иссифом Аримафейским. Епископ Линкольский объяснил происхождение их тем, что один рыцарь-храмовник принес их в 1247 году Генриху III, английскому королю, от иерусалимского патриарха.

«В течение долгого времени в Гале, в графстве Глостер, показывали,—говорит Юм,—кровь Иисуса Христа, принесенную из Иерусалима. Легко себе представить, с каким благоговением совершали такую святыню. Одно чудесное обстоятельство еще более содействовало вере в ее подлинность. Эта драгоценная кровь, хотя и была выставлена перед глазами присутствующих, не была видима никому, впрочем, в смертном грехе, и удаивалась показываться только, когда совершали достаточно добрых дел, чтобы заслужить отпущение грехов.

Хитрость была раскрыта, когда упразднили этот монастырь. Два монаха, державшие это в секрете, каждую неделю брали кровь утки и наливали ее в хрустальный сосуд, одна сторона которого была тонка и прозрачна, в то время, как другая была более толстой и матовой. С прибытием богатого паломника монахи не забывали показывать ему темную сторону до тех пор, пока мессы и причастия не искупали его грехов; когда же монахи решали, что его деньги, терпение и вера готовы истощиться, они оказывали ему милость и повертывали склянку».

в. Кровь, собранная Магдалиной.

(Св. Максимин и Неф-ви Сэн-Сэпюлькр).

Такое происхождение приписывается крови, долгое время хранимой в храме св. Максимиана, в Провансе. Я полагаю, такое же происхождение должны приписать также крови, хранимой еще и сейчас в Нефли—

Сэн-Эшолькр. Та и другие реликвии состояли из маленьких красных камешков, которые должны были первоначально представлять землю, взятую у подножия креста и орошенную кровью распятого бога.

г. Три других реликвии, принесенных из Иерусалима (Рейхенау, Билльом, Брюгге) и собранных самой приснодевой.

Самое древнее свидетельство, имеющееся у нас относительно реликвий святой крови в Европе, доставляет нам «Перенесение крови господней», написанное около 950 года. Азан, префект Иерусалима, привез, будто бы, множество монет в Корсику, в надежде, что Карл Великий явится туда за ними сам. Но надежды его были напрасны; это было погручено Вальдо, аббату Рейхенау. Азан вручил ему связку с кровью, которая была поставлена в домовую церковь императора, и маленький золотой крест, содержащий внутри кровь Иисуса. В конце-концов, последняя реликвия досталась аббатству Рейхенау.

«В церкви города Билльома хранится другая знаменитая реликвия, под именем **драгоценной крови**. Иезуит, по имени Раймонд Мартен, опубликовал ее историю в 1616 году под названием: **«Божественная реликвия обожаемой крови Иисуса Христа в городе Билльоме, в Оверни»**.

Дюран д'Альбапелли, каноник в Билльоме, возвращаясь из святой земли, привез, говорят, эту святыню вместе с маленьким **кусочком дерева от истинного креста**; она была вделена в крест из позолоченного серебра, внизу которого было выгравировано имя каноника. Вследствие мало-вероятной случайности, дерево ветвиного креста господина было сохранено, а драгоценная кровь оставалась затерянной в течение долгого времени; она была выкопана из земли, не говорится кем и когда, из-под главного алтаря. Сначала нашли ящик, обернутый в кожу, в котором находился хрустальный сосуд, содержащий святыню, вделанную, как и сейчас, в серебряную оправу, с такою надписью готическими буквами: **«В этом сосуде кровь, побеждающая скорбь»**.

Каждый год, третьего мая, в день обретения святого креста, в Билльоме справляется «праздник драгоценной крови». Это день торжества, ликований и прибылей для обитателей. Главная его церемония—шествие, во время которого драгоценная кровь показывается всем. Ее больше не совершают с такою пышностью, как прежде. Вот что историк этой святыни передает нам об этой процессии: «Ей предшествуют,—говорит он,—избранные мальчики, **одетые ангелами и несущие картины страстей господних**; за ними следуют 12-ть мужчин **изображающих двенадцать апостолов, с орудиями их мучений**; потом следуют капуцины, затем чаломники, одетые соответственно их званию». Между этими капуцинами, апостолами и богомольцами были женщины, большая часть которых, **держа свечи в руках, шла босиком и в рубашках**.

«Священник, несший святыню в этой процессии, каждую минуту поворачивался на все стороны, чтобы показать ее всем, и покачивал хрустальный сосуд, чтобы дать возможность заметить, что красная жидкость, содержащаяся в нем, еще сохраняет свою текучесть. Историк прибавляет, что в его времена, когда процессия прибывала на место и святыню возлагали на алтарь, который обычно здесь воздвигался для нее, большая часть людей из народа смотрела на небо, воображая, что белым днем видит там звезду, чудесно тогда появляющуюся».

Эти иерусалимские реликвии, весьма вероятно, были сфабрикованы в Европе.

Реликвия святой крови в Бронте была подарена Балдуином, иерусалимским королем. Терри, графу Фландрии, который приказал перевести ее в свои владения и захоронил ее в Бронте в 1138 году.

Кем же была собрана эта святая кровь? Ближайшие авторы свидетельствуют, что это было сделано приводецем. И вот как они доказывают это.

Приведу речь, которую произнес епископ Липикольца в 1270 году (заметьте дату) и в которой он утверждает, что кровь Христа вовсе не была утеряна для нас, но собрана Носифом Аримафейским, аббатом Дюраном пишет: «Можно заметить, что речь здесь идет только о крови, собранной Носифом Аримафейским... У нас есть убедительные доказательства, что Мария собрала божественную кровь... Носиф Аримафейский, ученик робкий и трусливый, с благоговением подобрал эти святые капишки, а Мария стала бы смотреть, как они струятся по земле, не пытаясь предохранить их от осквернения? Она слишком хорошо знала цену этой искупительной крови. И, если бы она должна была вырвать свое сердце, чтобы собрать в него, за неимением чаши, эту божественную кровь, она не поколебалась бы. Нам достаточно знать, что Носиф Аримафейский сделал это, чтобы мы могли настаивать, что святая дара предуготована в этом у подножия креста».

Остальные доказательства равноценны этому. Однако, можно, кажется, признать иерусалимское происхождение этой знаменитой реликвии, хотя чудо кипения, которое некогда приписывалось ей, скорее родится с реликвиями не иерусалимскими, а константинопольскими или итальянскими.

д. Святая кровь, принесенная из Константинополя.

Кровь Иисуса Христа хранилась в нескольких церквах Константинополя: в храме св. Петра, св. Михаила и в Буколеоне.

В 1244 году Ламберт де-Нуайон, капеллан Балдуина I и прево св. Михаила, привез золотой сосуд, содержащий кровь Христа, в аббатство св. Иоанна, в Суассоне. Несколько раньше, в 1239 году, анхенское аббатство обогатилось подобной же реликвией, происходящей из церкви св. Петра.

Буколеон один поставил, по крайней мере, три таких реликвии.

В 1205 году Нивелон де-Шеризи принес в дар городу Намюру небольшое количество крови Иисуса, происходящей из этой церкви. В 1224 году св. Реми Реймский получил ее из того же самого источника. Самая знаменитая святая этого происхождения была прислана св. Людовику между 1241 и 1246 г.г. для «святой капеллы».

Все эти реликвии происходили, без сомнения, первоначально от крови, якобы, выступавшей на распятиях.

Мы отсюда не претендуем на перечисление всех реликвий крови Иисуса.

Среди них находится склянка в церкви святого креста в Иерусалиме, восходившая, по крайней мере, к VI-му веку. Основатель церкви в Шартре, воздвигнутой в 1222 году, указывает и на другую.

«Есть в Венеции довольно большие сосуды, наполненные кровью Иисуса; им торжественно поклоняются 12 марта в монастыре св. Франциска».

В Риме есть еще сосуды, полные крови Иисуса Христа, в церкви св. Благовещения. В Москве, в храме Благовещения, почитали большую бу-

тыль с нею. В Туре находится некоторое количество крови святого, пролитой им в саду Гефсиманском.

Все эти святыни, а также те, которых мы не знаем, входят, по всей вероятности, в одну из изучаемых категорий. Все они швейцарского происхождения; св. Лонгин, Никодим, св. Магдалена и принадлежат им при чем в их фабрикации.

Источником всех этих реликвий, вывезенных из Иерусалима или Константинополя, была, бесспорно, кровь, «чудесно» выступавшая на некоторых распятиях; истинное происхождение ее еще надо исследовать. Несмотря на это, мы можем утверждать, что «святая кровь Иисуса» — реликвия богослужебного происхождения, потому что она связывается с культом икон и, особенно, с культом распятия.

У. Борода, волосы и ногти.

В Риме, в церкви св. Цецилии, хранится некоторая часть волос Иисуса Христа; они имеются также в Эскуриале и в аббатстве богородицы Аржансольской, в Шампани.

Луцкское распятие, открытие которого относится к XI-му веку содержало, кроме кусочка пуповины Христа, склянку его крови, а также ногти и волосы, обретенные у него святой девою.

Согласно мемориалу, извлеченному из архивов собора и сообщенному Балюзом, св. Австремония принесла в Клермон бесконечно ценные реликвии: «пуп сына божия и пять ногтей с его левой руки; его крайнюю плоть и два ногтя правой руки; пеленки, в которые он был обернут; одиннадцатую часть повязки, которой ему закрыли глаза, окрашенной его кровью; часть его хитона, бороды, волос и пояса, окрашенного его кровью; кроме того, три ногтя, срезанные с правой руки; часть тернового венца и хлеба, благословенного Иисусом; часть его губки и часть гроба господня; биты, которыми его хлестали; волосы св. девы Марии, ее записку, кусок ее платья, ее молоко, и часть иланца, сделанного ее руками. Епископ Этьен (в Клермоне, X веке) заключил эти реликвии в изображения богородицы и ее сына».

Граф Шартрский Людовик, участвовавший во взятии Константинополя, принес в результате этого в Шартр, вместе с другими замечательными святынями, два волоса спасителя. Они значатся в одной описи 1322 года.

Служебник 1249 года подтверждает существование нескольких волос Христа в церкви св. Альбана, в Намюре.

Более тщательные розыски открыли бы, без сомнения, другие волосы, ногти и, может быть, несколько волосков бороды Иисуса. Это подтвердило бы только несомненность всех этих святынь и благочестивое бесстыдство их изобретателей.

Зная нравы XIII—XIV веков, не стоит удивляться множеству обманщиков, создавших все эти реликвии. Разве и в наше время не прилагаются шарлатаны возобновить аналогичные попытки?

Нужно ли напоминать, что в 1810 году одна наивная женщина в Салоне, в Провансе, уверяла, что обладает костью Иисуса Христа, которую она давала носить молодым людям, желавшим избежать рекрутского набора?

И в более близкие к нам времена Дюпрэ де-ля-Малери, участвовавший во многих церковных предприятиях, в работах епископов Сиссона и Шази, заявлял, что обладает волосами Христа. Достоверность этой реликвии была подтверждена епископом Маринелли.

Центр наместника и верома — единственная форма расплаты с пространственными долинах святыми. Раньше же бродячий монах или голубодный церковник, подвизаясь свою грубую страшно в какое-нибудь святое место, для всего все служило источником доходов.

VI. Крайняя плоть спасителя.

Несколько раньше хвастаются тем, что обладают крайнюю плотью спасителя, то есть, кусочком плоти, отрезанной у него во время обрезания. Кальванд, чей «Трактат о монахах» появился в 1587 году, знал три ее экземпляра: в аббатстве Шарру (в епархии Пуатье), у св. Иоанна Латаракского (в Риме) и в Гилдерсгейме, — в Саксонии. Аббат Тьер, в своем рассуждении «О святой плоти» (1699), прибавляет еще парочку: в Куломбе (Шартрской епархии) и в коллегиальной церкви Антверпена. По словам Морери, имеется еще шестая — в соборе Нюи. Вольтер в «Философском словаре» указывает две других: одну у св. Якова Компюстельского (Испания), другую — в аббатстве Сен-Корнель, в Компьене. Дюморсо слов Балуза, отмечает девятую — в Клермоне. По сообщению Буэ-де-Вилье, десятую показывают в Фекане: там можно приложиться к скалке, содержащей ее. Карака упоминает об одиннадцатой, а Моран о двенадцатой, в Меце, где ей служились пышные службы. Имелась еще крайняя плоть в Ави — в Оверни, а другая — в Лантрах. Наконец, в 1875 году отыскалась еще одна — в Конке, в прославленном «Монастыре св. веры». Ковчежец, заключающий ее и долгие время считавшийся утерянным, представляет собой золотой ящичек и известен под именем «ковчежца обрезания».

С начала XIII-го столетия противоречия друг другу притязания различных аббатов и коллегий вызвали сомнения в подлинности этой, размножившейся реликвии. Но Иннокентий III, не желая обидеть никого, объявил, что **лучше не разрешать спростетливо этого вопроса, а представить его божию всеведению**; поэтому монахи и каноники продолжали выставлять свои сокровища для поклонения.

Мы не думаем писать историю всех этих реликвий. Достаточно показательными будут уже сообщения о нескольких, наиболее знаменитых из них.

а. Крайняя плоть в Куломбе.

Моши древнего аббатства Куломба, близ Ножан-Руа, неизвестно откуда; монахи, обладатели их, не позаботились восстановить историю своей реликвии.

«В XV-м столетии этой крайней плоти приписывалась сила исцелять бесплодных женщин и, в особенности, даровать счастливые роды беременным. В 1422 году Генрих V, король английский, владевший тогда частью Франции, услышал, как прославляли могущественное действие этой крайней плоти; он прислал аббата Куломба доверить ему это сокровище: он отвезет его в Англию, своей жене, Катерине французской, беременной первым ребенком. Монахи с крайним сожалением согласились расстаться с реликвией. Она была отослана в Лондон, и королева, прикоснувшись к ней, счастливо родила сына, известного потом под именем Генриха IV. Король, верный своему слову, отослал моши из Франции; но так как полагали, что в эту эпоху постоянных войн в Куломбе им может грозить опасность, реликвию временно поместили в Святой часовне, в Париже. Каноники этой церкви, получив святую реликвию, считали, что она передана им навсегда; но монахи Куломба заволновались и потребовали, чтобы она была возвращена им; они прибавляли, что если их аббатство не кажется достаточно надежным ме-

стом, то мощи можно поместить у монахов монастыря св. Мавдуара, они принадлежат к этому же ордену. Эта их просьба была удовлетворена, с тем условием, чтобы ковчег с крайней плотью не выносился за пределы города Парижа без специального, каждый раз разрешения великого королевского совета. Следить за исполнением этого указа, подписанием герцогом Bedfordом, регентом Франции, 23 мая 1427 года, было поручено Пьеру Кошону, епископу Бове и канонiku шартрскому; это именно он председательствовал впоследствии при осуждении Жанны д'Арк.

Когда установилось спокойствие в королевстве, монахи Куломба, после многих неудач, добились, наконец, королевского указа от 28 июля 1447 года; им было разрешено снова перевезти реликвию в свое аббатство. В апреле 1464 г. король Людовик XI прибыл на богомолье в Куломб, монахи открыли в его присутствии ковчег, и его величество мог созерцать прославленные мощи.

Рака и ее содержимое уцелели во время опустошений революции. Церковь аббатства, после восстановления культа, стала приходской и в ней снова начались службы.

Около 1860 года делегаты археологического общества департамента Эрв и Луары захотели осмотреть ковчег; они нашли его в ризнице, на полке старого шкафа, в который складывали сломанные подсвечники и украшения. Ковчег был из позолоченного серебра, имел форму часовни, с двумя дверями; внутри находился крест из слоновой кости, по видимому, работы XII-го века; этот крест, не раскрывающийся и не имеющий отверстия, как думают, и заключает в себе часть плоти Иисуса Христа.

«В 1872 году этот священный предмет был перенесен в церковный дом; туда стали приходить беременные женщины, желавшие воспользоваться связанной с этой святыней благодатью. Священник, облачившись в стихарь и епитрахиль, давал коленопреклонной женщине приложиться к ковчегу». Не знаю, удержался ли этот обычай до сих пор.

6. Крайняя плоть в храме св. Иоанна Латеранского и в Калькате.

Происхождение этого экземпляра нам неизвестно, но по истории его вторичного открытия. Во время взятия Рима армией Карла V, в 1527 году, какой-то солдат унес из этой церкви ящик с мощами и скрыл его в поселении, называемом Кальката. Тридцать лет спустя ящик был найден священником, который, не подозревая, что он содержит в себе, снес находку владельцу этой местности. Та, при помощи двух своих родственников, открыла ящик и нашла внутри разнообразные мощи: в том числе: «еще свежий кусок тела св. Валентина, часть челюсти с зубом св. Марфы». Когда же она добралась до маленького пакета, на котором стояло имя Иисуса, то почувствовала, что руки ее немеют и дребезжат; она тотчас же закричала, что в пакете святая крайняя плоть. Как только она произнесла это слово, от пакета изшло сладчайшее благоухание. Священник, принесший эту драгоценную находку, объявил, что открыть пакет должна девственница. Эту операцию с успехом сделала 7-летняя девочка. Реликвия, торжественно перенесенная в церковь, совершила множество чудес.

Приблизительно, через тридцать лет после этого какие-то знатные дамы желали осмотреть ее: они привели на колени к подножию алтаря, и священник хотел показать мощи. Но вдруг образовалось густое облако, наполнило всю церковь и погрузило ее в совершенную темноту; видны были только звезды и языки пламени, проносившиеся над святыней. Это чудо привлекло к реликвии внимание и в том же 1559 году

в Капеллату прибыл один из каноников храма св. Иоанна Латеранского подозрительно отнесся к подлинности реликвии, он захотел ее ощупать и разломил на две неравные части; это делал ввиду то страшную бурю с громом и молнией. Среди них наступила такая темнота, что ничего нельзя было различить; присутствующие думали, что наступили их последние минуты. Такова вера церковнослужителей Капеллаты, продолжающих и **поныне** выставить эту реликвию для поклонения верующих.

Интересно сравнить с ней другую верую, придуманную, очевидно, канониками Латерана. Во время разорбления Рима в 1527 году один солдат украл из ризницы этой церкви святую крайнюю плоть вместе с некоторыми другими мощами. Будучи арестован за какое-то преступление возле Ангиллария, он зарыл в землю украденные вещи. Он боялся, что его будут преследовать за это воровство (быть может, оно и было причиной ареста), и поэтому, будучи отпущен на свободу, не стал отрывать спрятанного.

Вскоре после этого он заболел и почувствовал приближение смерти; умирая, он открыл место, в котором спрятал св. крайнюю плоть. Климент VII приказал произвести розыски, сначала бывшие безуспешными. Наконец, Магдалина Строчи, старательно перерыв всю тюрьму солдата, нашла драгоценный ларчик который и открыла в присутствии Лукреции Урени и ее 7-летней дочери—Клариссы.

Ирлычки с названиями мощей, находившихся в ларчике, уже стали ли от сырости. Магдалина вынула маленький мешочек, на котором, казалось, прочла имя Иисуса. Она пыталась раскусить его шнурок, но вдруг ее пальцы оледенели; три или четыре попытки остались безуспешными, между тем, руки у нее стали негибкими и твердыми, как мрамор. «Это заставляет меня думать,—сказала Лукреция,—что в мешочке находится св. крайняя плоть». Еще не окончила она этих слов, как весь дом наполнился необыкновенным благоуханием. Но и ей, как прежде Магдалине, не удалось открыть мешочка: они не были достаточно чисты.

Находившийся при этом священник не осмеливался развязать его сам. Он посоветовал поручить это Клариссе. Мы уже говорили, что ей было не больше 7—8 лет; история добавляет, что она была девственницей. Она без затруднений открыла мешок и вынула св. крайнюю плоть; последнюю с благоговением положили в серебряную чашку и перенесли в Рим. Там ей и теперь еще поклоняются верующие, в церкви св. Иоанна Латеранского.

Не стоит оспаривать достоверность таких легенд, как и опирающуюся на них подлинность мощей. Литературный подлог ручается за подложность самой вещи.

в. Святая крайняя плоть в Шарру.

Эта святая крайняя плоть была передана Карлу Венцкому императрицей Ирной, как подарок невесты (?), в то время, когда шли переговоры об их браке. Император, основывая аббатство Шарру, в 788 году, подарил эту драгоценную реликвию монахам нового монастыря. Последние, гордясь таким сокровищем, окрестили аббатство именем реликвии: слово Шарру происходит от слова «Саго гива», т. е. «красная плоть». Буаллы нескольких пап, в том числе Климента VIII (15 апреля 1379 года), даруют отпущение грехов тем, кто будет присутствовать при выносах народу этой святой крайней плоти.

Говорят, и это кажется вполне вероятным, что редкие документы, предшествовавшие этой булле, называли не крайнюю плоть, а ясли, в которых родился Иисус (не *praeritium*, а *praeserium*). Что же здесь, ошибка или обман? Фактически, в булле Климента VII и во всех документах после нее говорится только о крайней плоти, а в народе называли святыню менее ясно: «святая благодать» или «свитой дар».

Как бы то ни было, в XVI-м столетии реликвия исчезла вследствие взятия Шарру гугенотами. К XIX веку память о ней почти изгладилась.

В 1866 году рабочий-каменщик, разрушив часть стены, нашел два ковчежца с мощами. Тогдашний епископ, пресвященнейший Пий, тотчас уведомленный об этом, велел перенести их в архиерейский дом; там они подверглись тщательному осмотру.

Когда открыли ковчежец св. крайней плоти, то обнаружили три ящичка, заключенные один в другой. Последний из них содержал два куска дерева, крестобразно положенных и удерживаемых какой-то массой, и два кусочка чего-то твердого и весьма неопределенного. Это могло быть ссатками яслей, но пресвященный признал это за кусок несохнutoго тела и за застывшую кровь, о которой говорит булла Климента VII. Приказом 14 июня 1869 г. он объявил, что обретенны древние реликвии, хранившиеся в Шарру, и официально поручил их хранение монахиням урсулинкам, в стене жилища которых они и были найдены.

«Восстановление» мощей имело место в июне 1862 года, в чрезвычайно торжественной обстановке, в присутствии всей администрации и **судебных властей**. Тогда же пресвященнейший Пий возобновил древний церемониал и торжественные выносы мощей народу каждые семь лет.

Жители Шарру, рассчитывавшие в будущем на привлечение богомольцев, решили воздвигнуть для реликвии грандиозный храм. В виду этого мэр просил у министра внутренних дел разрешения на устройство леттерей, доход от которой предназначался на постройку храма, достойного «этой единственной в христианском мире реликвии, этой святыни, которая, — пишет увлекшийся мэр, — **у ног своих** видела восемь веков».

«Ноги святой крайней плоти» имели большой успех в прессе. Пресвященнейший Пий, осмелившийся в XIX веке возобновить такой скабрешный культ и обнаруживший большую беззаботность по части исторической критики, подвергся нападкам. Не приминули, разумеется, подчеркнуть деликатность прената, поручившего набожным девицам хранение вещицы такого рода.

Пресвященнейший Пий почувствовал себя задетым и решил созвать в своем кафедральном городе церковный собор, с целью отразить нападения по поводу возбуждающих страсти, мощей. Он доставил себе этим повод для защитительной речи.

«Первым таинством страдания в жизни нашего божественного спасителя», — говорил епископ, — «было совершенное в Вифлееме обрезание, на 8-й день по рождении божественного младенца. Люди нашего века лишены простой веры, порождаемой серьезным отношением к тому, что сообщает нам об этом предание. Они презрительно улыбнулись бы, если бы, например, слова, содержащиеся в такой, одобренной церковью, книге, как «Откровения св. Бригитты», попались им на глаза. Что касается нас.... раз обстоятельства вынуждают нас говорить о таких скандальных вещах, — мы признаем, что не обладаем «силой ума», которая позволяет относиться только с предупреждением, отрицанием и насмешкой к тому, что у людей, как Суифт, Сальмерон, кардинал Толе, папа Бенедикт XIV и др., вызывало серьезные и важные мысли».

Современная истина, что только обстоятельства заставили прелата исследовать эти любовательные мощи, но они все же не принуждали его так легко признавать их подлинность: ведь, столько других церквей хвалятся, что обладают подлинной же реликвией. Разве он не мог пригласить физиолога осмотреть эти кусочки дерева, призываемые им крайней плотью лишь на том основании, что такая реликвия некогда почиталась в Шарру? Не могли повести его на подозрительные противоречивые легенды, припущенные в разных других местах и в самом центре католицизма? Преподобный не мог этого отрицать и оправдывался довольно неудачно:

«Верховные иеросвященники в своих разрешительных буллах по поводу выставления и почитания мощей этого монастыря упоминали о предании, связанном с этим специальным культом, только прибавляя обычные формулы: «как передают, как благочестиво верят». Только с помощью таких ограничительных оговорок, устраняющих вопрос о подлинности, и могли иногда папы признавать духовную благодать за тождественными реликвиями в различных местах и допускать для употребления в отдельных церквях легенды, которых нельзя было бы примирить между собой».

Этот церковный прагматизм попросту узаконяет бесчисленное количество мошенничеств, фабрикации реликвий и намышление легенд.

Наконец, чтобы покончить с этой жалкой апологией, приведем собственное признание епископа относительно этой реликвии: «Ничто не давало права, в сущности, ни отрицать, ни подтверждать паличность этих специальных мощей, на кои указывала надпись и вековая традиция».

Этот странный метод мышления, принимающий, не поморщась, лезть за истину и делающий из нее, без колебания, основу публичного культа, позволяет нам понять, с какой легкостью первые фабриканты мощей успокаивали свою совесть, создавая свои невероятные реликвии. Они мастерили их для «вящей славы божией» и для пользы церкви. Другие их поддерживали и защищали, даже зная о подлоге, из боязни обмануть искренних в вере и, без сомнения, также из не скрываемой любви к доставляемым доходам *).

*) Данная статья взята из книги: P. Salutyves — „Les Reliques et les Images légendaires“; стр. 107—184; Paris, 1912 г.

Религия и женщина.

(Некоторые материалы для дискуссии).

„Курица не птица, баба не человек“.
„Волосе долог, да ум короток“.
„Бей бабу медотом, она будет золотом“.

Задавленная обидями экономическими условиями существования, более угнетенная и беспомощная, чем мужчина, темная раба общества, мужчины и своего собственного организма, женщина чаще, чем мужчина, при прочих равных условиях, предается религиозности. А, между тем, именно религия, вне зависимости какая, всем своим авторитетом перед темными массами освящает и освящает униженные жемчужины.

Но религиозным сказкам христиан уже самое появление на свет женщины как бы предопределяло ее низкое положение: она-де создана из кусочка ребра мужчины, ничтожной и ненужной косточки.

Первый же шаг только что сотворенной женщины был, но «Библии», «грех»: она преступила заповедь Божию. Искусил ее, страшный «обольститель»—дьявол, который, по свидетельству апостола Павла, в случае нужды, даже «принимает вид ангела света» (II «Кор.», XI, 14). А не то что какой-нибудь змея. И, все-таки, уже третье тысячелетие проповедуется мерзвейшая сказка о том, что женщина сама виновата в своем унижении.

«Жене сказал: умножая **умножу** скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» («Быт.», III, 16).

Бессмысленнейший рассказ: всезнающий бог не знает, что люди согрешат, или знает, но нарочно провоцирует грехопадение через дьявола, которого сам же создал. Дьявол принимает образ змея, и наказана змея за то, что в нее вошел дьявол. А какая змея была виновницей? Уж, гадюка, удав, медянка, кобра или еще какая-нибудь? И, однако, бог проклял всех змей, велел им «ходить на чреве» (а до этого змея на чем ходила?). «Будешь есть прах во все дни жизни твоей» (ст. 14), сифрено приказывает бог, но ни одна змея землей и пылью не питается. Адаму (и, значит, всем потомкам его) указал: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (ст. 19), и, однако, было и есть множество бездельников, истомивших только за обедом. И, наконец, проклятие женщине, по сути дела виноватой не более только что начавшего ходить ребенка и разбившего голову—нибудь вещь в отсутствие родителей.

И за это наказаны все женщины? Да, именно за это, уверяет христианская церковь.

Бог «авторитетное» свидетельство «апостола Павла» в I «Тим.», II, 11 ст.: «жена да учится в безмолвии со всею покорностью; а учить, жене не позволяю, ни властвовать над мужем, **но быть в безмолвии**. Ибо пре-

где создан Адам, а потом Ева, и не Утэм, а Утэм, но не она, преступившая, была в преступление. Тирекам, «созданная для радости, если пребудет в вере и любви и в святости», «делает другим, если уходит, «уничтожь» до несчастней из женщин» (религиозный текст, «новейший» «делами церкви и не имений мужья».

В другом месте «священно писанное» пишет: «созданная» «древней мужскими на господство» «жене» «вынужден» своим мужем, как «послуду», потому что муж есть глава семьи, как и христос глава церкви... Как церковь повинует христу, так и жены своим мужьям во всем... (Сифеес., V, 23 с.л.).

Этот замечательный «страшок» «священно писанья» мигает при том называемом «вершинном» у христиан (даже и у баптистов при «калечении браков» «кто кармиле» «закази» «ветей» «ривем» «читающего» «аностол»: «а жена до боити мужа».

«Жена не властна над телом, но муж» (I «Кор.» VII, 4), «середит» «отже» «аностол»: «хочет муж ласки твои использовать, как ему в голову пришло—его дело, но скрестуй ему; хочет колотить—он хозяин; хочет вернуть бежавшую от побоев жену—он властен над телом жены и т.п. и другой».

«Всякому мужу глава христос, жене глава—муж, а христу глава—бог (?)» (I «Кор.» XI, 3).

«Неприлично жене говорить в церкви» (XIV, 34—35),—даже «идея» «находит» «возможность» «уколоть» «женщину» «св. аностол».

«Св. апостол» «нашел» «возможным» «уделить» «у себя» «место» «даже» «для» «рассуждений» «о» «невозможности» «женщинам» «стричь» «волосы» «или» «ходить» «с» «не» «покрытой» «головой»: «если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой—пусть покрывается» (I «Кор.» XI, 6). И дальше, «послание» «развивает» «обословленную» «тезису»: «муж» «не» «должен» «покрывать» «голову», «потому» «что» «он» «есть» «образ» «и» «слава» «божия» (очевидно, бог главы не посыл, но мнению «аностолов»); «а» «жена» «есть» «слава» «мужа». Ибо не муж от жены, но жена от мужа, и не муж создан для жены, но жена для мужа. Посему жена и должна иметь на голове свой знак власти над нею» (ст. 7—10).

Вот оно в чем дело: хоть и очень это нехорошо, а все-таки понятно, почему в церкви мужчины снимают головные уборы, а женщины, наоборот, не делают «простевососиться». И можно еще много встретить крестьянок (и именно замужних), которые при поостроившем мужчине не «визжат» с головы платка. Выходя замуж, крестьянка, например, Воронежской, Рязанской, Тамбовской и др. губ. подберет косы и надеет на голову значный «знак власти над нею».

«Взгляд на женщину, как на существо бесправное и шенного перьяка,—идет через все «священно писанное»: «как» «жесткой» «жены» «ближнего» «твоего», «ни» «раба» «его», «ни» «вола» «его», «ни» «осла» «его»... (10 заповедь, «Исх...», XX, 17).

Самые большие праведники имеют по несколько жен. Даже знаменитый Авраам, душа в душу проживавший с женой своей Саррой до глубокой старости, приживший от нее сына Исаака, будучи 100 лет (а Сарра—90), супружеский союз которых Исаак «златует» называет «свещным» «любви»,—живет со служанкой своей Агарью, которая рождает ему Измаила («Быт.» XVI), и, кроме того, имеет еще одну жену—Хеттуру (XXV, 1—2); Иаков имеет две жены (Рахиль и Лия) и двух наложниц (Валлу и Зелфу).

Этих десятиженцев затывает за него первый царь—«святый» Деуль, у которого жены исчисляются уже десятками. Мельхоль (I «Ир.» XVIII, 27—28), Ариел (XXV, 29), Ахисоамь (ст. 13), Мельх., Агифа, Ахальм-

Зина (II «Ц», III, 2—3). Ватем упоминаются еще безымянные: «и жена Давид еще палокниця и женъ въ Иерусалима, когда придетъ въ Хермонъ» (V, 13). Наконец: Вирсавия (XI) знаменитая Ависага (III «Ц», I, 1—4), которую Давид взял, «чтобы она ходила за ним, и аскала с ним», тогда как за старости ему было очень холодно, а одеяла никак не согрелили царского тела.

В этом случае «библия» освидетельствует древний дикарский обычай—омоложившая стариков половым общением с молодыми девицами.

Но исключительной своей эволюционности, все известные образцы (любое время и места) превзошел знаменитый царь Соломон, о ком «священническое писание» благословенно вещает: «и было у него 700 жен и двести палокницъ» (III «Ц», XI, 3).

Глушебные анекдоты с женщинами в «библии» принадлежат, как **священно-назидательные** истории: Авраам—святой праведник, кому Иисус отводит место «заведующего раем» («Лк», XVI, 22 ст.), дважды торгуется красотой своей жены («Быт», XII, 10 ст. и XXI, 1 ст.), при чем от этой торговли «было Аврааму хорошо ради нее (Сарры); и был у него скот и крупный скот, и ослы, и рабы и рабыни». Вот поэтому-то «святой» Иоанн издает и вызывает брак Авраама и Сарры «венцом супружеской любви» (XXXII беседа на кн. «Бытия»), а «ап. Петр» рекомендует женщинам: «также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям... как Сарра повиновалась Аврааму» (I посл. III, 6).

Этот благочестивый пример наживы богатства подействовал и на составителей не менее благочестивого жития «святого праотца» Исаака, который продал, будто бы, свою жену царю Герарскому Авимелеху («Быт», XXVI, 6—14). Правда, этот религиозно-нравственный пример (вплоть до имен) списан с жития Авраама (XX), но это еще более подчеркивает, как восторгается «богочеловеческая» книга этими благочестивыми поступками. «И стал великим человек сей до того, что стал весьма великим» (XXVI, 13), сладострастно мечтает «священный писатель», обрисовывая торговлю Исаака собственной женой.

Когда «святой праведник» Лот оказался перед настоящим желанием «сломать» пришедших к нему в гости ангелов, он просто предложил этим людям: «вот у меня две дочери, которые не познали мужа; лучше я выведу их к вам, сделайте с ними, что вам угодно, только людям сим не делайте ничего» («Быт», XIX, 8). Этих дочерей «библия» далее изображает наивными «отца своего племени» и близкими с ним, чтобы «составить от отца племени» (ст. 36—36). Это кровосмешение не изменяет в вину «праведнику сему», потому что его задумали и осуществили дочери его. Лот остается «праведником», как свидетельствует «ап. Петр» (II посл. II, 7—8).

Сюжач, и, все-таки, «святой праотец» Нуда, за «козленка из стада» похваляется ласками своей вдовы невестки Фамари, и велик, однако, скверъ ее на ксатре, узнав, что она «беременна от блуда» («Быт», XXXVIII). Этот взгляд на «блуд», усвоенный всею в буржуазном обществе, показывает, как далеко простирается власть мужчины над женщиной, насколько он твердо считает вправе допускать половые шлепачные сношения для себя, и ни в каком случае для женщины.

«Законы божии», опубликованные, якобы, Моисеем, вводят этот взгляд в непререкаемое положение: «если обольстит кто девицу несобранную и преснет с нею... пусть заплатит столько серебра, сколько полагается за девство» («Исх», XXII, 16—17). А, если кто возьмет жену и скажет, «я не видал у ней девства» (далее идет туснейшее описание способа установления действительности жены путем, который и до сих пор приме-

приведет человека по Угариту и — если его желание будет истинно, то откровению пусть поведет человека по смерти. И так истреби зло из среды себя» (III, XXII, 11—12).

Если кто соделает жену и она не найдет благоволения в глазах его, пусть вышлет ее разлучное письмо, и даст ей в руки, и отпустит ее из дома своего» (III, XXIV, 1).

«Что же прощ?» А то подумали «фарисеи», да неки на содержание. Рязанцы христианские, о подлинности и целостности буржуазного брака, а также о том, дох-ды, панши нужным, и возможным вообще сменить развод. Хотя бы совместная жизнь была адом, хотя бы пенши были доми друга муж и жена — должны жить вместе, ибо «что бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мрк., X, 4), и «свежий, разводящийся с женой своей и женившийся на другой, прелюбодействует и второй, женившийся на разводящейся с мужем, прелюбодействует» («Иср.» XVI, 18).

Но, если, все-таки законодательство Моисея знало развод по тому же «закону божию», то во всем его законодательстве нельзя найти ни строчки о разводе **по желанию женщины**. Ведь это все равно, если бы от женщины вдумала уйти лошадь.

Можно представить себе, как тяжело собственному мужу узнать, что жена его изменила ему. Если это установлено — куть ударил богом, побить камнями. А если имеется только подозрение, и это подозрение не может быть проверено?

Бог, выросший в головах собственников мужей, и здесь имеет «зачет»: если изменит кому жена, и это будет скрыто от глаз мужа ее, и не будет на нее свидетеля, и найдет на него (мужа) дух ревности, пусть приведет муж жену свою к священнику (сенеца на все руки) «и приносет жертву» (не задаром же!).

Дальше — дальше, с мерзавскими подробностями, описывается процедура «накалывания» жены: изменщицу поят отравленной водой, прикладывают, и «если жена не осквернилась, то остается невредимой» (1); если «если она несчастна, горькая вода, лаводная проклятие, войдет в нее по вреду ее, и опухнет чрево ее, и опадет лобо ее» («Числ.» V, 11 сл.).

Все это слажено вводимое: «и сказал господь Моисею, говори: обличи сынам израильтевым».

Эта расправа с женщиной (иначе эту жестокость нельзя и назвать) так же удобна, как применявшийся в средние века способ расправы христианских рыцарей с «ведьмами»: женщину бросали в воду. Если она держалась на воде, значит дьявол помогал ей. Тогда «ведьму» убивали. Если же несчастная женщина тонула, рыцари благочестия служили панихиду по «усоншей» и говорили, что несчастная жертва идет в рай. Следовательно-де, все вышло к лучшему.

Поскольку женщина является собственностью мужа, ее можно, по «закону божию», даже передавать по наследству (т. е. «левират» — обычай, по которому вдову брата брал себе в жены младший брат) («Втор.» XXV).

Общий взгляд «священного писания» здесь уже и на этого. Достаточно привести еще свидетельство из «Быт.» где автор ее (по словам рыцарей — Соломон) говорит, что горше смерти женщины и, если еще среди мужчин он смог найти достойного «одного из тысяч», то «женщины между всеми ими не нашел» (VII, 26—28).

Впрочем, в любовных утехах женщина и «священному писанию» рисует в довольно соблазнительных видах. Иначе то старый греховник (рыцарки вновь уверюют, что сам Соломон) вдумал ответить любви.

И как дань ей опирается при этом женщина: «прекрасна ты, возлюбленная моя, как Фирца... Угловы очи твои от меня, возлюбленному, что они до нас?.. мени... Как половинки гранатового яблока, ланиты твои под курами твоими... О, как прекрасны ноги твои, Обручение бедр твоих, как сереженья... Два сосна твои, как два колена, двойны сирени... Ягод стаи твои подох на пальму, и груди твои на виноградных ветви. Подумал я: влюб бы я на пальму, ухватился бы за ветви ее, в груди твои были бы вместо листьев виноград...» («Песнь Песен», VII).

Церковники уверяют, что вдохновитель «свадебного писания» — сам «св. дух». И, все-таки, говорят, что он бесноватый.

Но, конечно, это только одна реальная страница в «библии», а те «свадебная женщина» и «престому сосуду посвященный». Другие «свадебные песни» вообще стригали возможность даже и с этой стороны обратиться к женщине. Сам же христос — скажи: есть сводцы, которые осквернены от людей и есть сводцы, которые сделали сами себя сводцами для **царства небесного**. Могили всесвятых, — да вместе!» («Мф.», XIX, 12). Неудобно ли последовать этому священному примеру?

И следовали: знаменитый христианский богослов Ориген сам основал себе тысячи «дуверов сводцов» следовали этому примеру, а другие «свадебные» церковные добровольно обрели себя на отречение от полового общения с женщиной.

Тот же Пероним «облаженный» упрямо говорил: «брак всегда грех».

«Святой» Антоний всю жизнь был мучим сладострастием и, однако, выдерживал посту и не позволял дьяволу соблазнить его на полорожье «свояченице» и «прелестнейшими женщинами», за что и сделан «святым».

Это он говорил о женщине, что она «замало всякого преступлений и орудие дьявола». «Когда вы увидите женщину, считайте, что перед вами не человеческое существо, а сам дьявол».

«Святой» Кириак мудрствовал о причине смерти так: «необходимость смерти вызвана существом женщины. Будем же гнать от себя эту чуму, эту язву, нашу погибель».

Один из виднейших древних христианских богословов, Тертуллиан, так отзывался о женщине: «женщина — первопричина гибели человечества, дверь, ведущая в ад. Она поглотила во всех грехах, начиная от преступления Адама и кончая раскаянием спасителя... (!) «Тебе следовало бы плакать всегда самое печальное и тяжкое существование, ходить по земле с опущенными глазами, полными слез раскаяния, чтобы заставить забыть о том, что именно ты погубила род человеческий».

Достижению «царства божия» вообще связало с отказом от общения с женщиной: таково, в особенности, монашеское «подвижничество». Монашеские уставы всячески «шелокут» женщину, объявляя монахов «бегать от нее, хотя бы это была родная сестра или даже мать».

Уставом Афонского монастыря запрещено пребывание в нем женщины. Существует благочестивое поверье о том, что даже птица женского пола, если залетит на Афон, упадет мертвой.

В римско-католической церкви священникам брак запрещен. Настоящие причины этого запрещение кроются в женской власти римского папского престола: папство возникло после их смерти поступило в распоряжение церкви, но благочестивой основой, все-таки, признательности слова Иисуса о «свободности» («Мф.», XIX, 12).

По христианскому обычаю женщина, как особо-греховное существо, не допускается в алтарь. Ей запрещен вход в церковь после покоевого сна (замужней женщине непременно полагается омыться перед входом в церковь), запрещено пожиматься «перед лицом бога» во время

посранных очищений, ибо она нечиста, а кто прикасается к ней (или к ее одежде) нечист будет до вечера — даже кто прикасается к постели ее нечист будет до вечера» (ст. 19 ст. 1).

Самое рождение человека — христианская церковь считает греховным делом. После родов женщина считается нечистой (течение сорока дней). Христианский пош, даже упрощенный роженец, не имеет права лавить, целовать крест, а может только «назвать» ее. Божественное обоснование этого унижения находится в XII «Лев», где сам бог определяет положение роженца: «Если же она родит младенца женского пола», то будет нечиста **восемьдесят** дней. Даже в этом подчеркивается особенность и греховность женщины.

«Святые отцы» христианской церкви в свое время сочли необходимым раз навсегда определить положение женщины. Тысячи громовых проклятий, сыпавшихся на женщину со стороны выдающихся богословов и самого священного писания, — требовали определенного решения: что такое женщина вообще? Она — «сосуд дьявольский». Так может покончить с ней раз навсегда, признать ее не человеком? Само «священное писание» как будто свидетельствовало об этом: в Адама бог «вдунул дыхание жизни и стал человек душою живою», а женщину престо «создал из ребра, взятого у человека, и привел ее к человеку». Быть может в ней и души то нет?

Яростная полемика расников предшествовала решению этого вопроса. Наконец, церковный собор в 585 г. в Макоме поставил этот вопрос на голосование. Ехидное предание передает, что вопрос был решен в пользу женщины большинством только одного голоса, и тот — западный расник, который на самом деле был женоненавистником. Церковное обоснование этого благочестивого решения было определено так: Иисус называет себя «слабим человеческим», но отец его бог. Значит мать его — человек, хотя и женщина. Следовательно, женщина имеет душу и должна заботиться о своем спасении.

Невнятно, что вовсе не эти благочестивые соображения победили: победили практические доводы. Отвергнуть большую и наиболее религиозную половину верующего стада — женщин — от церкви, было, конечно, материально и политически совершенно невыгодно. И христианская церковь не ошиблась: этим ничтожным признанием она приобрела себе могучую опору.

Но долго еще продолжалось фанатическое преследование женского рода расниками. Средние века были свидетелями необычайного по размерам гонения на женщин, которых обвиняли в сношениях с дьяволом. Тяжкие переживания того времени — войны, чудовищные эпидемии, голодные годы вызвали взрывы религиозности. Эта религиозность была использована христианской церковью, создавшей особое учение о женщинах, которые заключают союз с дьяволом, имеют с ним половое общение и своим колдовством вызывают эпидемии, неурожай, спотыкий надей и проч. Подозреваемых в сношениях с дьяволом женщины по ничтожному подозрению привлекали к суду и следствию, подвергали самым невероятным пыткам и мукам и десятками тысяч сжигали на кострах. И теперь еще явны отголоски этого фанатического изуверства в рассказах наших крестьян о ведьмах, шабаше на «лысой горе» и проч.

За все это темная женщина платит религии рабской приверженностью. Она целует руку, которая ее нещадно избивает.

К вопросу об эволюции религиозных верований.

Основой марксистского мировоззрения служит материалистическое объяснение природы и общества, при чем природа и общество рассматриваются в постоянном изменении и развитии (диалектический материализм).

Идеология людей меняется вместе с изменением общественных форм; так же изменяется и религия.

Изучение развития религии имеет большое значение для выработки мировоззрения, так как помогает освободиться от мысли о божественности религии. Поэтому, эволюция религий занимает видное место в антирелигиозной пропаганде.

К сожалению, точная зависимость религиозных форм мысли от социальных условий для нас отчасти утратилась вместе с гибелью старых культур. О хозяйственных условиях прежнего времени мы знаем сравнительно мало. Поэтому, зная довольно много об эволюции религий, мы можем связать ее с эволюцией хозяйственных и социальных форм только в самых общих чертах.

Но и при этом пробеле эволюция религий имеет большую педагогическую ценность. Обращаясь к антирелигиозной литературе, особенно оригинальной, мы видим большую ложность изложения. Например, знаменитые труды «Миф о христе» или «Жил ли апостол Петр»—А. Дрейса написаны в виде анализа множества фактических сведений; синтез выпадает на долю читателя. Но это довольно сложная и отвлеченная работа, особенно, если принять во внимание необычные имена древности и далекую от нас, древнюю жизнь.

Поэтому я думаю, что для популяризации истории развития религий необходимо или издать словарь религиозных понятий, культов и т. д. или составить таблицу, наглядно показывающую, как пришли различные религии к их современной форме.

Ниже я и делаю первый шаг в этом направлении, призывая товарищей-атеистов общими усилиями закончить эту работу.

Составить свихристическую таблицу довольно трудно, так как мы не знаем сколько-нибудь точно длительности тех или других эпох. При этом идеология всегда переживает создавшую ее социальную структуру, а в своих атавизмах долго хранит выводы и понятия прежних эпох.

Поэтому я ограничусь «рядами». В каждом ряду схематически представлено историческое развитие того или другого факта религиозной истории, начиная с древности.

1. Первоначальный коммунизм—патриархально-родовой быт—племенной быт—феодализм—торговый капитализм—машинный капитализм—финансовый капитализм—социализм.

2. Первобытно-магическая сила при низкой технике труда—анимизм—фетишизм—душа растительности, солнца, сна природы—бог-спаситель, правитель мира—бог-дух («солнце», «абсолют» и т. п.).

3. Душа покойника—духи предков—дух в частице покойного (могица)—духи, населяющие горы, леса, воздух и т. д.—духи, управляющие солнцем, растительностью—Озирис, Таммуз, Адонис, Атис, Митра, Иисус до-христианский—спаситель, целитель—Иисус христианский.

4. Складные гробов-духов в местах погребения (скалы, камни, горы, вода)—царство духов—царство небесное—загробная жизнь египтян, странствия с опасностями (догоняющего свою гробу)—загробная жизнь христиан—рай—ад.

5. Наклонение огню—кресту—Иисусу на кресте.

6. Тотемы—обожествление животных (теляца, ягненка)—солнце. Теляца, ягненка—солнца в Овне весной в пересечении (кресте) экватора с экватором—ягненок на кресте с ореолом солнца—Иисус на кресте с ореолом солнца.

7. Первобытная магия (подражание природе, желание подчинить ее)—колдовство над урожаем, болезнями, дождем (молитвы, окропления, водосвятия)—религиозные церемонии (драматизация)—обряды—догматы.

8. Земное царство—царство богов; человеческая семья (отец, мать, дети)—семья богов (солнце—отец, земля—мать, растительность—сын).

9. Человеческие жертвы (кормление духов кровью)—шутовской парь в Риме, Персии, Иудее (драматизация начала весны)—жертвы животных (или кукла, заменяющая человека)—описания у пророка Исайи—евангельские рассказы об Иисусе.

10. Камень, обожествляемый, как место погребения («вселенный дух») — камень—жертвенник,—камень, как орудие охоты,—камень для высечения искры.—бог-камень, он же ключарь египетской мифологии—Иисус—Атлант—Митра—апостол Петр (камень церкви)—«святой папа» (папас)—«креп».

11. Колдун—жрец—знахарь—поп.

12. Рождение чудесным образом в день солнцезворота—Гор, Таммуз, Заратустра, Будда, Митра, Иисус. Воскресение богов—Озирис (кукла), Двонис, Таммуз, Митра, Иисус (плащаница).

13. Нравственные изречения, притчи—молитва «отец наш»—египетская книга мертвых—библия, талмуд—святости.

Капиталистическая прививка и 7-ая годовщина Красной армии.

С изданием 4/1—1919 г. декрета об освобождении от военной службы по так называемым религиозным убеждениям в наших судах можно было наблюдать большое количество дел, возбуждавшихся гражданами по этим основаниям. Значительное количество этих дел падало на так наз. последователей учения Л. Н. Толстого. При московском „Объединенном совете религиозных общин и групп“ был организован специальный конторский аппарат по части проверки искренности религиозных убеждений, кои мешали нести военную службу в рядах Красной армии. Эти специалисты по части отказа от защиты Республики трудящихся возомнили себя настолько компетентными в области внутренних убеждений, что стали выдавать даже удостоверения в том, что, исследуя явившееся к ним лицо, нашли искренность его религиозных убеждений вполне установленной. А затем, выступая в судах, эксперты поддерживали свои заключения и заверяли Суд, что искренность исследуемого вне сомнения.

Правда,—Суды иногда обнаруживали очень странные явления в этой области.

Например, большой % лиц, внушавших доверие этим церковным экспертам,—состоял из офицеров царской армии, до 1917 г. тоже искренно сражавшихся за интересы империалистической клики и заслуживших значительные чины. Они вдруг убеждались, что, служа в Красной армии и, тем самым, принимая участие в борьбе против угнетателей,—поступают против своей религиозной совести, вернее, против своей буржуазной совести. Но этого, само собою разумеется, церковные эксперты-специалисты не устанавливали. Были случаи, когда даже священники воинствующей православной церкви требовали перед Судом освобождения их от военной службы. Среди этой публики поражал большой процент сынков бывших помещиков, которые тоже вдруг делались ревностными последователями религиозных учений, главным образом, учения Л. Н. Толстого.

Убедительным доказательством „искренности“ таких лиц служил для таких экспертов факт прочтения ими двух—трех произведений графа Толстого.

Может быть, были и другие, менее мудреные, способы проникновения внутрь. В 1921 году часть членов „Объединенного совета религиозных общин и групп“ была привлечена к уголовной ответственности за выдачу удостоверения об искренности отказа от военной службы дезертиру, который и сам не отрицал этого обстоятельства.

Так использовывали гуманнейший закон Рабоче-Крестьянского Правительства о свободе религиозных убеждений разные церковные и, именующие себя для большего злобства действий, вне—церков-

ными, религиозные обещания, бери под свою защиту дезертиров долга перед Советской Республикой.

За 1924 г. партия резко изменилась, несмотря на то, что в этом году Красная армия вновь освежала свой состав призывом на военную службу очередного года рабоче-крестьянской молодежи. Производилась и допризывная подготовка. Тем не менее ходатайств об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям как всю Московскую губернию поступило в соответствующие судебные инстанции только... 13.

Это доказывает, что с ростом и укреплением классовой сознательности, в рядах Рабоче-Крестьянской молодежи не стало почвы для религиозно-мещанских настроений. Молодое поколение трудящихся, коим пополняются кадры нашей Красной армии, вполне усваивает себе, что, в капиталистическом окружении, только крепко сплоченная, классово-сознательная, чуждая религиозного дурмана, вооруженная Красная армия—даст возможность наладить народное хозяйство и обеспечить трудящимся условия для мирного строительства своей трудовой жизни.

При таких условиях поповская проповедь непротивленчества международным бандам биржевиков тем более становится чуждой классовому сознанию трудящейся молодежи. Идеи религиозного непротивленчества—под каким бы то ни было сектантским соусом—могут увлекать лишь сынков бывших помещиков, кулаков, безработных попов и им подобных элементов паразитического происхождения.

При дальнейшем осознании трудящимися их прямых классовых интересов—вся эта религиозная накипь евангельских добродетелей и „совершенств“ улетучится без остатка.

НА КНИЖНОЙ ПОЛКЕ.

Редакция журнала „АТЕИСТ“, учитывая нужду в антирелигиозной библиографии, будет из номера в номер давать библиографический отдел, состоящий из двух частей: из обстоятельных рецензий, посвященных разбору наиболее интересных и значительных сочинений по вопросам антирелигиозной пропаганды и агитации, и из библиографической сводки, охватывающей, по возможности, литературу, книжную и журнальную, по указанным выше вопросам. Эта библиографическая сводка является продолжением указателя „От религии к науке“ (изд. „АТЕИСТ“, 1925 г.), охватывающего книжную и журнальную литературу по вопросу о религии и ее критике с 1917 г. по 1-е января 1925 г. В нашей библиографической сводке так же, как и в названном указателе, звездочкой отмечаются те работы, которые рекомендуются нами для читателя средней подготовки.

I. История религии и церкви.

* 1. БОГДАНОВ, А.—Учение о рефлексах и загадки первобытного мышления „ВИА“, 1925 г., № 10, стр. 67—97.

Применяя теорию рефлексов к разъяснению и предсказанию кажущейся загадочности и иррациональности некоторых черт первобытного и вообще отсталого мышления, Богданов пытается вскрыть также и механизм первобытного магии.

2. ВАСИЛЬЕВ, А. А.—Падение Византии. Изд. „Academia“ Л. 1925 г., Стр. 143.

Некоторые страницы интересны для истории византийской церкви.

3. ГОСЛАР, Г.—Современная Америка. Перевод с нем. Бак. Изд. „Петроград“ Л.—М. 1925 г., Стр. 138.

В главе „Духовная жизнь Америки“ несколько страниц посвящены роли и возможности церкви в Америке.

4. МАГАРАМ, Э.—Китай. Изд. „Московский Рабочий“, М. 1925 г.

В главе „Белый лик“ даны сцены из современного китайского быта. Несколько страниц посвящены и религиозному быту.

5. ПОБЕДОНОСЦЕВ, К. П.—Письмо к Александру III. С предисловием М. Покровского. Изд. „Н. Москва“, 1925 г.

6. ПАОЗЕРСКИЙ, М.—Чудотворец в последках Романовых. „З“, 1924 г., № 5.

Статья посвящена известному шарлатанству, Иоанну Кропотадекому.

7. ПАОЗЕРСКИЙ, М. Галюн и Сянод. „З“, 1924 г., № 6, Стр. 154—174.

8. СРЕДНЕВЕКОВЫЙ БЫТ.—Сборник под редакцией А. Добняш-Рождественский и др. Изд. „Время“, О., 1925 г., Стр. 268.

9. СУХОПЛЮЕВ, ИВАН— Происхождение религиозных верований. Изд. Украины, Харьков. Стр. 74.

10. ТРЕГУБОВ И. Среди сектантов-жолдан. „Н“, 1925 г., № 36.

Эта любопытная заметка рисует попытку сектантов (жолдан) приспособиться к новым условиям жизни.

11. ТРЕТЬЯКОВ, С.—Антихристианское движение в Китае (Нисцзо из Пекина). „Н“, 1925 г., № 38.

Очень интересное письмо агента Третьякова рисует первичную связь христианских миссионеров в Китае с княжеским империализмом. Антихристианскому движению в К. посвящена также корреспонденция А. Иванова „Антирелигиозное движение в К“, помещенная в „Н“, 1925 г., № 41.

II. Антирелигиозная пропаганда,

12. ВИЛЛА, А., проф. Миланского Народн. университета.—Религия в свете науки. Перев. А. Рольдараб, под ред. и вст. ст. Гиз, М. 1925 г., Стр. 204.

13. ГУРЕВ, Г. А.—Антирелигиозная христианства. Методы для пропаганды,

пропагандистов и учащихся. Т.—Г. Религия, наука, коммунизм. Изд. „Гомельский Рабочий“, Гомель, 1925 г., Стр. 509.

Т. Г. Христианства разбиты на 9 отделов: 1. Определение религии. 2. Наука и бог. 3. Учение о религии. 4. Знание и вера,

... г.ч. м<1 mil ; IV n II' i i m'l.- №11U
... II |-----и ... М. ГГ
... И № 14' И ? И Б

117h I П | . и.
I I :Г ЛЕИ4НИ;) Λ Промысел йюий.
1:1. Квр I.rri'iuu," 1,(.1.1'ни:Ц !. «/Д.
I . r, , , „I.
is. ЧОСТЕЛОВСКАЯ, М. --06 ошибок
аьтарнигнозной пропаганды. „11". 1925 г.
• V 29.
Ні. КРЕЛТЮНОВ. ДАНИИЛ. --Попы и под-
(Югйии. i'n'.iaai. Гю. М. 1925 г.
, ітіі ОЫД ГУЛИ.--Манс Хавелаар. (Авто-
|сар 11 ни роман).
Г'АРІМАНОС, Н. Н. Пир (Священный
>M t I и Ггь. Изд. Научной Ассоциации
I ч л ния при ЦИК. СССР. М. 1923 г.
) . " , „И". 1925 г. Л? МВ
1 ПЗЧЧ Т.--Век разута. Исследование
I и Іменой теологии. Порви. А. К.
fa » ад. Иснокд. Ком. 9-го Абщек.
сада. LL-Щтагов и Канады, Нью-Порк.
112 I ,р 138.
'ю I; I'н чсе знаменитого рационалиста
\ і I мі имеет ныне лишь историмест-
t " • іі'. Оно наквозь пропитано деиз-
0 | еі од плохой.
21 РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ.—Теме
) I і гь пцен довольно значительный но
куему (50 страниц мелкого шрифта). „Ан-

тпрол. отдел" в „Комм. календаре"
1925 г. Изд. Московского рабочего".
21. ТИМ, С.—Кто сотворил Лога? loiom,,
тока „Молодого Ленинца". Сиз. Vi; разно. I.
.1925 г., Харьков.
22. ШЕЙНМАН, М.—Огнам и кроимо по
имя бога. Под ред. М. Гороза. С нр личи
вием Ем. Ярославского. 2-е издан. Гил.
1925 г. Стр. 79.
„Доспшгство работы М. Шлнш.ща и.
ключается в том, что он умели... щи.
особенно «а примерах ип.г.пс. дней, іп ре
.Iигия прикрывает последние шшитим \мм
рающего мира бурлсуазно'п н п. \н „ичп-ч
собственности удоржать за соппл мат. •
(Из предисловия К. Ярославского).
23. ШИПУЛИНСКИЙ, Ф. Восинние нрмзд
МИИ И ІХ история. Гиз. 1925 г. Стр. .О.
*24. ЗФФЕРОТ, ГУГО. Библии безбожник!
Второе, дополненное издание. Гиз. і\I. 1925 г
Стр. 36(5).
25. ЯРОСЛАВСКИЙ, ЕМ. Антирелигиозная
пропаганда и деревенские ячейки. (Но мац
риалам смотри сельских ячеек). „11" , 1925 г.,
As 38.
26. ЯРОСЛАВСКИЙ, ЕМ.- О методах анти-
религиозной пропаганды. (Вынужденный от-
вет г. Костелевской). „11", 102 » г., As 23.
Статья ата напечатана также в газет
„Безбожник", 1925 г., 3, под заголовком
„Об ошибках т. Костелевской" Ответ т. Ко-
стелевской см. в „11", 1925 г., № 2G, а га
ключигельное письмо в редакции у Яро-
славского, в Л? ^9—13В.

III. Истории философии.

27. АКСЕЛЬРОД Л. И.—А. И. Герцен. (К
>0 IT х-одовщнке смерти). В об^рнике статьи
Д. Аксельрод „Этюды и воспоминания".
Ркг. Мь № 5 I'. Стр. 61.
Пхотящий очерк А. посвящен мировой-
Гордона, причем Л. утверждает, что
„совершает тот же путь фллософ-
саого разлития, по которому шли Марко и
Энгельс, совершенно независимо от них".
28. ФИЛОНОВ, Н.—Философия Бэкона. (По-
пулярный очерк). Изд. Новая Москва",
i'V25 г.
29. ГЕ КНЕЛЬ, ЭРНСТ.—Монизм Со витуи.
• чтьзй Г. Гурева. изд. „Томельский Рабо-
'25 v. Стр. 183
30) ГУРЕВ. Г. А.—Чему учи дарвинизм?
(Популярней очерк). Над Д'омольский Ра.-
-(.-'шй-. Гомель 25 г. Стр. 78.
*31 ГОЛЬДШМИДТ РИХАРД.—Проф. био-
логического Иистита Бверлине. Аскарита.
Оил.гедостушное введение г» науку о жпзгш.
Перевод о немецкого С. .1. Соболя, с трк-
профессора Л. К Кольцова. Ггп.
Л1 г. Стр. Я76.
Содержание: 7. Форма, л.вет, приспособ-
2 Жпьмгь и делесооираинооть. Л. Коя>^А
и рь/хаюго. 4. Лимфа-, мышцы, дпидлачшо

Г». Яервы н органгл чувствл, G. Слух и чул
<'тво рашьюеоя, центральная нервная систе-
ма. 7. Добывание пщцл. -^ Ишдевр.роние.
обмен веществ, иидс.кисие. U.o.i, рпiMiuв
ж.ОЕШе, онд(>дитвореиле 10 Ядро, хромосомы,
определение пола. 11. Законм Менделя и
учение на:ледственностн. j'1- I[тори-л л
пития. 13 С. Л. Соболя Научная IT научно-
популярная литература ли бно,'огни и зо-
ологии на русском языке.
„Эта книга обращается ко всякому,
монсет читать, к. самым широким ?сруга"
читателей, к. рабочим, иенытывакщнм пот
ребяюеть в образовании и отнюдь, не в пос-
леднюю очередь іт молодежи" (Из предисл-
автора).
32. ДЕМСКИЙ, Д. Нравственность и яра
во с тонни зрения исторического материа-
лизма. (Общедоступный очерк).
Изд. „Пролетарий" Харьков—Д1. г
Стр. 91
33. ДИНГЕЛЬШТЕДТ, Ф. Диалектический
материализм. Под ред. В. Юршца.
Изд. „Буревестник". Ростов на Дону, 2Г» I'.
„Книжечка собой представляет слабую
ученическую работу. Автор пытается попу-
лярно изложить диалектический материл-

лизм, но делает это поверхностно, недостаточно, а местами прямо леварно". (Самозащитов „И“ 25 г № 281).

34. РУДАШ, ЛАДИСЛАВ. Преодоление капиталистического общества или диалектическая дилемма тов. Лувача. „ВКА“ 1925 г. № 10, стр. 3—67.

В статье автор устанавливает связь между взглядами, выраженным в статье Лувача „Материализация и престарение сознания“ („ВКА“ VIII и IX) и боденовщиной.

35. РУДАШ, ЛАДИСЛАВ.—Против новейшей ревизии марксизма. Сборник статей. Изд. Коммунист. Академии. М. 1925 г. Стр. 176.

К философии в этом сборнике относятся статьи: 1. Конец некапитализма. 2. Коммунистическая ревизия марксизма (О. Луначев, Корно и др.).

36. ЗАЛИНД, А.—О эволюционной этике. Об установке вопроса. Статьи в „Алмазном Пролеткульта“. (М. 1925 г.) Стр. 63—75.

* **37. ДЕНИН, Н.**—Письма к Горькому. В 1-й книге „Денинского Сборника“, 1924 г.

В письмах этих (1908—1913 гг.) Денин критикует Горькому его философию заблуждений. Л. Б. Каменев характеризует эти письма, как „документы войны на идеологическом фронте“.

* **38. ЯСНИ, В. (УЛЬЯНОВ).** Теория и практика диалектического материализма. Изд. Комм. Академии. М. 1925 г. Стр. 658.

39. СЕМКОВСКИИ, С. Ю. проф.—Этюд по философии марксизма. Гиз. М. 1925 г. Стр. 164.

Содержание: 1. Агностика воплотившегося материализма (Фейербах). 2. Исторический Фейербах и Маркс и место современной науки. 3. Теория относительности и материализм. 4. Национальная ашперация. 5. Марксизм, как предмет преподавания. 6. Вопросы преподавания.

40. ФОРЕЛЬ, АВГУСТ, проф.—Визия, смерть и бессмертие. Изд. „Романский Рабочий“, Гомель. Стр. 10.

41. ХАРАЗОВ, Г.—Математическая критика теории относительности. „ВКА“, 1925 г., 10. Стр. 258—300.

* **42. ЦУР-ШТРАССЕН.**—Поведение человека и животных в новой освещении. Предисловие акад. И. П. Павлова. Перевод а-ра И. А. Модошова. Изд. „Время“, А. 1925 г. Стр. 71.

Содержание: 1. Общий обзор и программа. 2. Истинное поведение. 3. Ассоциация и абстракция. 4. Разум, сознание, высказывание.

Это — анималистическая брошюра, в которой делается попытка объяснить поведение человека и животных, а также разум и сознание исключительно на основе физико-химических процессов, без введения психического фактора.

* **43. СИГЕЛЬС, ФРИДРИХ.**—От обезьяны к человеку. Изд. „Романский Рабочий“, Гомель. 1925 г. Стр. 60.

Приняты в „Библиографии“ сокращения:

ВКА — „Вестник Комм. Академии“.
И — „Известия“ — журнал.
ИИ — „Известия ЦК“.

Л. — Ленинград.
М. — Москва.
СР — Саратов.

IV. Отзвывы.

В. Рожицын—«Золотая легенда. Книга о святых мучениках», с предисловием Ел. Сарбьянова; 224 стр., ГИЗ, 1923 г. (ц. 1 р. 15 к.).

Чрезвычайный источник доходов для церкви,—преславяемые и чтимые ранее христианами мученики и мученицы — в действительности никогда не существовали, их «жизни» представляют собою извращенные замышленные духовенства. Таковыми же замышленными материалами также первонные рассказы о гонениях на христиан в первые три века нашей эры. Гонимый, как таковых, не было, а была лишь «замышлен» борьба между сенаторской землевладельческой частью и теми новыми общественными группами, которые помогали созданию абсолютной самодержавной монархии,—епископам, чиновникам, землевладельцами — арендаторами и работодателями...

Гонения не принадлежат к числу таких исторических фактов, в которых различают узкие границы парадигмы массы, но они возникли между двумя группами в рядях господствующей массы. На редкое массы отнеслись безучастно к гонениям (стр. 119—121).

В момент овладения государственной властью христианство христиан составляло в империи от 3 до 5%, но они не только были чужды, христиане совершенно тотальн в общей массе населения с теми...

все же, политически были сильны и стали господствующей партией, то по той причине, что это была, вместе с тем, партия господствующего класса... инычество не было поколеблено (христианской) проповедью...

Религия христы была религией государей, правителей, вобовладельцев, и стала господствующей религией потому, что она была религией господствующих классов,—сначала в самодержавно-бюрократическом и рабовладельческом государстве Римской империи, затем в феодальном средневековом обществе и, наконец, при капиталистическом строе» (224).

Таковы те ценные выводы, к коим приходит автор. Если в отношении мифичности ранних гоений, как таковых, он (вдя своим, самостоятельным путем) подтверждает только выводы западно-европейской науки, то в остальном дает нечто и существенно—новое. Выдвигая на первое место факты и факты, работая по ранне-христианским и прочим источникам, всюду вскрывая классовую борьбу группировок тогдашнего общества, делая статистические подсчеты,—он заставляет заново пересмотреть вопрос о возникновении христианства. До сих пор у нас, с помощью руки К. Каутского, господствовал и еще продолжает господствовать взгляд, что раннее христианство—социальное движение претарских масс. Книга тов. Розинкина нанесит серьезный удар этому спорному взгляду и переносит центр тяжести в класс имущих Римской империи. Как известно, к этому взгляду пришел в свое время и Виллер, идя другим путем. В пользу этого взгляда можно привести еще одно соображение или указать на один факт, ранее трудно объяснимый: вся ранне-христианская, повозаветная литература, как-то: откровение Иоанна, Павловы послания и евангелия, пронятанная тонкой символикой и религиозной философией в духе александрийцев, пересыпанная идеями в образах из тайных мистериальных учений и культов и т. п.,—вся эта литература, несомненно, писалась высокообразованными (для тогдашнего времени) представителями класса имущих и не для широких, претарских, масс. Есть и еще ряд моментов, говорящих за это,—но здесь не место их касаться.

Автор всей своей книгой и заключительными выводами подводит к этому пересмотру взглядов на ранне-христианство, но на этом и... останавливается. Здесь у него получается досадный для читателя, существенный пробел: автор даже вкратце не набросал хода развития раннего христианства, как представляет его он сам. Он также совершенно не вскрыл, не выяснил происхождения и самого христианского «культа мучеников», как такового. Что в этом культе большую роль играла магия, магия крови,—вряд ли можно сомневаться. В таком же случае, автору «магических» «Пасхи» и «Рождества христового»,—тов. Розинкину— к книжке в руки. Будем надеяться, что вышеотмеченные пробелы он заполнит в последующих изданиях.

АЛЬФА—ОМЕГА—«Христианские и еврейские праздники, их языческое происхождение и история», перевод с немецкого, Гиз, 1924 г. (ц. 90 коп.).

1) «Благовешение», 2) «Смерть и воскресение в различных религиях», 3) «Воскресение», 4) «Таинство единения св. духа», 5) «Сознание и жертвенные приношения», 6) «Петр и Павел», 7) «Успение пресвятой Богородицы», 8) «Евангельские Марии», 9) «От козла отпущения к «бессмертному агнцу», 10) «День всех святых и духов день», 11) «Праздник

испорченного зачатия», 12) «Когда и где родился Иисус», 13) «Рождественская елка и омела», 14) «Новый год, праздник обрезания Иисуса», 15) «С+М+В», 16) «Сидел ли когда-нибудь Петр на престоле Петра», 17) «Свечная обедня Марии», 18) «Чудо омоложения», 19) «Мифическое происхождение евр. иудеизма», 20) «Архангел Гавриил, Зевс и белый слон», 21) «Погребение смерти», 22) «Пасхальный агнец у иудеев, евреев и христиан», 23) «Великий обман», 24) «Марк в качестве свидетеля против Иисуса», 25) «Был ли Иисус христос социалистом».

Эти статьи принадлежат члену германской компартии, активному антирелигиознику, и печатались им в немецких рабочих газетах. Написаны они простым языком, дают научно-доброкачественный и свежий материал; при чем автор идет здесь путем некоторых наших авторов-антирелигиозников: использует работы буржуазных ученых (в первую очередь — А. Дрекса, Д. Робертсона и других «христорборцев»), пропуская эти труды, чрез горлышко исторического материализма. Много места здесь занимают данные сравнительной мифологии, незаслуженно гонимой у нас некоторыми; успех этих статей и сборника за границей показывает, что эта «мифология» (конечно, в надлежащем освещении и применении) уместна и применима в деле антирелигиозной пропаганды.

Правда, некоторые построения или моменты в сборнике спорны, с частью совсем нельзя согласиться, хотя бы, напр., с объяснением происхождения рассказа деяний апостолов о «сошествии св. духа» и соответствующего церк. праздника. — но таких мест немного.

В общем и целом книга интересна и полезна, особенно, для тех антирелигиозников-лекторов, которым приходится свою кампанию приурочивать к тому или иному церковному празднику. Но, книга была бы еще ценнее, если бы Госиздат не выбросил библиографических ссылок автора. Ссылки полезны всегда в двух отношениях: 1) позволяют критически-настроенному читателю проверить автора по его источникам, 2) почерпнуть из них указания на новые или ранее незамеченные читателем труды (особенно заграничные).

Должно поставить в вину Госиздату: отсутствие иллюстраций. Методической аксиомой является положение: один рисунок часто говорит читателю больше, чем десяток страниц текста, и это в особенности, — если имеется в виду массовый читатель.

Н. Румянцев.

Издатель.
Московская Группа
активных атеистов.

Ответственный Редактор: И. Шпицберг.

Главный № 37.264.

Тип. АОМС им. М. И. Рогова. Тираж 15.000 экз.

для народа.

Религия дурман

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АТЕИСТ“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Трагедия ЖРЕЦ ТАРКВИНИЙ, в 3 актах. С. ПОЛИВАНОВА, под редакцией И. Шпицберга и Н. Аксагарского. Музыка Н. Малько. Рисунки В. Триваса. 2 издание. (Распродано).
- „Миф о христе“, т. I, А. Дрекса, пер. с нем. под редакцией П. Красикова, со т. И. Шпицберга: „Христос как динамомашинка капитализма“ — 1 р.
- „Миф о христе“, т. II, А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцев, под редакцией П. Красикова, с передовой ст. переводчика „Мифологическая школа“.
- „О боге и чорте“, памфлет Э. Даянсона, пер. с франц. и примечания И. Шпицберга. (Распродано). Печатается 3-ье издание.
- „Святой отрок Гавриил“ — бейлисиала. 10 к.
- „Рождество христово“ (очерк из сравнительной мифологии) — Н. Румянцев. 15 к. (Распродано).
- „Страшный суд, как картина звездного неба“ — Даниила Святского. 15 к. (Распродано).
- „Философия жизни Иисуса“ — А. Немоевского, пер. с польского яз. и предисловие Н. Румянцев. 35 к. (Распродано).
- „Евангельские мифы“ — Джона Робертсона. Перевод с нем. под редакцией и с предисловием И. Шпицберга. 50 к.
- „Первобытный коммунизм и первобытная религия в историко-материалистическом освещении“ — Г. Эйльдермана (с нем.) с предисловием автора и профессора В. К. Никольского. 1 р. 50 к. Сдано в печать второе, исправленное издание.
- „Зеркало папизма“ — Отто Корвина, с предисловием И. Шпицберга. 1 р.
- „Инквизитор Торквемада“ — трагедия в 7 карт. С. Поливанова (по В. Гюго). 50 к.
- „Миф об Иоанне крестителе“ — Н. Румянцев. 20 к. (Распродано).
- „Жил ли христос“ — А. Дрекса, пер. с нем. Н. Румянцев. 40 к. Издание 2-ое.
- „Рождественская мифология“ — Н. Румянцев. 25 к. (Распродано).
- „Отче наш капитал“ — атеистическое обозрение в 3 д. с пением, Д. Долева и Ф. Благова. 50 к.
- „Новоявленная икона“, пьеса в 3 актах, В. Соловьева. 50 к.
- „В сетях святой инквизиции“, пьеса в 4-х картинах А. Струве.
- „Религия и здравый смысл“, П. Гольбаха, пер. с франц. под редакцией В. Шишакова. 75 к.
- „Завещание священника Иоанна Мелье“ (по Вольтеру). Пер. с франц. под редакцией В. Шишакова. 30 к.
- „Пасхальная мифология“ — Н. Румянцев. 1 р. 25 к.
- „Жил ли апостол Петр?“ — А. Дрекса, перевод и примечания Н. Румянцев, с предисловием И. Шпицберга. 75 к.
- „На страшном суде“ — атеистическая сатира в трех происшествиях, Д. Долева и Ф. Благова. 75 к.
- „Моши купца Титова“ — комедия в 4 актах С. Поливанова. 75 к.
- „Старуха на духу“ — пьеса для крестьянского театра С. Городецкого. 10 к.
- „Что мы знаем об Иисусе?“ — Э. Гертлейна, с нем.: 40 к.